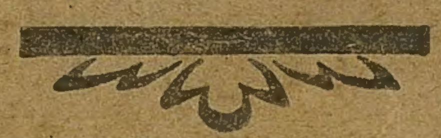
ПРОТ. А. ВВЕДЕНСКИЙ

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

ОЧЕРК ВЗАИМООТНОШЕНИЙ 1918—1922

МОСКВА
1—9—2—3

И Р

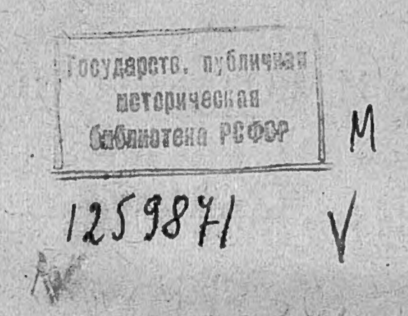
Прот. А. И. Введенский

Заместитель председателя Высшего Церковного Управления русской православной церкви

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

(ОЧЕРК ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В РОССИИ 1918—1922 г.)

МОСКВА.
1923 г.

Главлит № 7766. Тираж 8.000 экз.

„Мосполиграф", 20-я типография „Красный пролетарий", Пимоновская, 1/16.

ВВЕДЕНИЕ.

История взаимоотношений церкви и государства в период русской революции (1917—1922) есть история гражданской войны церкви и государства.

Церковь была оплотом монархии. Когда монархия рухнула, церковь повисла в воздухе. Идеальное назначение церкви—осуществлять на земле учение Христово—церковью, в лице ее ответственных руководителей, давно было забыто. Монарха теперь нет: революция смела его. Что же делать? И вот, в период весны 1917 г. церковь мечется. Лучшие (но очень немногочисленные) силы церкви хотят поставить церковь не во враждебные, а в дружеские отношения с освобожденным народом. Но—сильна мрачная реакция церкви. Она притаилась. Но скоро подымает голову свою. По мере развития революции, все реакционные силы сплачиваются около церкви.

И быстро тонет в бездне церковной контр-революции маленькая лодочка подлинной евангельской традиции. Церковь решается восстановить в России былую национальную славу и мощь. Под этим углом зрения ведется вся предсоборная работа, с надеждой на это протекают выборы на собор. И так же работает сам собор: он есть церковно-политическое собрание, а не чисто-религиозное.

Я привожу ниже целые протоколы собора. Ввожу читателя в самый процесс работы. И что же? Смертельная ненависть к большевикам и где-то на заднем плане любовь ко Христу. Собор занимается явно нецерковными делами. Обратите внимание на заседания после рождества 1917 г. Члены собора рассказывают, что делается на местах. Чисто политически - обывательская

сводка, не имеющая ничего общего с евангелием, во имя которого собор как будто бы собирался.

А потом эти бесконечные рассуждения о крестных ходах—демонстрациях против Советской власти. Как обеспокоены члены собора, чтобы все было внушительно, грандиозно!

Штаб, рассматривающий планы, карты, обдумывающий наилучшие стратегические и тактические ходы—все это для низвержения большевиков: вот что такое собор 1917—18 г.

Когда собор кончил свое существование, церковь замерла. Но и в этой тиши она питалась настроениями и заветами первого собора.

Период затишья кончился бурей истории с изъятием церковной утвари и др. ценностей для нужд голодных. Здесь церковь дала бой государству по директивам, завещанным собором. Бой церковь проиграла, и главнокомандующий, патриарх Тихон, подал в отставку.

Новые люди стали у церковного кормила. Они разорвали с контр-революцией. Их обвиняют в измене заветами Христа. Там, у Тихона, была правда!—вот что злобно бросают нам.

Пусть эти страницы, написанные по документам, тщательно церковниками скрываемым, и будут нравственным оправданием тем, кто разорвал с Тихоном и его церковью, но не с Христом и с подлинной его церковью.

Эти речи, эти цитаты, эти протоколы лучших деятелей тихоновской церкви пусть откроют глаза тем, кто думает, что в тихоновщине Христова правда. Пусть он сам убедится, что нет в ней ничего этого: тихоновская церковь есть просто контр-революция, богохульно, кощунственно смешавшая дело Христово с делом всевозможных белогвардейцев, которым, конечно, никогда не было и нет дела до подлинного Христа, великого друга всех скорбных и утружденных и гневного противника всех угнетателей и поработителей, для которых и служит, ведь, белогвардейство.

Хочется крикнуть всем им, этим „ревнителям православия“: прочь руки от церкви! Она решительно рвет с вами, она не пойдет с вами!

Москва,
22 января 1923 года.

Церковь и государство.

ГЛАВА I.

Церковь перед революцией.

Чтобы определенно, ясно и отчетливо представить себе картину церкви перед революцией, надлежит быть живописцем первого ранга. Такое разнообразие красок, такая неожиданная игра и пересечение линий, столько ситуаций, такие перспективы! По своему заданию, церковь есть „град божий“. Не имеем здесь пребывающего града, но грядущего взыскуем—такова знаменитая формула апостола. Надмирное царство. Когда самого Христа спросили: ты царь? Он отвечал Пилату—царство Мое не от мира сего, потому что если бы оно было от мира сего, то слуги Мои подвизались бы за Меня, но ныне царство Мое не от мира сего.

Таков завет Основателя христианства. И так же, как мы уже видели, трактует это лучший ученик Христов, тот, о котором некоторые немецкие критики говорят, как о втором основателе христианства.

Но недолго продолжалась эта идиллия. Правда, на заре христианства мы видим борьбу христианства с тогдашним эксплоататорским государством. В одной из самых загадочных книг Нового Завета в „Откровении святого Иоанна“ мы читаем о государстве в виде дракона, исходящего из бездны (мотив, повторенный Гоббсом в его „Левиафане“): „и увидел я другого зверя, выходящего из земли“. Он имел два рога, подобные агнчим, и говорил, как дракон. Он действует пред ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю; и

творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми. И чудесами, которыми дано было ему творить зверем, он обольщает живущих на земле. И говорил и действовал так, чтоб убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. И он сделает то, что всем—малым и великим, богатым и бедным, свободным и рабам—положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание или имя зверя, или число имени его" (Откр. XIII гл).

Это государство, сливающееся с чудовищным образом зверя-антихриста, первая христианская церковь ненавидит священною ненавистью. Об этом свидетельствует тот же Апокалипсис в торжественном гимне на падение государства—Вавилона: „горе, горе тебе великий город Вавилон, город крепкий, ибо в один день пришел суд твой. И купцы земные восплачут и возрыдают о нем, потому что товаров их никто уже не покупает... И плодов, угодных для души твоей, не стало у тебя, и все тучное и блистательное удалилось от тебя,—ты уж не найдешь его. Торговавшие всем сим, обогатившиеся от него, станут вдали от страха мучений, плача и рыдая... И посыпали пеплом головы свои и вопили, плача и рыдая: горе, горе тебе, город великий, драгоценностями которого обогатились все, имеющие корабли на море: ибо опустел в один час! Веселись о сем небо и святые апостолы и пророки, ибо совершил Бог суд ваш над ним" (Откр. XVIII гл.).

Я нарочно привел эти цитаты из первоисточников христианства, чтобы ясен был дух неприятия мира первою церковью, которая, в ожидании нового неба и новой земли, где живет правда Божия, является врагом государства, врагом, который, правда, не имеет силы нанести последний смертельный удар ненавистному зверю, но, притаившись, ждет этой гибели, в глубокой уверенности ее неизбежности и неизбежности скорой. Хилиастические чаяния первохристианства определенно выявляют нам всю остроту ненависти церкви к государству.

Но прошло всего три века. И христианство стало орудием в руках государства, сама церковь превратилась в государственный орган. Правда, не сразу. Процесс этот, действительно, длителен, но, чем дальше, тем определеннее становится очевид-

ным, что вместо небесного царя церковь служит земному царю. Блеск царства земного почти совершенно ослепляет церковь, ослепляет так, что не приходится почти говорить в серьез о том, что церковь служит царству небесному, царству божию.

В четвертом столетии Константин Великий, принявший христианство только на самом смертном одре, делает христианскую религию господствующей, а христианскую церковь тем самым возводит на невиданную высоту. Церковь получает золото, поместье, рабов. Церковь делается крупнейшим феодалом. Золото истины и алмазы правды с жуткой поспешностью промечиваются на звонкие монеты и каменья митр.

Да, этот процесс с мучительной тревогой подмечался лучшими вождями церкви, но их было так немного, а у императора было так много силы, блеска и власти. Раз епископы заявили одному из византийских императоров, что его распоряжение противоречит канонам, священным уставам господней церкви. Изумленный дерзостью этих епископов, разгневанный император ответствовал: моя воля—вот канон для вас. Эта фраза воистину стала классической. Она стала нормой взаимоотношений церкви и государства. Государство — все, царь — земной бог. Царь стал приписывать себе, без всякой благодати, без всякого посвящения, права епископов. Он так иногда и назывался: „внешний епископ". Он стал принимать участие в богослужении. И очень активное. Он мог не только совершать каждение, но и выносить дары во время великого выхода. И царь настолько слился с церковью, что епископы, эти верховные руководители церкви, стали облачаться в императорские одежды, совершая богослужение (саккосы).

Из Византии, вместе с верой в Христа, к нам, в Россию, перешло и это сверхблагоговение перед правителями. Воистину, русская церковь, эта младшая дочь византийской церкви, не забыла материнских заветов своей родительницы. Царь земной в глазах русской церкви сливается с образом невидимого царя небесного.

А эти заместители Господа Бога делают все от них зависящее, чтобы углубить эту странную забывчивость церкви, вдруг променявшей „единое на потребу" на вещи с человеческой точки зрения, может быть, и очень привлекательные, но такие

ничтожные с точки зрения подлинного церковного сознания.

Достаточно остановиться на Петре. Его знаменитая табель о рангах. Чиновники гражданские, воинские чины. Знаки равенства между тем или иным чином военным и штатским. Но... но и священники этой табелью приравниваются к этим самым чиновникам. Так, скажем себе, епископ равняется действительному статскому советнику, генерал-майору и контр-адмиралу. Архиепископ равняется генерал-лейтенанту, а протоиерей полковнику. Эта табель рангов с таким именно соотношением светских и духовных чинов, действовала до самой революции.

Церковь превращена в один из аппаратов государства. А епископы и священники, эти, некогда, носители апостольской свободы, правды, любви, порыва и чистоты, превратились в чиновников. Чиновников можно награждать и поощрять. И духовных чиновников можно награждать и поощрять. И государство осыпает духовенство, как из рога изобилия, наградами. Дело доходило до величайших в этом отношении курьезов. Павел, этот царственный кретин, не зная, как обласкать своего любимца, Иринарха Псковского, пожаловал ему генерал-адъютантские аксельбанты. И этот монах, отрекшийся от мира, этот слуга Господень, преемник Павла и Петра, ничтоже бояся, ничтоже сумняся, украсил свою епископскую рясу офицерскими погремушками. В таком виде, в клобуке и аксельбантах, и сейчас висит в Петрограде в русском музее его любопытнейший портрет.

Для духовенства было страшным огорчением, когда при одном из последних предреволюционных петроградских митрополитов было отдано распоряжение не одевать звезд и орденов прямо на саккосы и ризы, а довольствоваться тем, что ими можно украшать только рясы.

Самая церковь, как таковая, в глазах государства перестает быть церковью. Конечно, с точки зрения монархизма, это естественно и понятно. По замыслу основателей церкви она есть некоторое священное бунтарство, устремление ввысь, пренебрежение всем земным. Такую организацию надо было переплавить в иную, более для монархизма безопасную. И это делается с изумительным мастерством.

В „Ведомстве православного исповедания“ с таким трудом, даже при всей любви и боли за осквернение святыни, замечаешь что-либо, хотя бы приблизительно, слегка, напоминающее первоапостольскую церковь.

Да ее и нет. Вместо церкви в самодержавной России официально существует „ведомство православного исповедания“. Так, наряду с „ведомством императорского двора“. Два царя. Два ведомства.

„Ведомством православного исповедания“, как и всяким ведомством, управляет министр, слуга государев. По выражению Петра Великого, обер-прокурор святейшего синода (таков титул церковного министра) должен быть из „добрых офицеров“, которые, по смелому предположению императора-вояки, на все способны. И в самом деле, не раз именно офицеры стояли во главе общины, которая, пусть всего-навсего официально, формально, но верует в кротчайшего учителя добра, незлобия, всепрощения, абсолютно отрицавшего (хотя бы в своей нагорной беседе) всячекое насилие и принуждение. Митрополит Филарет московский горько раз пожаловался, что обер-прокурорские шпоры цепляются за край его рясы. Впрочем, обер-прокуроры, хотя иногда и очень чувствительно, но задевали за рясы официальных, но не фактических вождей церкви, не столько по своей воле, но по соизволению своего владыки, самодержца Российского. Ведь этот самодержец был „главой“ русской церкви, как об этом совершенно определенно утверждает ни более, ни менее, как свод действующих законов Российской империи.

Да это делает не только официальный кодекс русской самодержавной государственности. Здесь только юридически фиксировалось то, что уже давно было принято жизнью, и принято жизнью церковной.

Церковь возвела царя в самом деле на божественную высоту. Пусть наши самодержцы не кадили за литургией. Оставим в стороне попытку некоторых наших царей не только кадить за литургией, но и совершать самую литургию. Так, Павел хотел совершить литургию в Пензе. Ему уже было приготовлено голубое облачение, и только в последнюю минуту окружающие хитростью уговорили его не совершать этой безумной затеи.

Царь был и в русской церкви „внешним“ епископом, ничуть не меньше византийского. Он был весь исполнен религиозной санкции. На фронтоне Исаакиевского собора в Петрограде огромными буквами начертано: „сердце царево в руце Божией“. Воля императора сливается с волей абсолютного начала—с Богом. Самодержец во всем аналогичен вседержителю. Он весь пронизан его особыми дарами и благословениями. Вопреки завету Ветхого Завета, который, как известно, в древнейшей своей стадии был огненным противником царизма, вопреки основателю Нового Завета, который определенно требовал от своих учеников не иметь „царей и владык“, как это бывает у не-христиан—вопреки всему этому в русской православной церкви царь—это исходная и конечная точка всего ее бытия. Возьмите акт так называемого „священного коронования“, совершавшегося в древнем московском соборе Успения. Царь увенчивается короной с крестом—символ земной власти, апробированной небесной санкции. Царя второй раз миропомазывают. Этим особенно они хвалятся. Они „помазанники“ Божии, Божии „христы“ (Христос—помазанник). Дары Духа Пятидесятницы низводятся на царей во исполнение слова Божия: „не прикасайтесь помазанным моим“. Царь через этот акт делается священно-неприкосновенным. Правда, этот акт делает церковь несомненно самочинно. Таинство миропомазания совершается, по собственному же учению церкви, единожды в жизни. Но царь помазуется дважды. Этим подчеркивается, этим санкционируется его уже более чем просто человеческая сущность. Никто—конечно, ни прочие миряне, ни священники, ни епископы, ни самые патриархи не получают двойного миропомазания. Этим царь безмерно возвышается над всеми прочими. Любопытна и еще одна подробность „священного коронования“. В конце литургии царь входит через царские врата прямо в алтаре и у престола Божия причащается сам. Как известно, через царские врата могут входить только посвященные, епископы, священники, диаконы, в таинстве рукоположения получившие благодать на свое священническое служение. Они же только и могут касаться престола. Царь все это может делать без всякого посвящения. Этим как бы подчеркивается, что он, по своей царской природе, как таковой, безмерно выше прочих человеков и, без всякого посвяще-

ния, может прикасаться ко всякой святыне, к величайшей святыне; он сам часть (и очень значительная) этой святыни.

Имея такую религиозную значимость, русский самодержец, конечно, был и фактическим главой своей церкви.

И как трепетала перед ним эта церковь!

В своих молитвах она возносила его имя не иначе, как с непременным прибавлением „благочестивейшего, самодержавнейшего, великого государя императора“. Церковь буквально терялась при одном имени императора. Филарет Московский, ум тонкий и проницательный, индивидуальность весьма незаурядная, буквально робеет при одном царском имени, при намеке на это имя. Да — великое имя! Оно подписывается церковью с благочестивой поспешностью всюду, на самых священных предметах. На обороте священнических наперсных крестов вы найдете имя императора Павла или Николая второго. Те же и другие царские имена надписаны на чашах, на антиминсах, на евангелиях, на богослужебных книгах и т. д. И при этом имени, зачастую ставимом на ряду с именем божиим, подчеркивался, так сказать, ранг этих имен—имени божьего и имени императорского. Конечно, простодушный читатель думает, что имя божье все-таки больше имени царского. О, какое глубокое заблуждение! Церковь думала иначе: имя божие печатается маленькими буквами и тут же имя царское буквами большими, в два раза большими. Возьмите любую богослужебную книгу. Вот служебник издания 1912 года. На одной из последних страниц: „Во славу святые единосущные и животворящие Троицы“—шрифт обыкновенный. И далее: „при державе благочестивейшего самодержавнейшего великого государя императора Николая Александровича“—шрифт особый, двойного размера. Таких примеров можно было бы привести очень много.

Это не было „подлизыванием“ к власти. Таков был дух церкви, таково было ее миросозерцание. Лучшие священники, которых трудно заподозрить в неискренности, в самом деле верят в святость, в религиозную значимость императоров и императриц. Я вспоминаю напечатанную проповедь знаменитого Иоанна Кронштадтского, произнесенную в один из пасхальных дней. Как-то случилось, что день Пасхи пришелся на 23 апреля—день

„тезоименитства“ императрицы Александры Федоровны. И вот, знаменитый священник в ораторском экстазе сопоставляет эти два события: светлый и радостный день воскресения Христа, космической победы жизни над смертью, и тезоименитство „благоухающей“ „юной“ (это было давно) царицы. Трудно себе представить большее извращение религиозного чувства, а, между тем, это говорит человек несомненно религиозный. Но царизм развращал все, к чему прикасался. Тот же Иоанн Кронштадтский не находит слов радости в письме к игуменье Ангелине по поводу „высочайшей“ награды митрою.

Иоанн Кронштадтский, несмотря на свое академическое образование, был простец умом. Но и церковники, изощрившие свой мозг подлинным просвещением, подлинной культурой, когда их мысль касалась величия самодержавия, изнемогали перед его великолепием. Так, профессор московской духовной академии, священник Павел Флоренский, тонкий математик, утонченнейший богослов, написавший свой экзотический „Столп и утверждение истины“, о котором люди вовсе не из церковного лагеря свидетельствуют как о памятнике, равном „исповеди“ блаженного Августина, этот уже подлинно просвещенный ум говорит о царе еще решительнее, еще определеннее, и, с точки зрения действительно религиозной, еще более кощунственно. Перед самой революцией о. Флоренский поместил на страницах одной из правых московских газет статью, где требовал догматического признания органической связи православия и самодержавия.

Как известно, догмат церкви—это центральное, неизменяемое (без изменения самого существа религии) учение христианской религии. Такова, например, догматическая истина о божестве Иисуса Христа, без которой не может стоять и самая церковь. Так вот к числу таких истин один из просвещеннейших православных богословов требовал отнести учение об органической связи православия и самодержавия. Дальше идти, конечно, некуда и немыслимо вообще. Догматически устанавливается царизм, самодержавие. Ниспровержение самодержавия есть ниспровержение вседержавия, Бога самого. Полное слияние божеского и человеческого, низведение небесного царя на землю и

возведение земного царя на небесный трон. Таковою апофеоза не знала, не смела знать Византия. Требование о. Флоренского прозвучало уже тогда, когда даже не чуткое ухо определенно слышало подземные раскаты приближающейся революции.

Итак, церковь, — это одна из многочисленных чертогов земного царя. Здесь он полный обладатель и властелин. Властелин в религиозном, догматическом сознании, властелин в молитвах церкви, властелин и во всей жизни ее, от начала и до конца.

Рассмотрим теперь устройство этого церковно-государственного аппарата хотя бы весьма приблизительно.

Оставляя в стороне самого императора, который, по возможности, видимым образом не очень вмешивался в ход церковных дел, а фактически был всем, утверждая все основные изменения в положении дел русской церкви, остановимся на верховной коллегии русской православной церкви, так называемом святейшем правительствующем синоде.

Синод состоял из епископов, вызываемых с мест, по распоряжению императора. Только в самое последнее предреволюционное время среди членов синода появились два священника: протопресвитер придворного духовенства и протопресвитер военного и морского духовенства.

Дела в коллегии решались по большинству голосов, но решающей была воля обер-прокурора, этого „ока государева“ в делах церкви. Фактически обер-прокурор решал все. Высокопреосвященные и преосвященные члены синода были лишь благочестивой церковной декорацией часто для очень неблагочестивых деяний царского министра церкви. Воля императора была последней инстанцией при разрешении самых церковных вопросов. Вот определенный факт: года за два до революции обсуждается вопрос о посвящении в сан епископа одного монаха. Епископом он может быть лишь с нарушением основных правил церкви, так как является лицом в высшей степени ненравственным, что хорошо известно всем членам синода. Поэтому кандидатура его синодом отстраняется. Обер-прокурор настаивает. Синод настаивает вторично на недопустимости этого монаха в архиереи. Обер-прокурор снова настаивает. Синод в третий раз отклоняет кандидатуру недостойного. Тогда обер-прокурор определенно заявляет, что „этого желают в Царском Селе“. И после этого Ан-

тоний Храповицкий, в то время архиепископ волынский, обронял ставшую бессмертной фразу: „что же вы молчали, не сказали прямо? Если в Царском хотят его в епископы, то, ведь, если Царское захочет, то мы и черного борова посвятим в архиереи“. Это, увы, не анекдот, а факт.

Будучи таким „законопослушным“ учреждением, синод явно и ясно не мог представлять никакого подлинного религиозного авторитета. Это был административный Центр, подобный всем административным центрам самодержавной России, со всеми недостатками этих учреждений. Божественного и святого у „святейшего“ синода, конечно, не было ничего. Формализм и рутинерство, мертвечина там, где, казалось бы, должно было быть дыхание подлинной жизни — вот и все. Но, если с религиозной, подлинно-христианской, точки зрения синод был величиной отрицательной, то, с государственной, это был приличный аппарат, весьма полезный для затемнения народного сознания, чем и держалось блистательное самодержавие. Недаром обер-прокурор синода К. П. Победоносцев советовал императору иметь как можно меньше школ. Некогда, в до-петровское время один из славнейших православных иерархов, Паисий Лигарид, на вопрос — в чем спасение России и церкви — отвечал: „во-первых, нужны школы; во-вторых, нужны школы; и в-третьих, нужны школы“. Пред-революционные иерархи той же православной церкви, соглашаясь безмолвно с Победоносцевым, душат родину и церковь тьмою невежества.

Синод командует целой армией духовенства. Во главе этой армии стоит епископат. Епископы — ответственные руководители церковной политики. Они, эти „преемники апостолов“, приравниваются, в качестве епархиальных архиереев, к губернаторам. И часто по местам возникают комические споры о том, кто старше в губернии: губернатор или архиерей? Но если этот вопрос был спорным, то бесспорным является, что в усердии к монарху губернатор и архиерей соперничали друг перед другом. Архиерей служит в „царские“ дни литургию и молебен в самом пышном облачении, произносит самые верноподданические речи. А генералитет, чиновничество, и пригнанные в кафедральные соборы гимназисты и иные учащиеся старших классов „внимают“, с внутренней зевотой, этим церковно-монархическим демонстрациям.

Епископ, окруженный консисторией, бодрствует над вверенным ему духовенством. Это, прежде всего, отцы благочинные, которые являются руководителями прочего духовенства, будучи посредствующей инстанцией между этим духовенством и епископом.

Прочее духовенство—это великая армия чиновников в рясе, по указке свыше творивших волю своего духовного начальства. В духовные, ведь, редко кто шел по призванию. По традиции, из поколения в поколение, шли люди в иереи Божии. Духовная школа не только не воспитывала подлинно-религиозного духа, а, более того, часто вовсе вытравливала те небольшие кусочки веры, которые, пусть хотя бы только по традиции, еще имели, до поступления в церковную школу, будущие пастыри верующих.

Если рядовое белое духовенство, в огромном большинстве случаев, в религиозном отношении представляло из себя величину близкую к нулю, то епископат, этот командный состав церкви, в религиозном отношении, в самом деле, представлял из себя нуль или и того меньше.

Чтобы быть епископом, надо быть монахом. А монахом быть, значит, по самому смыслу этого греческого слова, быть одному, отречься от всего, от мира с его соблазнами и прелестями прежде всего. А между тем епископ является „князем церкви", вассалом императора, который и дает ему инвеституру. Давая обеты монашества, человек отказывался от мира, как такового. Принимая сан епископа, тот же самый монах принимал чрезвычайные полномочия не только духовного, но и государственного порядка. Как примирить это? Как примирить в своей совести очевидно непримиримое? Чтобы понять это, надо заглянуть повнимательнее: кто именно шел в епископы? А шли те, о которых апостол Павел говорил, как о людях с „прожженною совестью". Шли самые бесшабашные, безудержные, беспринципные карьеристы. Принимая монашество на школьной скамье, отрекаясь от мира, которого, хотя бы по молодости своих лет, они еще не знали, люди ослеплялись карьерой провинциального архиерея. Ради этого мишурного блеска они шли на все, как свидетельствует один из немногих искренних и религиозных архиереев царизма, архиепископ Херсонский и Одесский Ника-

нор Бровкович. Теряя совесть, епископы теряли и веру в Бога. Таким образом зачастую под епископским саккосом скрывался не только безнравственный человек, но и просто атеист. Дальше, конечно, итти невозможно, но, с точки зрения государственной, это было и неважно. Важно, чтобы эти епископы-чиновники были усердными исполнителями директив монархизма. Все прочее „приложится“, в том числе и благодать св. Духа. Неважно, что фактически, как, после революции, выразился один из старейших членов кружка 32 священников, о котором речь будет идти дальше, протоиерей Александр Петров, на епископов, в момент рукоположения их в этот сан сходил „злой дух“—так преображались эти архиереи, получив столь долгожданный епископский омофор, теряя последние остатки набожности и порядочности. Неважно, что, по свидетельству одного из почтеннейших, либеральных профессоров московской духовной академии, Ивана Дмитриевича Андреева, лично хорошо знающего дореволюционный епископат, большинство (или, как он даже утверждал, все) архиереев имели определенный психический дефект в буквальном смысле этого слова. Что было до этого царизму? То важно, что они были оплотом трона! Самодержавие и православие, вместе с мифической народностью, ведь, и есть существо российской государственности. Епископы, авторитетом Царя небесного утверждают авторитет земного царя,—а в этом, и только в этом, все. Пусть мне не указывают, что были и благородные представители клира, люди, для которых совесть их была превыше всего. Такие люди были, таких людей я знаю, о них я буду вести речь и в этой книжке, но таких было мало, во всяком случае безмерно меньше, чем то серо-преступное духовное большинство, о котором я только что говорил.

Епископы были проводниками предначертаний монарха. Чего же именно хотел последний от церкви? Это прежде всего роль воспитательницы широких народных масс. Воспитать народ через церковь в духе любви и преданности престолу—такая именно задача лежала на епископах, а через них и на всем духовенстве. Как осуществляло последнее эту задачу? Прежде всего путем возможно широкой агитации. Агитация в храмах. В упомянутые „царские дни“ в руководящих церковных храмах говорили на монархические темы лучшие духовные ораторы. Ораторы эти говорили по наряду.

Конечно, предварительно их проповедь проходила через самую основательную духовную цензуру. Далее, воспитание народных масс в церковно-монархических вкусах велось через школу. Обязательное преподавание Закона Божия. Извращение простых, четких, ясных требований христианства в угоду немногим, стоящим у власти. Оправдание царизма и неразрывного с ним убийства (грабительские войны) с высоты евангелия. Все это было не только в духовной, но и в светской школе. Прибавьте к этому целую сеть так называемых церковно-приходских школ, где крестьянский мальчик должен воспитываться в духе сыновней любви и безмерной преданности к своему царю. Вот тот мощный аппарат, работая которым, духовенство обязано было прививать народу чуждые ему верноподданнические чувства. Далее, в руках духовенства, кроме подростающего поколения, находились армия и флот. С точки зрения христианства, война есть страшное зло, бедствие, ничего общего, конечно, с евангелием не имеющее и евангелием не оправдываемое. Это не Толстой только, но и великие епископы первых веков, более того—сам первый никейский вселенский собор, запретили христианину воевать. Духовенство не могло этого не знать. Оно знало... и учило о пользе войны. Более того, оно учило о святости воинского звания, о святости воинского подвига. Так называемые полковые священники были усердными пропагандистами этих идей. Как известно, в полках, наряду с маршировкой и обращением с винтовкой, обучали и повиновению царю, по завету Бога, церкви и присяге. Это, конечно, была обязанность полкового священника. Священник здесь пред нами предстает в определенной роли офицера в рясе и больше ничего. На войне этот же священник будет учить обращать учение в дело—и ради царя земного, памятуя о награде у Царя небесного, бить, давить, душить, уничтожать своего брата из враждебного государства. Религиозное влияние церкви в армии было одним из самых важных для государства. Здесь монархизму церковь оказывала максимальную поддержку. С этим может сравниться (да и то только отчасти) лишь присяга. Здесь, целуя крест и евангелие, величайшие для христианина символы, верноподданные, призывая во свидетели бога и его карающую справедливость, обещались, не жалея сил, даже до пролития

своей крови, защищать возлюбленного своего монарха. Психологическое действие этого акта для религиозного человека, конечно, чрезвычайно, огромно. Создавались психологические устои для прочности царского трона, и это делала церковь, духовенство.

Бедное духовенство! Жалкие царские чиновники в рясах! Чиновники, именно чиновники. Ибо при всем нравственном безобразии тех деяний духовенства, о котором я только что сказал, была хотя бы как будто призрачная тень религиозного, если не оправдания, то освещения.

Но бедным батюшкам приходилось выступать в роли формальных чиновников. Они ведь „между прочим“ представляли всевозможнейшие статистические сведения, никакого отношения к церкви не имеющие; они являлись агентами, опять-таки „между прочим“ воинского присутствия, сообщая ему неопустительно каждый год о тех лицах своего прихода, которые в этот год должны были отбывать воинскую повинность.

Того гораздо более. Духовные лица, еще начиная с Петра первого, были агентами охранки. Если на исповеди кто-либо признается в грехе против царя, то священнику надлежит немедленно донести об этом кому следует. Вспомните, какая священнейшая тайна есть исповедь. Священник, выдавший тайну, узнанную на духу, лишается права священнодействовать. По древнему гражданскому правилу того гораздо более: такому болтуну нужно вырвать язык. Так строг закон! Но, если дело касается царя и его блага, законы молчат, законы не существуют!

Таков строй, в самых общих чертах, до-революционной церкви. Это совершенно очевидный монархический, охранительно-монархический механизм. Общего с религией церковь имеет очень много по своему заданию; много меньше по своей форме и почти нисколько по своему существу.

Чем ближе к моменту революции, тем более вскрывается вопиющая на небо неправда такого положения вещей. Монархия, чувствуя приближение своего рокового конца, безумеет в полусознательном страхе. Все дисгармонии звучат особенно прон-

зительно, особенно невыносимо. Это же мы видим и в церковно-монархическом „Ведомстве православного исповедания“. Здесь случилось уже нечто сразу же оттолкнувшее великое множество людей от церкви еще до революции политической. То, что я говорил выше о монархическом характере церкви, для многих могло быть неясно, могло быть задрапировано в слишком привычные, священные одеяния. Но в последнем своем периоде церковь делается открыто монархической.

Все дело началось со злосчастного 1905 года. Революция ударила грубой рукой по чинно-прилизанной монархии. Правда, в конце-концов, этот удар нанес этой физиономии только несколько синяков и кровоподтеков, но и от этих кровоподтеков в паническом ужасе стало останавливаться сердце монархистов. И, в первую голову, сердце церковных монархистов. Все контрреволюционные элементы России, когда удалось на время ликвидировать вспышку справедливого народного гнева, начали соорганизовываться, стали мобилизовать свои силы. И в их числе церковь, церковь одна из первых.

Вспомните организацию „союза русского народа“. Союз, куда вошли все отбросы русского общества, подонки в буквальном смысле этого слова. И в этот союз вошла церковь! Виднейшие русские архипастыри без всякого стыда вписывались в эту худшую из всех когда-либо существовавших в России партию. Церковники вздумали придать этой базарно-хулиганской организации блеск религиозной святыни. Одним из главных организаторов этого союза является знаменитый потомственный дворянин Храповицкий, принявший монашество с именем Антония и прославившийся в сане архиепископа Волынского. Прибавьте к нему „церковника“ Дубровина, вспомните Грингмута, Полубояринову, Пуришкевича и Крушевана. Какая благочестивая компания! Эта церковная свора утвердилась в церкви. Дерзостям ее не стало предела. В „Русском Знамени“, в „Колоколе“ печальной и позорной памяти Скворцова—этих двух лейб-органах политических хулиганов от имени церкви пелись дифирамбы „благочестивейшему и самодержавнейшему“ и обливались потоками грязи, клеветы и ненависти все „жиды“ и прочие „инакомыслящие“. Союз понаставил свои партийные знамена в церквах, рядом с христианскими святынями. Того более, они, эти добрые

„союзники“ не постеснялись на своих знаменах изобразить заветные лики Христа и Его матери, они носили эти знамена партии, разжигающей страсти и сеющей всюду клевету и ненависть, в крестных ходах, превращая их в определенные монархические демонстрации, только прикрывающиеся религиозными целями. В числе членов союза русского народа был и о. Иоанн Кронштадтский. Я не могу понять психологии этого доброго и недалекого человека. Что-то есть роковое в этом факте, что бесспорно лучший русский священник является членом самой постыдной организации политической. Этот союз имел губительное влияние на о. Иоанна Кронштадтского.

В последние годы его жизни на Юге случился один из многочисленных еврейских погромов. Иоанн Кронштадтский, потрясенный, отправляет протестующую телеграмму. Шаг красивый и такой естественный для христианского священника. Но „союзники“ убедили о. Иоанна Кронштадтского в том, что он неправильно, во вред царю поступил. И Иоанн Кронштадтский посылает вторую телеграмму, в которой скорбит не по поводу того, что христиане пролили еврейскую кровь, а по поводу того, что он восскорбел из-за этого сам и осмелился упрекнуть этих набожных и верноподданных погромщиков.

Союз осмеливается не стесняться в выражениях порицания тем немногим русским иерархам, которые имели христианское и гражданское мужество не записываться в эту политическую организацию. Известен инцидент всенародного оскорбления, которому подвергся покойный митрополит Петербургский Антоний Вадковский со стороны члена союза русского народа д-ра Дубровина.

Но большинство иерархов мужества не имело, да к мужеству и вкуса не испытывало. И спокойно записывалось в союз. Среди них, этих союзников-архиереев, были очень громкие имена, например, архиепископ Тихон ярославский (Василий Белавин), впоследствии патриарх московский и всероссийский.

Рядом с „союзом русского народа“ работало немало лиц, которые были одновременно и ответственными руководителями церковной жизни, в другой монархической организации, в так называемом „Русском собрании“.

Но русская до-революционная церковь была не только монар-

хическим, контр-революционным объединением. Она стала прибежищем для всякого рода проходимцев, проходимцев в буквальном и точном смысле этого слова. И что я говорю прибежищем? Она стала ареной их преступной деятельности.

Я имею в виду Распутина.

Григорий Распутин...

Ему не нравилась эта фамилия, по историческому капризу, сразу выявляющая его подлинную сущность. Он просил императора переменить ему эту позорную кличку на новую фамилию, и ему была дана фамилия „Новых". Но новая фамилия не привилась.

Распутин-Новых...

С трудом, при всей привычности факта, заставляешь себя поверить, что он в самом деле был и в самом деле работал, действовал так, как он действовал.

Что тут не чудовищно, не кошмарно во всей этой скандальнейшей эпопее? Распутин—хлыст, еретик, сектант. И он распоряжается судьбами православной церкви.

Распутин—развратник. И он диктует свою волю высшим представителям религии. Он обошел супругу „главы" русской церкви и через нее достиг возможности делать в церкви все, что угодно.

У Распутина были не только дамы, находившиеся под гипнозом его грязной личности, Распутин опирался и на своих ставленников—архиереев. Один из них—Варнава, епископ тобольский. Простой огородник, ловкий малый, человек даже без элементарного церковного образования делается епископом лишь из-за того, что приглянулся всевластному помпадуру. И Варнава, конечно, играет не последнюю роль в русской церкви.

Но кроме Варнавы у Распутина был Питирим, высокопреосвященный митрополит петроградский и ладожский. Питирим, как епископ первой русской епархии, играл первую роль в русской церкви и не последнюю в жизни государства вообще. Из глухой провинциальной епархии, этот человек, не имевший за собой никаких заслуг, кроме благообразной наружности, вытаскивается именно Распутиным. Распутин делает в церкви, что хочет.

Распутин—этот гнусный развратник—предельный конец русской

монархической церкви. Ее последнее и самое полное достижение.

Дальше идти уже некуда.

Дальше—революция. Ее беспощадный призрак.

Но уже до нее в церкви и обществе начался протест против такой церкви.

Протест против церкви начался незаметно, стихийно, многообразно.

Прежде всего этот протест сказывался в бессознательном, но стойком упорстве народных масс, которые не поддавались церковной агитации в должной мере. В самом деле, проповедь священников была воистину бесплодной. Нравственное учение Христа вообще нисколько не улучшало нравственной жизни верующих. Жизнь и нормы жизни нисколько фактически между собой не согласовались. Это вообще, но и в интересующей нас частности. Монархическая пропаганда вообще была неприемлема народному сознанию. В царские дни народ не ходил в церкви. Школьники со смелым юным критицизмом были строгими судьями монархических заверений о. законоучителя. И все это повсеместно, стихийно, не надуманно. Это была бессознательная реакция народного организма на ту вредную прививку, которую силком учиняли над этим организмом.

Наиболее сознательная и просвещенная часть русского общества, то, что мы называем интеллигенцией, особенно ярко и определенно противилась этому процессу монархически-церковной пропаганды. Политическое вольнодумство, столь характерное для дореволюционной интеллигенции, было основой для церковной оппозиции нашей интеллигенции. Интеллигенция часто просто гнушалась (я не подыщу более подходящего слова) церковью. Об этом свидетельствует и Мережковский, и Булгаков, и мн. др. Учитывая чрезвычайное, по словам этих авторов, значение церкви в жизни народа, учитывая то, что атеизм по существу якобы неприемлем народному сознанию, которому он вовсе чужд (так писал Мережковский лет за 10—15 до революции), эти же сами авторы сторонятся церкви. Я бы сказал, что это было признаком хорошего тона—свысока относиться к церкви. Это, как в одном рассказе А. П. Чехова. Один молодой и умный камер-юнкер Орлов, рассуждая о религии, изволил обмолвиться, что

верить в Бога глупо, но что вера полезна для народа, так как держит его в повиновении. Господствуюший дворянский класс, пожалуй что, именно придерживался приблизительно такой точки зрения. К сожалению, на этой же точке зрения стояла наша интеллигенция в известной своей части: она учитывала и руководствовалась только практической (политической) полезностью религии, церкви. Другая, бунтарская часть интеллигенции открыто фрондировала против церкви. Церковь есть синоним мракобесия! Именно так очень типичная интеллигентка-москвичка выразилась мне весной 1914 года в Крыму. Очень интересно остановиться именно на этой „церковной", так сказать, психологии нашей интеллигенции для того, чтобы сопоставить эту же „церковную" ее психологию после революции.

Будучи студентом универститета, если не ошибаюсь, в 1910 г., я через посредство нескольких газет обратился к русской интеллигенции с анкетой по религиозному вопросу. Мной получено около тысячи ответов, при чем, в огромном большинстве случаев, это были целые трактаты об атеизме, церкви и т. д. Отвечали мне со всех концов России, люди самых разнообразных профессий: учителя, профессора, врачи, иногда женщины (подавляющее большинство было мужчин). Таким образом у меня накопился материал, достаточный для характеристики религиозного сознания нашей интеллигенции. Каков же был характер этого сознания? Ярко отрицательный. Подавляющее большинство приславших свои ответы были людьми неверующими. Если перевести это число на проценты, то не менее 95% атеистов, либо очень свободомыслящих. Чрезвычайно показательно!

Большинство ответивших довольно подробно писали о причинах своего неверия, их, по преимуществу, было две. Во-первых, научные основания. Несовместимость науки и религии. Как характерно выразился один студент: „я вижу, как под натиском науки добрый старый бог принужден сдавать одну позицию за другой". Во-вторых, политическая. Церковь определенно трактуется, как филиальное отделение союза русского народа, неприемлемое этим самым для либерального интеллигентского сознания.

Само собой разумеется, что подлинно-революционная интеллигенция не могла относиться к церкви иначе, как сугубо от-

рицательно, из-за ее монархического, противонародного характера.

Но и внутри самой церкви были элементы, которые, возмущаясь неправдой церковной жизни, протестовали и страдали. По наблюдению Пругавина, среди заключенных в Суздальской тюрьме, куда заточали виновных в религиозных, религиозно-политических преступлениях, было несколько десятков процентов духовенства.

Особенно выразительно процесс протеста начался с 1905 года. Освободительное движение захватывает и церковь. В Петрограде организуется кружок „тридцати двух священников“. По инициативе свящ. Петра Кремлевского, в его квартире на Суворовском проспекте нелегально объединяются эти пионеры церковно-революционного движения. В кружке работают виднейшие идейные священники Петрограда: Иоанн Федорович Егоров, Григорий Спиридонович Петров, Павел Васильевич Раевский и др. Правда, их было мало. Тридцать два священника против нескольких сот петроградских сановитых батюшек. Эти последние, пользуясь поддержкой союза русского народа и правой прессы, начинают травлю нового движения. Оглядываясь назад, видишь всю безобидность этого освободительного движения. Это всего-навсего мечта о более каноническом устройстве церкви, протест против бюрократического синода, воззвание к нравственному сознанию верующих, а также тому подобные, очень благородные, но и очень невинные вещи. Но для реакционных священников это все казалось сокрушением самых священных и самых незыблемых основ. Начинается Мамаев поход на эту маленькую, безусловно смелую группку. Группа скрывается, переходит с квартиры на квартиру, кое-кто отпадает, кое-кто впоследствии делается даже врагом. Но ядро сохраняется и продолжает работу после 1917 года.

Интересно, как ведется эта травля. Не стесняются ни в каких средствах. Вызовы для репримандов к митрополиту, клевета и инсинуация из-за угла и публично. В „Новом Времени“ М. О. Меньшиков, этот болтун на какие-угодно темы, утверждает, что члены группы „тридцати двух“ даже в самого бога плохо верят. И это будто бы по личному ему признанию одного из таких либеральных священников. Когда это не помогает, при-

бегают к другим, более действительным и внушительным приемам. Кроме „тридцати двух“ начинают работать и некоторые церковники, не входящие прямо в эту группу. В их числе заслуживает особого внимания деятельность Евгения Христофоровича Белкова, издававшего журнал „Красный Звонарь“. „Звонаря“ закрыли. Он стал выходить под новым наименованием. Снова закрыли. Придумали новое название. Выпустили. И снова закрыли. В конце-концов, Белкова привлекли к суду по обвинению в ниспровержении существующего строя.

Следует здесь остановиться на деле священника Григория Спиридоновича Петрова. Это, несомненно, большой оратор, приковывавший к себе тысячную толпу, талантливый писатель и просто смелый человек. Он один из самых ярких пионеров церковно-освободительного движения. И поэтому он подвергся особому и ожесточенному гонению. Его подвергают мерам пресечения в Петрограде. Он переносит свою деятельность в Москву. Здесь он увлекает своим энтузиазмом целый ряд московских священников, которые организуются в нелегальный союз. Этот союз привлекает внимание недреманного ока иного союза— „союза русского народа“.

На патриаршьем подворье, ныне у нас, в Высшем Церковном Управлении, случайно сохранилось любопытное дело о „безместном иерее“ Г. С. Петрове за № 82 от 1906 г.

Оно очень любопытно, так как вскрывает документально внутреннюю пружину всех церковных до-революционных решений и постановлений. Дело состоит из двух частей. Доклад (объединенный) союза русских людей, монархической партии, союза землевладельцев, московской добровольной охраны, союза русского народа, общества русских патриотов, кружка дворян. Все эти высокие организации перетревожены деятельностью Гр. Сп. Петрова и его друзей и докладывают митрополиту московскому Владимиру. Вот этот документ.

„Ваше высокопреосвященство, милостивейший архипастырь.

В настоящее смутное время, когда не только Русской Церкви, но и самой вере грозит величайшая опасность от римского па-

пизма, франкомассонства и еврейства, направивших на них свои вражеские стрелы, Всенародный Русский Союз, имеющий на знамени своем Православие, Самодержавие, Русская Народность и нераздельность России, обращается Владыко к Вам, как к преемнику великих и приснопамятных первосвятителей, непоколебимых хранителей апостольских преданий, светильников, стоявших на страже Московской и Всероссийской Церкви, с следующею сыновнею просьбою:

Союз глубоко опечален, что некоторая часть вверенных Вам пастырей, состоящая преимущественно из молодых иереев-законоучителей, разномыслящих с своею паствою, презрев священные каноны, восстала против своего Архипастыря, возмутила мир церковный и обратила Епархиальный Дом в самочинное сборище священно-церковнослужителей. Проповедывая в сем Доме противохристианский социализм, эти клирики дерзнули не только высказать порицание своему Архипастырю, напечатав оное в революционной газете, но и дерзнули потребовать, чтобы отцы благочинные сложили свои полномочия, чтобы священный клир выразил порицание совершению общественных молебствий и крестных ходов, как бы действам, не имеющим ничего общего с христианскою молитвою, и на призыв некоторых протоиереев и иереев покаяться и просить прощения у Архипастыря, они ответили упорным нежеланием.

Твердо уповая, что усердное всенародное покаяние, пост и молитва могут успокоить народные страсти, положить конец междоусобным распрям, возвратить народу разум, мир и благоденствие, Союз не может пройти молчанием вышесказанные действия священнослужителей, направленные к сеянию смуты церковной и гражданской.

Следуя примеру пастырей, и церковно-служители вверенной Вашему Высокопреосвященству епархии образовали свой союз, имеющий свои сборища в помещении театра Аквариум, заведомо предназначенного для целей, ничего общего с церковными нуждами не имеющих, где они, между прочим, решили домогаться уравнения прав своих со священниками и отвергнуть обязательность целования руки при преподании им пастырского благословения.

Союз не может также не обратить внимание Вашего Высоко-

преосвященства на деятельность Общества Любителей Духовного Просвещения, не согласную ни с его уставом, ни с целью, с которою основал это общество приснопамятный Митрополит Филарет.

В особенности заслуживает внимания деятельность редактора газеты, кощунственно названной им „Божией Правдой“ — безместного иерея, облекшегося в светскую одежду, Петрова.

В видах скорейшего прекращения церковной смуты, Всенародный Русский Союз почтительнейше просит Ваше Высокопреосвященство:

1) подвергнуть каноническому взысканию иереев, подписавших вышесказанное порицание Вашему Высокопреосвященству;

2) воспретить Обществу Любителей Духовного Просвещения деятельность, несогласную ни с его целью, ни с уставом;

3) принять меры к тому, чтобы печать светская и наипаче духовная не глумилась над православным вероучением, церковными обрядами и священным клиром;

4) обратить внимание на деятельность иерея Петербургской епархии Григория Петрова, действующего в Москве без разрешения местной епархиальной власти, иначе Верховный град Москва обратится в рассадник церковной смуты и духовного разврата всего православного Русского народа.

(подлинное подписали):

Союза Русских Людей: Князь Александр Щербатов.

Члены Совета: Иннокентий Дараген, Леонид Бобров.

Монархическая партия: В. Грингмут, Ал. Шмаков, А. Генике, А. Елишев; Союз Землевладельцев: Н. Жедринский, С. Кологривов; Московская Добровольная Охрана: И. Н. Ануфриев; Союз Русского Народа: Н. Ознобишин; Общество Русских Патриотов: Н. Капканщиков, Н. Н. Сучков, А. Балашев; уполномоченные Одесского Отдела Русского Собрания: Мих. Богоявленский; Союза Русского Народа в Петербурге: Шарапов; Кружок Дворян: Товарищ Председателя Ф. Степанов“.

Одновременно делают митрополиту представление московские викарии. Инициатива исходит из союза, а дальше уже идет церковная инсценировка. Вот второй документ.

Святейшего Правительствующего Синода члену, Высокопреосвященнейшему Владимиру, Митрополиту Московскому и Коломенскому, свято-троицкие сергиевы лавры священно-архимандриту и разных орденов кавалеру.

Преосвященных викариев: Трифона, Епископа Дмитровского, Никона, Епископа Серпуховского и Серафима, Епископа Можайского.

ДОКЛАД.

7-го февраля в московском Епархиальном доме было в присутствии нас, трех викариев Вашего Высокопреосвященства, первое „пастырское собрание" приходских священников г. Москвы. При осуждении вопроса о благоустройстве церковно-приходской жизни один из священников, Н. В. Арсеньев, обратил внимание собрания на тот вред, какой приносит петербургский заштатный священник Григорий Петров своею публицистическою деятельностию, посевая в среде православной паствы, под видом христианского учения, не только смуту в умах, но и явно противохристианские социалистические понятия. Его газета, кощунственно именуемая „Правдой Божьей"; вносит великий соблазн в душу простого народа, возбуждает в массах недовольство существующими порядками и политическое брожение, медленно отравляя их ядом социализма и презрения к Св. Православной Церкви. И это отравление, это духовно-нравственное, религиозное и политическое развращение народных масс тем опаснее, что идет от лица, облеченного священным саном. Кроме публицистической, чрез свою „Правду Божию" и чрез газету „Русское Слово", вредной деятельности, священник Петров ведет пропаганду и лично как в некоторых средних слоях общества, так и в среде самого духовенства. Последние смуты в Обществе Любителей Духовного Просвещения во многом обязаны его влиянию на молодых священников, особенно законоучителей светских учебных заведений, хотя сам он личного участия в самочинных „пастырских собраниях" сего Общества и не принимает. К заявлению о. Арсеньева присоединилось почти все пастырское собрание, при чем большинство просило нас, викариев Вашего Высокопреосвящен-

ства, повергнуть пред Вами свою глубокую скорбь по поводу соблазна, вносимого Григорием Петровым в среду их паствы и ходатайствовать пред Вами: не признаете ли возможным принять с своей стороны меры к прекращению сего соблазна и для сего: а) просить, где следует, если не о совершенном прекращении издания „Правды Божией", то, по крайней мере, о немедленном изменении названия сего кощунственного издания; б) о воспрещении священнику Петрову дальнейшего пребывания в Москве и ее окрестностях; в) просить Святейший Правительствующий Синод войти в рассмотрение: не благовременно ли привлечь сего священника к ответственности пред Церковью за искажение православного учения и распространение ложных противообщественнных и противохристианских учений?

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца, нижайшие послушники: (подлинное подписали) Трифон, Епископ Дмитровский, Никон, Епископ Серпуховский, Серафим, Епископ Можайский.

№ 482. Февраля 15 дня 1906 года.

Далее идет заключение самого митрополита Владимира.

Святейшему Правительствующему Синоду Владимира, Митрополита Московского.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

Долгом поставляю благопочтительнейше при сем представить на благоволение и на распоряжение Св. Правительствующего Синода поступившие на мое имя два доклада: 1) Преосвященных викариев вверенной мне Московской епархии от 15 февраля текущего 1906 года за № 482 и 2) Всенародного русского союза, в коих сказанные представители просят моего ходатайства пред Святейшим Синодом о том, между прочим, чтобы было обращено должное внимание на деятельность священника С.-Петербургской епархии Григория Петрова в г. Москве без разрешения местной епархиальной власти, в противном случае столичный город Москва обратится в рассадник церковной смуты и духовного разврата всего православного Русского народа.

Вашего Святительства

Митрополит Владимир Московский и Коломенский.

№ 71. 23 февраля 1906 г.

Дело Петрова переехало снова в Петроград. И в конце-концов, он был насильственно заточен в Черемменецком монастыре, а потом, затравленный, снял сан.

Дело это очень характерное. Вышеприведенные секретные бумаги явно вскрывают всю нецерковную махинацию, творившуюся за священными стенами. Ясна здесь и та злоба, и тот страх, который церковь имела к „масонству“, „еврейству“ „яду социализма“. На деле Петрова вскрывается вся сущность до-революционной церкви и ее определенный монархический, политический характер. В этом смысле это дело и эти документы—классические. А сколько было подобных дел, погибших для нас после революции, когда церковники стали поспешно заметать свои следы.

Кроме Гр. Петрова, пострадали некоторые священники, члены Государственной Думы, которым синод снял сан за политическую (не монархическую) деятельность (Бриллиантов, Огнев и др.). Вождь современного церковного движения епископ Антонин, в то время викарий петербургской митрополии, отказался поминать за богослужением Николая Романова „самодержавнейшим“ после манифеста 17 октября. За это он был заточен в монастырь.

Был еще ряд репрессий, но, в конце-концов, наряду с общей политической реакцией, восторжествовала реакция и внутри церкви. В ней воцарилась такая же тишь, да гладь, да Божья благодать, как и в прочих уголках земли русской. Относительная тишь и весьма сомнительная благодать. По внешности, однако, все было благополучно, как, впрочем, и во всем государстве российском. Отдельные робкие попытки тотчас же подавлялись. Так, пишущий эти строки, будучи еще первый год священником в 1914 году, подвергается духовному следствию за „социалистическую“ проповедь. Переводят меня в другое место. И в этом новом месте, в декабре 1916 года, я произношу речь о недопустимости священнику быть монархистом. Начинается дело, угрожают Сибирью. Но—февраль 1917 года...

ГЛАВА II.

Церковь в период февральской революции до собора 15 августа 1917 года.

Церковь была наиболее ошеломлена революцией. Как это видно из первой главы, она была единственным идейным оплотом для самодержавия, а самодержавие для церкви было фактическое божество. И когда был изъят кровавый тиран, осквернявший церковь своим нечестием, жизнь церкви остановилась. Как будто из тела церкви вынули ее сердце.

Полная растерянность и замешательство характеризует состояние церкви в первые дни революции. Священники, боясь народного гнева, попрятались по своим квартирам. В толпе шли слухи о том, что попы организуют сопротивление. Что в Петрограде на многих церквях установлены пулеметы. Что духовенство стремится во что бы то ни стало вернуть царя.

Это были слухи и, как потом оказалось, после надлежащей проверки, слухи совершенно вздорные.

Но факт, что митрополит петроградский Питирим, правая рука убитого Распутина, был немедленно арестован и привезен в Государственную Думу, куда свозили всех арестованных вообще.

Факт, что святейший синод растерялся, не знал, что делать. Заседания синода носят беспомощный характер. Когда же некоторые петроградские священники попытались обратиться туда хотя за какими-нибудь руководящими указаниями, там ответили полным отказом дать какое бы то ни было указание. Церковь осталась предоставленная самой себе. И церковь немедленно погибла бы, развалилась вовсе, превратилась в смердящий труп, если

бы не те очень небольшие силы, которые всемерно подавлялись старой церковностью до революции. Эти, повторяю, очень небольшие силы взяли на себя инициативу повести по-иному, по совершенно иному жизнь церкви.

Инициатором явился в этой группе покойный протоирей Егоров, по мысли которого еще под грохот уличной стрельбы в квартире протоиерея Михаила Степановича Попова (ныне епископа детско-сельского, викария петроградского), по злой иронии судьбы, находившейся по Гороховой как раз напротив дома, где раньше жил Распутин, собралась небольшая группа духовенства. Кроме этих двух лиц в квартире были на заседании священник Дмитрий Попов, член думы от прогрессистов (по слухам, потом снявший сан и записавшийся в коммунистическую партию), а также и пишущий эти строки, и еще два-три человека.

Обсудив положение вещей, решили сорганизовать все прогрессивное церковное общество во „всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян". Союз этот преследовал следующие цели: а) во-первых, союз определенно и формально заявил о своем осуждении монархического порядка вещей, о губительности его и для народа и для церкви. Союз предвидел возможность возврата монархии и заранее оповещал, что с ней дела никогда иметь не может и не будет. Союз хочет быть за народ, а не против народа; б) во-вторых, союз определенно указывал на форму правления для России— это республиканскую; в) далее союз выдвигал принципы социально-экономические: борьба против капитализма, предоставление земли трудящимся и фабрик рабочим; г) наконец, союз выдвигал задачи специально церковные: реформу церкви, а также отделение преподавания закона божьего от светского прохождения наук.

Председателем союза был избран священник Дмитрий Яковлевич Попов, а секретарем—я. Организация союза и подписание устава совершились 7 марта 1917 г. В союз вошли священники, по большей части принимавшие участие в группе тридцати двух священников, некоторые диакона (из них энергичный диакон Тимофей Скобелев), а также ряд мирян—интеллигентов и рабочих (в их числе Михаил Григорьевич Фомин, ныне член ВЦИК).

Прочее духовенство безмолствовало. Правда, оно сделало попытку подойти к революционному правительству. Когда был поднят вопрос о торжественном погребении жертв революции, духовенство многолюдной толпой отправилось к Таврическому Дворцу, где заседал совет рабочих и солдатских депутатов, и просило разрешить ему принять участие в этой церемонии. Однако, это советом было, по естественным соображениям, отклонено. Тогда духовенство на время притихло.

Союз демократического духовенства быстро завязывает связи с Москвой. Оттуда получается телеграмма с просьбой прислать представителя для информации. Союз командировал меня и я, исполняя возложенное поручение, на пасхальной неделе выехал в Москву.

В квартире протоиерея Николая Цветкова было собрание московского духовенства. Я выступил с докладом. Доклад выслушали, выразили как будто некоторое одобрение, но тем дело и ограничилось. Признание республики было жупелом, от которого бежали, открещиваясь, многие „свободомыслящие“ священники... отделения союза в Москве открыть не удалось. В союз, насколько помню, не записался ни один (или только один) московский священник.

Возвращаюсь в Петроград. Там работа идет. Союз приобрел крупную литературно-богословскую величину в лице профессора Титлинова. С его помощью официальный орган при реорганизованном синоде „Церковно-общественный Вестник“ удалось взять в свои руки. В этом „Вестнике“ мы и повели всемерно пропаганду наших идей. Одновременно с этим мы начали и свою работу по организации публичных выступлений— лекций и диспутов, не прекратившихся и до наших дней. Первый такой диспут был устроен в Большой физической аудитории Петроградского университета. С речами о церкви и революции выступали протоиерей Егоров и профессор Титлинов, с речью о христианстве и социализме выступил я. Диспут прошел чрезвычайно оживленно, при громадном стечении народа. Внимание народа и сочувствие к нашему делу обновления церкви несомненно были огромные.

В то же самое время начались и иные, правда, очень робкие, попытки как-нибудь затормозить, задержать наше движение.

А оно разросталось. Присоединился Урал, присоединился Крым, во главе с протоиереем Александром Эндека. Испуганная церковная масса, с опаской глядевшая на все это „безбожное“ революционное действо, ждала, что царь вернется, а уж тогда со всеми рассчитается. А пока молчала. Но, понемногу, робко, двусмысленно, осторожно стала мобилизовать силы, не согласные с принципами и тактикой союза демократического духовенства и мирян.

Некогда либеральный протоиерей Петр Кремлевский, совместно с бежавшим потом к белым протоиереем Николаем Подосеновым начинают организовывать свои реакционные кружки церковников.

Покойный профессор-протоиерей Соллертинский, совместно с профессором Григорием Прохоровым, организуют, в противовес союзу демократического духовенства и мирян, свой церковный союз —„Союз церковного объединения“.

Этот союз носит явно-охранительный характер. Там начинают концентрироваться все реакционные и полуреакционные силы церкви.

В народе начинают будировать против обновленцев. Так, протоиерей Егоров подвергается оскорблению за речь, произнесенную в великую пятницу в Введенском соборе. Науськиваемые священниками церковники срывают афиши моей лекции на тему „Христос и Маркс“, крича, что „нам нет дела до Макса“ (sic!)

Но все это тонет в интересах земных, чисто-политических, к вопросам политики приковано всеобщее внимание. Церковь вообще отходит весной 1917 г. на второй, ненужный, неинтересный план.

Уже в пасхальную ночь 1917 года можно было заметить, что народу в церкви, в этот годовой величайший церковный праздник, было меньше, чем в прежние годы. А после пасхи церкви вовсе запустели. В моей церкви, вмещавшей до 1000 человек, стало всего несколько десятков. Такие же явления стали наблюдаться и в других церквах. А настоятель Екатерининского собора в Царском Селе, протоиерей Н. Смирнов, отмечает, что в его храме в одну праздничную всенощную был всего один богомолец.

Союз демократического духовенства и мирян продолжает работать. Он приступает к издательству. Издаются брошюра прот. Егорова о смысле революции, диакона Скобелева о неправде самодержавия и моя—о социализме.

Между тем началась и пропаганда монархизма духовенством. Так, в г. Грозном, Терской области, во время службы в Михаило-Архангельской церкви прихожанам раздавали брошюры, приглашающие стать на защиту царя. Разгневанная толпа, однако, схватила заведующего раздачей, двух священников, церковного старосту, его помощника и доставила их в милицию. Брошюры оказались одесского издания, помечены 1909 года.

„Союз церковного единения", руководимый священником Петром Кремлевским и священником Григорием Сербариновым, издает определенную свою программу.

Программа эта, церковная по многим вопросам, содержит в себе, между прочим, однако, и такие строки: § 5 „В случае отделения церкви от государства, православная церковь должна сохранить за собой свободу преподавания закона божия в школах для детей православных родителей. При этом она, как крупнейшая и коренная религиозная организация в государстве Российском, имеет и право не только открывать свои церковные школы разных типов, но и рассчитывать на полную материальную поддержку со стороны государства, по статье расходов на культурно-просветительные цели".

Вместе с тем, союз начинает давить тех священников, которые стали на сторону социализма. К этому из петроградских священников с самого начала революции всемерно звал я, печатая статьи, брошюры и читая публичные лекции на тему о согласованности идей социализма и идей христианства. За это я подвергаюсь критике определенного врага социализма Гр. Прохорова в его статье (22 апреля 1917 г.) „Христианство и социальный вопрос".

В это же время некоторые члены союза (из мирских) подымают вопрос о прекращении церковного общения с церковниками-обновленцами.

Правда, все это еще робко и несмело—жизнь идет всюду еще сугубо революционным темпом.

В это самое время государственная дума, оказавшаяся не

у дел, устраивает ряд заседаний по церковным вопросам. Между прочим, в заседании от 20 апреля обсуждался вопрос об удалении прихожанами, уездными и губернскими исполнительными комитетами, священников. Совещание признало совершенно ненормальным и недопустимым самовольное удаление священников и особенно арест без суда и следствия. Было решено через синод обратиться с призывом к губернским комитетам, а через них к уездным, чтобы впредь не допускались подобные действия.

Это вызвано было, действительно, рядом подобных случаев на местах. Конечно, в большинстве случаев удаление это имело серьезные причины. Так, 16 апреля, в Харькове, в Благовещенском соборе состоялось собрание прихожан для обсуждения вопроса об удалении архиепископа Антония Храповицкого из Харьковской епархии. На собрании выступил ряд ораторов, высказавшихся по этому вопросу. Собранию было доложено о результатах переговоров выбранных представителей из прихожан с представителями губернского общественного комитета и совета рабочих и солдатских депутатов. Совет высказался об Антонии в том смысле, что он является виновным в возбуждении национальной, племенной и религиозной распри, почему совет и постановил удалить Антония из Харьковской губернии в трехдневный срок. Антоний, знаменитейший черносотенец, удалился на Валаам, а потом снова выплыл на церковной реке в виде заядлого душителя всего светлого и самого определенного монархиста.

На церковные дела начинают обращать внимание в светской прессе. В газете „День" появляется статья Пономарева, где он подводит некоторые итоги. „Протекшие два месяца революции,—пишет „День",—показали, что наше и городское и сельское духовенство, как социальная категория, оказалось величиной, равной нулю. Оно не нашло в себе смелости выступить в качестве реакционной силы, но и не выказало гражданского мужества, не проявило гражданской зрелости, которая дала бы ему возможность слиться с народом, стать с ним на одну общую позицию для осуществления и укрепления идеалов свободы и порядка... Оно стало в сторонку, не принимая никакого участия в строительстве новой жизни... Обеспеченное и

приниженное самодержавием, православное духовенство, начиная от сельского духовенства и кончая митрополитом, членом „святейшей коллегии“,—оказалось однородным. Моральное и интеллектуальное убожество православного духовенства ныне раскрыто, „исчерпано до дна“.

Появляются и другие бичующие статьи, особенно, Валентина Свенцицкого (впоследствии московский священник)—„Епископы-рабы“, даже журналы, например, специальный номер Шебуева, посвященный „попам“. Церковь начинает тревожить „большевизм“. Впервые этот термин появился в церковной прессе в № 16 „Всероссийского церковно-общественного Вестника“. Здесь дается следующая любопытная характеристика большевизма: „психология большевизма—психология одержимости одною идеею. Увлеченный своей мечтой, своими желаниями, человек становится слепым ко всему остальному, перестает понимать, больше того—воспринимать все, что выходит из круга охватившей его страсти. Он перестает видеть реальную жизнь, понимать ту простую школьную мысль, что каждая идея воплощается в жизнь только рядом с наследием прошлого, начинает свое осуществление лишь как семя, которое потом, разросшись, вытеснит то, что дала прежняя жизнь. „Ум с сердцем не в ладу“, вот основной грех большевизма. Это—слепота, и слепой вождь неизбежно приведет в яму, как бы ни были святы, пламенны его желания. Большевизм живет в призрачном царстве, не видя реальных сил, сил истории. Отсюда—радикализм его требований. Отсюда,—вера во всекрушающую силу своих идей. О, как легко кажется одним размахом революционного колеса смести с лица земли все устои вековой жизни! Но попытайтесь! Эти пережитки, которых не видит фанатизм, будут цепляться за колесо с первого момента движения, чем дальше, тем глубже оно будет погружаться в живое тело жизни и, вместо размаха, получится взаимное раздробление, а в результате—куча развалин, в которых перемешаются обломки старого и нового. Это и понимает научный, серьезный социализм, учитывающий историю, соотношение сил своих и враждебных. И потому он спокойно принимает „компромисс с буржуазией“, оставаясь в корне верным своей идее... Большевизм—достояние горячих сердец, слабых головою“.

Такова профессорская анонимная характеристика коммунизма. С ней не согласится коммунист, утверждающий, что он стоит на твердой почве действительности. Но в этой характеристике нет той беспредельной ненависти, которая вскоре овладеет церковными головами.

Усиленно дебатируется вопрос о церкви, ее сущности, возлагаются громадные надежды на обновление жизни ее.

„Приходится с величайшей грустью констатировать,—пишет Александр Коледа, молодой талантливый технолог,—церкви в жизни нет... Есть только ее декоративная ласкающая глаза сторона, есть лишь зрелище культа, есть мертвая форма, есть „лампадная религия", лишенная всякой творческой, всякой созидательной энергии. Живительного же духа церкви, — духа, связующего людей в одно целое, духа, пробуждающего в них одно святое желание, одно пламенное стремление к Богу — такого духа никто, можно сказать, почти не чувствует. В этом и заключается величайшая трагедия каждого верующего православного человека, эту трагедию должно особенно остро переживать наше духовенство, и для устранения ее оно обязано приложить все свои старания". Революция поможет церкви найти самое себя. Даже консерваторы лучшей марки возлагали на это надежды. Так, Сергий, архиепископ финлядский, в речи на могиле В. А. Караулова 23 апреля 1917 года, сказал: „ожидание такого же светлого будущего и для нашей церкви, при изменившемся государственном ее положении, и наполняет наши сердца радостью и заставляет нас от этой радости не помнить тех тревожных, скорбных дум, которые могли бы омрачить ее".

Однако, старая закваска связи церкви именно с государством, быстро заставляет церковь вернуться к прежней своей охранительной психологии. Либеральный „Всероссийский церковно-общественный Вестник", открыто пошедший против самодержавия, не выдерживает соблазна и с своего №19 заводит „политический отдел", где и является руководящая статья „Отечество в опасности". В ней, во имя революции, призываются граждане к объединению, к полному повиновению государственной власти. „Опомнимся, пока не поздно, и начнем дело разумного государственного строительства. Во имя свободы будем повиноваться и во имя завтрашнего дня ограничим себя сегодня.

Отложим наши классовые, профессиональные требования до того момента, пока минует опасность для отечества. Будем работать столько, сколько хватает сил; не будем безрассудными противниками необходимого на земле авторитета."

Обновляющаяся церковность стала на сторону революции точно и определенно, поскольку она, русская революция, базировалась на временное правительство, на временное же правительство базировалась и эта церковность через свои верхи. Поэтому церковь поддерживает начинания временного правительства. Энергично пропагандируется „Заем Свободы". Еще до Пасхи представитель министерства финансов посетил синод, прося его принять все меры к успешному проведению его в жизнь. Синод разослал по России две обязательные проповеди, которые должны были быть прочтены по всем церквам с призывом помочь родине и революции подпиской на этот заем.

Но сочувствие церковных прогрессистов было на стороне только внешнего сдвига государства, а не внутренней, подлинной революции. Выражаясь современным языком, церковь принимала февраль, но боялась, не хотела, а впоследствии и не приняла октября. Только небольшая струя духовенства и мирян, объединившаяся в упомянутый всероссийский союз демократического духовенства и мирян, определенно говорила о необходимости сокрушения капиталистического строя, о ликвидации капитала во имя Христа. Для огромного большинства это было непонятно, не нужно, вредно, опасно. Уже работающий в то время Ленин для этих прогрессистов является символом ложного, недолжного. Так, прогрессивный церковный публицист Соколов 25 мая, говоря о „вредных" церковных деятелях, называет их в своей статье—„Ленины в церкви". Dixi et animam levavi! На первое июня в Москве был назначен всероссийский съезд духовенства и мирян. По мысли его инициаторов он должен был представлять, „как бы первый собор обновляемой русской церкви". Этот съезд должен был решить ряд вопросов временного, но тревожного для духовенства характера — изгнание духовенства с приходов, и т. п., но, главное, позаботиться о создании новых форм церковности вообще, об отношении к государству в частности. Работы съезда должны были иметь огромное значение как для начинающего функционировать предсоборного

ссвета, так и для самого собора, ибо „московский съезд, собственно, есть основа и будущего собора". Съезд открылся торжественно. На нем собрались прогрессивные элементы. При открытии съезда торжественно была пропета „вечная память" всем павшим борцам за свободу.

Но сразу же, речь князя Евг. Н. Трубецкого явилась тревожным симптомом за будущий курс церковной политики.

Многие церковники признавали в то время необходимым сохранение завоеваний революции организованным сопротивлением врагам ее. Но это мыслилось, как условие, без которого не может быть правильного развития церкви, христианских идеалов. Родина, государство ни в коем случае не подменяли у этих лиц Христа и его надлежащую правду. Родина для христианина есть пустяки, ничто, ибо он гражданин вселенной. Нация для христианина есть ноль, ибо он есть часть не нации, а человечества. Поэтому национальные, государственные задачи для христианина, как такового, не существуют. Более того—это задачи для него чуждые, политические. Между тем, устами Трубецкого (о, как потом это будет часто повторяться) заговорила иная церковность, quasi-церковность, церковность политическая, церковность государственно-консервативная. Речь эта глубоко интересна для постижения психологии тех людей, которые, понемногу сделавшись ответственными руководителями церкви, будут губить церковь, бросая ее в объятия контр-революции. Вот некоторые выдержки из стенограммы речи Трубецкого: „Всем нам памятен ответ солдата-большевика на призыв Керенского к наступлению: „наступление опасно для жизни, а когда меня убьют, на что мне земля и воля!" Вот он, тот практический материализм, который ставит житейское благополучие выше родины. Не все так наивны, как этот солдат, и не все так циничны, но настроение, выразившееся в его словах, чрезвычайно распространено, и в этом заключается величайшая опасность... На Россию надвигается полоса казней египетских, и у всех этих казней одна общая причина—забвение России, преступное о ней небрежение ради интересов классовых, партийных или просто личных... Будущей зимой нам предстоит дровяной голод... Причина этой новой беды в том, что крестьяне во многих местностях не дозволяют рубить дров в помещичьих лесах, ибо ожи-

дают, что леса эти станут их собственностью. Другая причина предстоящей остановки фабрик и жестокого промышленного кризиса — в непомерных требованиях рабочих, коих не может выдержать предприятие... Есть множество русских людей, которые духовно уже утратили Россию. Прислушаемся к тому, что говорится на многолюдных собраниях. Есть что-то страшное в этих речах. Мы найдем в них все, что угодно: и пафос свободы, и широкие обещания материальных благ, но при этом поражает отсутствие самого главного в этом ораторском воодушевлении — отсутствие России и любви к России, отсутствие того самого, ради чего нужны все эти подчиненные блага, — и высокая плата, и земля, и воля. Упадок русского патриотизма, затмение национального инстинкта, отсутствие национального подъема, — вот что сказывается и в действиях, и в речах; вот почему речи не воодушевляют солдат к борьбе за родину. А отсутствие подъема национального, в свою очередь, обусловливается отсутствием подъема духовного, тем общим упадком духовной жизни, о котором я говорю; в нем мы—сыны церкви—повинны больше всех, ибо кому больше дано, с того больше и взыщется. Отношение человека к родине должно быть прежде всего религиозным. Чтобы любовь к родине побуждала его к высшим подвигам самоотвержения, он должен смотреть на родину, как на великую святыню и ценность духовную, ради которой стоит жертвовать не только всем достоянием, но и самой жизнью. Разве может быть такое чувство к родине у человека, утратившего всякую святыню? В нашей отечественной истории есть факт, глубоко и ярко освещающий ту задачу, которая ставится теперь перед нами. В такую минуту переживаемого нами внутреннего распада вспомним, как некогда собиралась русская земля и кто ее собирал. Великие молитвенники, подвижники и пустынножители,—вот подлинные собиратели России, и собирали они ее вокруг алтаря. Св. Сергий радонежский, не убоявшийся ни страж бесовских, ни рева голодных зверей в окружавших его лесных дебрях,—вот кто некогда зажег в сердцах тот пламень любви к родине и то мужественное воодушевление, которое спасло Россию от татарских полчищ. Его молитвы совершили в войсках Димитрия Донского то чудо, которое не в состоянии совершить никакие посулы „зем-

ли и воли". Оно и понятно. Не материальные интересы могут побудить человека отдавать родине жизнь. Для этого нужно то, что больше земли и воли,—нужна святыня; для этого самая родина должна вырасти в духовную величину. Этот подвиг, как и все великое в человеке, питается духовным подъемом,— возгорением несокрушимой веры и святой любви. Будем помнить, если тяжкий недуг современной России коренится в омертвении жизни религиозной, духовной, то и исцеление может последовать лишь при условии религиозного пробуждения и духовного подъема. Спасти Россию от надвинувшейся на нее грозной опасности может только та духовная сила, которая ее собрала. Поедемте всем собором к раке св. Сергия,—там мы почувствуем, что эта духовная сила жива; и в этом для нас источник надежды на лучшее будущее. „Ищите, прежде всего, царства божия и правды его, а остальное приложится вам". В этих словах великая тайна всего не только религиозного, но и национального дела св. Сергия... Именно своим духовным подвигом, своим религиозным делом, он дал духовную точку опоры всему тому мирскому строительству русского государства, которое прислонилось к великому церковному строению". На съезде присутствовали записные церковные либералы того времени: архиепископ Платон (впоследствии организовавший белогвардейские уголовные, как свидетельствует монархист Шульгин, банды против Советской России), епископ Андрей (бежавший к Колчаку), протоиерей Филоненко (ныне враг церковного обновления), Любимов и Рождественский. Были и подлинные обновленцы: проф. Б. В. Титлинов, прот. Н. Боголюбский и нек. др. Всего было 700 делегатов. 2-го июня, кроме речи Трубецкого, произносил речь М. И. Струженцев: „об отношении общества к переживаемым событиям". В тезисах докладов мы читаем: осуждение самодержавия, признание временного правительства, отношение к учредительному собранию и т. п. На этом же заседании происходит обмен реплик между петроградским рабочим Любимцевым и прот. Иваном Федоровичем Егоровым. Любимцев бранит демократическое духовенство от имени рабочих. Рабочие поручили ему „призвать всех людей земли русской спасать родину". Егоров, возражая Любимцеву, которого на съезд подослали черносотенцы, говорит, что церковь обязана ясно и

определенно выявить свое лицо в политическом и социально-экономическом моменте. „Единственное спасение церкви и правды Христовой—деятельное участие христиан в политической жизни страны". Подлинно черносотенную речь произносит известный миссионер Айвазов, но ему не дают говорить, постоянно прерывая его криком и шумом.

4 июля, на Красной площади, съезд совершает молебен о даровании победы и внутреннего благосостояния родины. 6 июня Титлинов делает доклад об учреждении всероссийского союза духовенства и мирян, во главе которого необходимо учреждение всероссийского совета епархиальных и всероссийских съездов духовенства и мирян. Большинство ораторов высказалось за создание этой организации. Но о. Потехин и гр. Истомин выступили с энергичными возражениями. Суть этих возражений состояла в том, что ораторы опасались, не стеснит ли рассматриваемый совет деятельность церковно-правительственных органов, не явится ли он подобием совета рабочих и солдатских депутатов. Но, после разъяснений Титлинова, резолюция об учреждении совета принята единогласно. Затем Титлинов поставил второй вопрос: необходимо ли учреждение профессионального союза духовенства? По вопросу высказалось 17 человек. Прот. Н. Ф. Егоров и рабочий Михаил Григорьевич Фомин (оба представители союза демократического духовенства и мирян) высказались решительно против учреждения особого союза духовенства. Они находили, что обособление духовенства в особый союз нежелательно, так как подобный союз может поддержать отчуждение духовенства от мирян и породит классовую борьбу, несовместимую с христианством и неприличную пастырям. Однако, большинством голосов профсоюз был принят. После профсоюза учредили „всероссийский союз духовенства и мирян", преследующий задачи: а) „поддержание православной веры и церкви в современных условиях ее существования; б) охранение и укрепление христианских начал в жизни личной, общественной и политической".

7 июня на съезде обсуждается вопрос об отношении к государству. По этому вопросу высказываются виднейшие члены союза. Председатель секции, профессор Прокошев, доложил, что, по мнению секции, признано, подавляющим большинством

голосов, что отделение церкви от государства недопустимо. Тогда возник вопрос о термине, выясняющем отношение церкви и государства. Было установлено, чтобы это отношение не выражалось в виде господствующего положения в государстве. Но в виду исторических заслуг православной церкви и в виду принадлежности к ней 114 миллионнов граждан, было признано справедливым предоставить ей первенство среди других верований. Против взглядов секции высказывается ученый одесский профессор Покровский, который указывает, что тесная связь церкви с государством едва ли желательна и допустима, так как природа церкви и государства различна—препятствуют такому единению и мотивы практического свойства. История показывает, что единение церкви и государства в конце концов обратили церковь в полицейский участок. История западной церкви свидетельствует, что и государство не наслаждалось связью с церковью. Чем же может пленить нас эта связь церкви с государством? Конечно, не корыстными причинами, а желанием сохранить за церковью силу влияния на народ. Но для этой цели материальная связь и юридическая зависимость не только не нужны, но даже вредны. Неправильно трактуют отделение церкви от государства, как гонение на церковь, ссылаясь на пример Франции. Этому взгляду противоречит положение церкви в Америке. Все наши видные славянофилы стояли за церковную автономию, которая возможна только при отделении церкви от государства.

Следующий оратор кн. Евг. Трубецкой поясняет, к каким тяжким последствиям, в отношении бюджета, культа, преподавания закона Божия, освящения молитвою государственных актов, может привести в России полное отделение церкви от государства, в том смысле, как это отделение понимают социалистические программы. Конечно на это не может согласиться никакой религиозный человек. Независимость церкви и отделение церкви—явления разного порядка. Мы хотим только первенствующего положения православия среди других культов, которые также имеют свободу исповедания и поддержку от государства; отрицаем неравенство в гражданских правах по принадлежности к определенной религии. Самое первенство мы понимаем, как первенство по почету, а не преимущество в правах. Нужно

NB

помнить, что лозунг отделения церкви от государства—в настоящее время боевой лозунг, выдвигаемый против церкви людьми, ей враждебными, или к ней равнодушными. И в наших рядах, на епархиальных съездах он может быть поставлен только по недоразумению. Отделение церкви от государства есть полное упразднение церкви, коего мы допустить не можем и не должны. Трубецкого поддерживает проф. С. Н. Булгаков. Булгаков указывает, что вопрос об отношении церкви к государству сложный, многосторонний и ответственный, и к решению его должны отнестись с большим вниманием не только сама церковь, но и вся гражданская Россия, ибо это коренной вопрос нашего государственного строительства. От решения его не можем уклониться и мы, не только как сыны церкви, но и как граждане России. Ведь государственное строительство совершается не только в совете рабочих депутатов, оно должно совершаться и здесь, так как мы составляем душу русского народа. Говорить об отделении церкви от государства в смысле устранения всякого соприкосновения между ними, это не только недоразумение, но и иллюзия. Правда, идея отделения популярна, и с ней связаны и лучшие чаяния сынов церкви и самые противоцерковные намерения. Но это и доказывает неопределенность термина отделения. И мы ищем нормы отношений церкви к государству не для всех времен, а только для настоящей годины. Как теперь опознать эти отношения? Здесь две определяющие идеи: во-первых, церковная свобода, которой мы не поступимся, а во-вторых, сама жизнь поставила православие в новые отношения к государству, которые мы должны осмыслить и явить русскому народу. Можем ли мы стать на ту точку зрения, что религия есть частное дело? Ни в каком случае, ибо русская церковь существует как целое, связанное единством жизни и управления. Церковь Христова гонений не боится, но и призывать их тоже мы не должны. Признание церкви публично-правовой организацией необходимо, а вопрос о независимости церкви—это вопрос состояния ее внутренних сил. Наиболее спорным вопросом является вопрос о материальном обеспечении церкви, но, с одной стороны, бюджет ее нищенский, а с другой стороны, приходится дорожить и им, в виду исключительной трудности переживаемого момента. Настаивать на отделении церкви от го-

сударства, значит не верить в будущность русской государственности. Пока Россия на пути еще к собору и учредительному собранию, мы не имеем права разрывать связь церкви с государством.

И в результате этих прений съезд высказался против отделения церкви от государства.

Съезд не дал определенных результатов. Эти 1200 человек (в дальнейшем первоначальная цифра 700 дошла до 1200) поговорили, обменялись мнениями и разъехались. А между тем церковно-общественное мнение трактовало съезд как прототип собора. Какое нерадостное предзнаменование! Одно было определенно и ясно. По до-революционной привычке, церковники смешивают религиозные задачи с задачами политическими, и по вековечной традиции, политика церкви есть политика консерватизма. Это особенно ясно видно из декларации съезда, принятой в заключительном заседании 12 июня для распространения ее в армии на разных фронтах и среди народа. Признавая „народоправие", как лучшую форму государственного устройства, съезд призывает все возложить на учредительное собрание, а до той поры, соблюдая status quo ante—ничего не изменять. В частности, „всякие самоуправные действия до учредительного собрания к отнятию монастырских, церковных и частновладельческих земель и вод, равно к затруднению или ограничению пользования ими решительно осуждаем, как увеличивающие, губящую страну, смуту". Равно съезд призывает и рабочих „не требовать немедленного осуществления всех своих, хотя бы и справедливых, пожеланий, а напротив, насколько возможно, увеличить трудовую энергию и число рабочих часов, дабы спасти родину от внешних врагов и неисчислимых внутренних бед".

Съезд церкви, этой надмировой организации, не имеющей здесь пребывающего града, по слову апостола Павла, обязанной „горняя мудрствовать, а не земная", кончается следующим призывом: „так как ныне нашей стране угрожает величайшая опасность от забвения заветов св. православной веры, оскудения любви к родине, экономическое разорение от племенных, классовых и партийных раздоров, то прежде всего братски призываем всех к неустанной молитве о помощи свыше и постоянному памятованию сыновнего святого долга спасти родину-мать. Доблестные русские армия и флот, доселе честно

и грозно стоявшие на страже России, молим вспомнить былую славу их знамен и показать, что сыны свободной России по одному сознанию долга могут постоять за нее не менее самоотверженно, чем в дни рабства и принуждения. Благоговейно склоняемся перед понесенными ими жертвами и сверхчеловеческими муками, но мыслим утвердиться духом к новым подвигам, избавить нас от национального позора и иноземного порабощения, спасти Россию и нашу политическую и церковную свободу. Все прочее население страны зовет к труду и терпению, к более, чем когда либо необходимому исполнению денежных и натуральных повинностей, к передаче в распоряжение правительства на спасение родины своих сбережений через подписку на заем свободы, к пожертвованиям для той же цели из личной, общественной, в частности, монастырской и церковной собственности всего, что только можно. Вновь устрояемые приходски общины просим озаботиться содействием всему этому к спасению отечества. Умоляем взаимной уступчивостью прекратить губящие родину и нас вместе с нею внутренние раздоры и соединиться для дружного, всенародного и могучего отпора врагу на рубежах. Только в этом видим вернейшее средство к спасению страны и приближению для нас, православных христиан, более чем для кого либо желанного мира".

Между тем жизнь идет. Идет вместе с этим и стремление церкви урегулировать эту жизнь, влиять политически. Одними призывами, в роде призывов съезда, не обойдешься. С резолюциями не считаются, как указывала „Маленькая Газета": жизнь тотчас же после съезда дала толчок церкви. Было постановлено съездом сохранить за церковью церковно-приходские школы. И вскоре после этого следует декрет Временного Правительства о передаче ему этих школ. Тогда церковники думают помочь своему делу путем вступления в определенные партии. Так Серафим челябинский заявил челябинскому комитету партии народной свободы о своем желании войти в состав партии.

Вообще церковь начинает заигрывать с кадетами и кадеты с церковью. Настроение даже либеральных церковников есть настроение умеренно-консервативное. По упомянутому всероссийскому съезду можно судить о политической физиономии духовенства этого периода. По свидетельству участника съезда, проф.

Покровского, политическая окраска группы мирян съезда была „в общем и целом вполне умеренной, скорее даже консервативной по теперешнему масштабу—не левее кадетской или даже октябристской“. Но и это оказалось для духовенства слишком левым и неприемлемым. По словам того же Покровского, на съезде „со всею ясностью раскрывается перед нами первая отрицательная черта в настроении современного духовенства — это его излишний консерватизм в трактовании важнейших проблем общественного, государственного и церковно-принципиального характера. Приходится с грустью констатировать, что большинство духовенства здесь живет и дышит еще традициями старого режима и не находит общего языка и согласительной платформы даже с умереннейшими из мирян. А это обстоятельство чревато для духовенства такими опасностями, которые в самом корне могут пресечь всякую возможность действительного церковного возрождения, т.-е. искреннего воссоединения разрозненных частей церковного организма“. Кончая характеристику настроений духовенства, Покровский заключает: „итак, в настроении нашего духовенства далеко не все благополучно. Если настроение это не изменится к лучшему, то предстоящий церковный собор, быть может, не принесет нам желанного успокоения, единения и мира“.

Между тем политические противоречия русской жизни, никчемность руководящих политических органов государства, неясность и путанность принципов, которыми руководится временное правительство, заставило тех, кто видел, что так дальше итти нельзя, сделать попытку изменения государственной жизни путем второго революционного сдвига. Происходит знаменитое июльское восстание большевиков. Оно подавляется—еще не настало время. Но испугана консервативная часть государства, страшно растревожена церковь. И вот 13 июля Синод обращается с следующим воззванием:

Святейший Правительствующий Синод чадам Всероссийской Православной Церкви и всем гражданам Российской Державы.

Господи благослови.

Тяжелые и беспримерно грозные дни переживает наша дорогая родина. Три года раздается плач по Руси и омрачается скорбью лицо

земли нашей при виде крови, проливаемой лучшими в самоотверженнии своем сынами ее и гражданами—защитниками отечества, его святынь и достояния. Три года слышится стон России, которая „простирая руки свои“, со слезами вопиет: „о, горе мне! душа моя изнывает перед убийцами“ (Иерем. 4, 31). И этому стону, этому горю отцов и матерей, жен и детей нашего доблестного воинства, казалось, не будет конца; в тумане несчастий, нависших над страной, не виделось никакого просвета. Но вот настал час общественной свободы Руси, вся страна, из конца в конец, единым сердцем и единой душой возликовала о новых светлых днях своей жизни, о новом, благоприятном для нее, лете Господнем. И расцветала надежда на то, что Русь, сбросив с себя сковывающие ее политические цепи, обратит всю свою мощь на освобождение свое от немецкого ига, и весь разум свой—на мирное внутреннее развитие и устроение государства и общего народного блага. Однако, к глубокой скорби страны, недолго было суждено исстрадавшейся родине жить этой надеждой. Вслед за свободой, к нам проник новый злой враг и посеял на Руси плевелы, которые не замедлили дать всходы, заглушающие ростки желанной свободы. Хищения, грабежи, разбои, насилия и обострившаяся партийная политическая борьба стали достоянием нашей новой жизни и поселили в народе озлобление и рознь, повлекшие за собою внутренюю братоубийственную войну, неоднократное кровопролитие. И в результате, с одной стороны, прекращение блестяще начатого наступления на врага, с другой, вместо свободы—новое взаимное угнетение, вместо братства—охлаждение любви, упадок добрых, мирных, братских общественных отношений. Страна пошла по пути гибели, а в будущем ее ждет та страшная бездна, которая заполнена для всех нас ужасающим отчаянием, если только не прекратится „смятение и попрание и замешательство от Господа Бога“ (Ис. 22, 5). Граждане русской земли! В эти грозные дни нашего общественного испытания наш общий долг—понять и всем нашим существом почувствовать весь ужас того положения страны, которое создано потемненной совестью ее губителей, и не оставаться долее глухими, бесчувственными к праведному гневу Божию, постигшему нас за наш грех небрежения законами божескими и человеческими. Наш непремен-

ный, наш неотложный и повелительный долг—покаяться в этом нашем грехе, дабы не судил Господь нам пить чашу испытаний наших до конца, сделаться среди других народов „ужасом, посмеянием, пустынею и проклятием" (Иерем. 49, 12—13), а стране нашей услышать наказующий голос Божий: „вот Я сделаю тебя малой между народами, презренной между людьми" (стр 15). Наш святой долг предотвратить своим покаянием последнюю чашу гнева Божия, ибо что ты, Россия, „опустошенная станешь делать, презираемая" в этом твоем грядущем, как истинными друзьями твоими, так и теми друзьями мнимыми, которые являются предателями твоими и „ищут души твоей" (Иерем. 4, 30)? Помысли крепко: когда свершится гибель твоя, „кто пожалеет о тебе? И кто окажет сострадание к тебе? И кто зайдет к тебе спросить о твоем благосостоянии" (Иерем. 15, 5)? Не покинет ли тебя даже Господь милующий, который устами пророка скажет народу своему: „ты оставил Меня, отступил назад, поэтому Я простру на тебя руку Мою и погублю тебя: Я устал миловать" (ст. 6)?

Архипастыри и пастыри церкви Российской! Исполните и вы свой долг перед изнемогающей в распрях страной. Зовите народ к молитве и сердечному покаянию. Научите, назидайте, убеждайте, особливо раздорников, да не оскверняют они совести своей злобой и не наполняют мерзостями жаждущую истинной свободы страну; умоляйте вашим словом граждан, да возлюбят они братство святое, да отдадут сыны России сердца свои в послушание правде Божьей, а свои силы и труд благу страдающей родины. Напоминайте всем завет Божественного слова и здравого разума человеческого, что только в единении сила, и что одна лишь „праведность возвышает народ, а беззаконие—бесчестие народов" (Притч. 14,34) и гибель для нашей страны. Воспрянь же, Русь, духом своим в покаянии своем, силою своею в труде твоем—и „восставит тебя Господь, и спасет от руки злых и избавит от руки притеснителей" (Иерем. 15,19,21): „Смирись перед Господом", и „Он вознесет" тебя (Иак. 4.10), и укрепит тебя в твоей свободе, в твоем благе, в лице твоей совести, в радости твоей жизни. Ему слава и держава во веки веков. Аминь. Архиепископ Платон, Экзарх Кавказский, Сергий, Архиепископ Финляндский. Михаил, Епископ Самарский и Ста-

вропольский, Агафангел, Архиепископ Ярославский и Ростовский. Андрей, Епископ Уфимский и Мензелинский. Протоиерей Александр Смирнов. Протоиерей Александр Рождественский. Протоиерей Федор Филоненко".

Для церкви—большевики уже в июле—синоним ужаса, люди с потемненной совестью и т. д. С июля уже начинается церковью травля большевиков. И самыми разнообразными методами. Так, в листовке „Рабочие и капиталисты" церковник „Л" находит такие строки: „есть, правда, такие социалисты, которые зовутся большевиками. Они говорят: „требуй несмотря ни на что, без расчета, без оглядки". Такие социалисты не любят людей. Они и не социалисты поэтому. Социализм, как и Евангелие, не хочет, чтобы люди голодали" (sic!).

Церковь демонстрирует свое отношение к большевикам торжественной организацией похорон казаков, убитых 5 июля.

Необыкновенно интересное слово произносит в Исаакиевском соборе архиепископ Платон. Здесь церковь, всем своим авторитетом, с высоты священной своей кафедры, приравнивает казаков-усмирителей большевиков к св. мученикам, пострадавшим за Христа! А большевиков открыто называет немецкими агентами. Вот это слово от 15 июля 1917 г.:

„Возлюбленные о Господе братья и сестры. Все мы видим и все мы чувствуем, что нынешние дни—время мученичества, время мученических подвигов детей России. И блаженны, стократ блаженны те из них, кому указал Бог этот подвиг, кому судил восприять мученический венец. Умереть за родину, за своих родных—какая славная смерть, единственная, исключительная! Умирает добрый христианин, христианин, всю жизнь свою желавший разрешиться от здешних уз, чтобы быть со Христом,—умирает добрый инок, любовь которого исполнилась в смерти. Горел он и сгорел здесь, чтобы воспламениться там. Это—добрая смерть, но смерть естественная, обычная. Тихо жил и тихо почил. Царство небесное! „Блаженны мертвии, умирающие о Господе". Но бывает смерть и иная, смерть славная, смерть геройская, смерть долга, смерть, как следствие неудержимых движений благородной души человека. Слава и благодарение Богу, что и в наши дни бывает такая смерть. Можно еще жить, если есть люди, могущие так умирать.

Смерть—это верный показатель духовной мощи и крепости

народа. Свеж еще сок в народном организме,—жив и живуч тот народ, из среды которого выходят добровольцы на такую смерть. Таких именно добровольцев, таких славных детей России, героев долга мы и провожаем ныне в вечность. С любовью и гордостью взираем мы на эти их бренные остатки, дающие нам знать, что и в нашей среде есть еще люди, беспредельно любящие родину и беззаветно преданные своему долгу. Но вместе и щемящая боль пронизывает наше сердце, глубокая печаль наполняет нашу душу. Невольно спрашиваешь себя: зачем произошло так? За что их убили? Позор! Боже, какой позор в этом убийстве! Негодование охватывает тебя, когда представишь себе и бесцельность этого убийства и ненужность этой жертвы. А как вспомнишь, что у этих героев есть близкие, что у кого-либо, а, может быть, у каждого из них есть мать родная, провожавшая своего сына на ратный подвиг и с нетерпением ожидающая его домой, жутко становится на душе. Готовая за каждую каплю крови его отдать всею себя, она смотрела на него, провожая на поле битвы, и думала: „сын мой, сын мой милый! Что будет с тобой? Что ждет тебя?" Она могла ожидать, что его возьмет в плен злой немец, что он умрет в немецкой неволе, что он погибнет в славной борьбе с этим врагом,—но никак не могла она ожидать, что он будет убит на стогнах родного города от руки родного брата. Последний оказался предателем и злодеем, который и совершил то, что не в силах был сделать немец. Какое горе! Какой ужас! Даже в наше кровавое время впечатление от этого убийства потрясает душу. Русскою рукою убиты дети русской земли и притом такие дети, которых враг ненавидит всею своею, способною к ненависти, душою. Кого, как не взятых в плен казаков наших предают немцы особенным по своему ужасу мучениям и пыткам? У кого, как не у казаков наших, они выкраивают ленты из кожи, отрезают носы, выкалывают глаза, забивают их патронами? В казаках немцы имеют противников, жизнью своею защищающих родину свою. Немцы это знают и бесконечно ненавидят могучих воинов—казаков. Ведь это не те из противников, которые братаются с ними, которые, к стыду и горю нашему, идут от нас к немцам и, отступая от немцев, идут к нам. Этих немцы только презирают, всемерно и широко пользуясь изменническими услугами их. Какая порази-

тельная по своей громадности разница между этими, которых потерю мы сейчас оплакиваем, и теми вышедшими тоже из народа нашего,—которые, прикрываясь святым именем русского солдата, творят предательство родины и измену ей! Дети одной России, но какая страшная бездна легла между геройской, мужественно-бодрой любовью к матери-родине у одних и духовной смертью других! Святейший Синод поручил мне с молитвой к Богу проводить в вечность этих героев долга и здесь, на этом святом месте, выразить преисполняющее его чувство глубокой скорби и печали, вызываемое действиями тех русских воинов, которые, под влиянием агитаторов, готовы покончить с своим долгом перед родиной и любовью к ней. Это чувство, мы уверены, разделяет вся, верная благу родины, Россия. Вся, не забывшая себя, Русь скорбит о народившейся новой измене народу. Никогда ничего подобного она, страдалица Русь, не знала. Не думала она, что наступит время, когда некоторые русские перед лицом врага перестанут быть русскими. Да, не стоило бы и жить в эти гибельные дни, если бы все русские оказались такими сынами погибели, забывшими узы кровного родства с своей великой матерью—Россией и с своими братьями—верными сынами России. Но жив Господь! И жива еще русская душа! Доказательство—перед вами, братья и сестры. Жить еще можно. Уверенность в этом дают нам предлежащие жертвы своего долга, эти мученики за родину, за ее счастье, за светлое будущее дорогой России. Да воспламенит же их подвиг сердца сынов России на новую любовь, на новое самоотвержение для стойкого, непоколебимого удара на пользу Родины! Да послужит он живым укором для малодушных или забывших свой великий долг перед страной. А здесь, в эти святые для нас минуты, пусть он, этот подвиг, скажет нам, нашим сердцам скорбящим, с каким полным и горячим чувством благодарности за неизменную любовь к родине и с какой пламенеющей молитвой к Господу живых и мертвых мы должны напутствовать наших бесконечно любивших братьев-героев в вечные обители Отца Небесного, где нет ни смерти, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная для всех, полагающих душу свою за други своя. Аминь".

Такое слово, понятное дело, сеяло только дальше ненависть и

ложное понятие о религии и обязанностях религиозных людей. Но это делает Платон, председатель синода, глава церкви. Слово это еще сравнительно спокойно, а вот одновременно появившееся в печати обращение епископа Андрея (князя Ухтомского) „об организации приходской жизни". Это не что иное, как церковно-политическая истерика. Вот некоторые выдержки:

„Православные объединяйтесь!"—вот знамя нашей русской жизни в настоящее время, вот клич, который должен неумолчно раздаваться по лицу земли русской! Православные! Идите в свои храмы,—идите и молитесь; совещайтесь и снова молитесь! Поверьте, мои братья о Христе, что сейчас без приходского объединения мы погибнем! Я твердо уверен, что Россия сейчас на краю гибели только потому, что мы, православные, забыли свой православный приход и в свою русскую семью впустили всяких шпионов, изменников, безбожников и предателей. И воинство наше православное переживает сейчас крайние бедствия и унижения только потому, что среди войска нашего находятся безбожники, богоненавистники, люди с совершенно сожженною совестью, поэтому все православные христиане в каждом приходе должны объединиться в самую тесную семью и принимать в эту семью так же, как прежде принимали к себе в общества молодцы-казаки... А первого встречного, незнакомого человека нужно остерегаться принимать к себе и доверять ему свои семейные, церковные тайны. Итак, православные, объединяйтесь! Всячески пропагандируйте это объединение. Вот посмотрите: социалисты начали свою жизнь в России лет двадцать тому назад, при императоре Александре III их не было еще вовсе, а потом они начали кричать „пролетарии всех стран, соединяйтесь!" и так сумели вести свою пропаганду, что сейчас командуют Россиею. И эта команда дорого обходится несчастной России, несчастному русскому народу."

Время приближается к августу. Собор. Учредительное собрание. Протекают выборы на собор. Тихо, незаметно, подтасованно. Намечаются выборы в учредительное собрание. С церковью начинают заигрывать разнообразные партии—от эс-эров до кадетов. Я бы сказал—все партии, кроме партии большевиков. Особенно энергичны кадеты, „партия народной свободы". И „Всероссийский церковно-общественный вестник" в № 83 в

руководящей статье „Партия Церкви“ говорит именно о кадетской партии, а заканчивается статья знаменательными словами: „При выборах в учредительное собрание церковные избиратели, несомненно, будут в политической ориентации руководиться общностью интересов, и внимание партии народной свободы к церковному вопросу может принести ей практические избирательные результаты“.

Кончаются съезды (всероссийский монашеский, законоучительский, миссионерский), которые в равной мере были съездами церковными и в такой же мере политически-охранительными, с их вечными обращениями к Керенскому, к армии и т. п.

Кончаются всероссийские съезды, начинается всероссийский собор.

В момент исключительно важный для церкви „Всероссийский церковно-общественный вестник“, официальный голос церкви, так в № 95 говорит об этом историческом событии: „В грозную минуту жизни государства, в сонме голосов народных, призванных высказать народную думу о спасении отечества (здесь „Вестник“ имеет в виду знаменитое московское государственное совещание), прозвучал и голос православной церкви (от ее имени говорил архиепископ Платон). Прозвучал обличительно и предостерегающе. В государственном разложении ясно сказалось оскудение духовных ценностей.

С Россией революционной случилось то же, что случилось с Россией времен Годунова и самозванцев, в эпоху московской смуты: поколебалась народная совесть. Только теперь несчастье более глубоко, чем то было триста лет назад. Тогда замутилась совесть преимущественно высших классов, служилого боярства, начавшего оптом и врозницу продавать отечество. Теперь тлетворное разложение проникло глубоко в народные низы. Совесть утратила, как будто, не боярская, а демократическая Россия. Народ—строитель государства словно забыл разум, честь, долг, все великое и святое. Под натиском безудержного классового эгоизма трудящихся масс рушатся с треском государственные балки. Да что государственные: рушатся часто основы самого человеческого общежития. В темных массах проснулся зверь. Народ одичал и стал уже допускать чисто звериные эксцессы. Русский „православный“, „христолюбивый“ воин грабит,

насилует беззащитное население. Наши враги получили право с презрением смотреть на русского солдата. Наши союзники должны стыдливо закрывать лицо руками. Позор и ужас надвинулись на нас и кошмаром сдавили русскую жизнь. Пусть все потеряно, лишь бы честь была спасена; вот что было утешением народов в их несчастьях. У нас, увы, не все потеряно, но потеряна именно честь—самое дорогое. Естественно, что грянул, наконец, громкий клич: надо спасать Россию. Спасать не только государственность, а народное лицо, народное нравственное достоинство. Естественно также, что церковь в эту минуту заявляет: вы не спасете России, не остановив духовного разложения. Бедствие, нас постигшее, есть по преимуществу морального порядка, а не материального. Что значит призрак экономического банкротства рядом с призраком банкротства духовного? Сильные духом народы выходили победителями и не из таких испытаний. Аннибал мог взять Рим, но не сокрушить римлян, и Рим был непобедим, пока были истинные римляне. Но когда в народе ослабли понятия чести, долга, извратилось понятие добра и зла и произошло крушение нравственных ценностей—настал решительный кризис народной жизни. И чтобы спасти Россию, несомненно, надо прежде всего оздоровить народный дух, вылечить овладевшую массами духовную болезнь. Православная, христолюбивая Русь сделалась каким-то исчадием среди народов: ведь это какое-то демоническое наваждение. Не может быть, чтобы зверь победил человека. Народную душу отравили, как будто подменили народный образ. Поколебали веру,—говорит церковь,—и поколебали совесть. Берегите религию—и восстановится духовное народное здоровье. Все это верно. Но исчерпывается ли этим диагноз болезни и рецепт ее излечения? Здесь возникает глубокое сомнение, как и относительно многих других советов народного спасения! Поколебалась совесть, подточены духовные устои жизни, материализировалась народная душа. Но почему? Ужели все это сделали несколько месяцев большевистской пропаганды? Следствие слишком не соответствует причине и невольно приходится искать других причин еще. Да, бесспорно поток революции, неся драгоценные начала свободы, принес с собой немало отрицательных элементов, разжигая эгоистические инстинкты, классовую борьбу и материальные аппе-

титы. Бесспорно, революция поколебала и народное миросозерцание, вырвав из него с корнем некоторые старые элементы. Однако, духовное, нравственное перерождение совершается не так быстро, и без сомнения оно не могло совершиться за это время с душой народной. Очевидно, случилась лишь внешняя метаморфоза: спала какая-то, не очень прочная, нравственная дисциплина и обнажилось то, что всегда существовало под покровом внешней сдержки. В частности, это значит, что христианская культура совсем не глубоко захватила народ и не успела даже внедрить в него элементарные начала нравственности. Словом, сказалось лишний раз то, что сказывалось неоднократно в нашей культурной истории: что религия почти исчерпывалась обрядоверием и видимая религиозность не имела под собой внутренней нравственной основы. „Христолюбивый" народ не только не любил, а и не знал Христа: вот давний трагизм нашей русской действительности. Кто виноват тут,—говорить об этом бесполезно, так как вообще в критические минуты обличения бесполезны, а нужно творчество. Но чтобы правильно оценивать действительность и значение разных фактов современности, всегда следует помнить историческую перспективу. Ошибочно было бы упрекать русскую революцию в „развращении" народном, в подрыве народной нравственности, как ошибочно было бы и всю вину за слабость нравственной культуры, за недостаток прежнего народного воспитания валить на церковь и духовенство. Допустим, что революция разнуздала некоторые худшие инстинкты (хотя не сознательно), но разве „узда" есть прочная гарантия общественного порядка? Людские страсти, кроме узды для „непримиримых" элементов, нуждаются прежде всего во внутреннем преоборении; и если такового нет в массах, то всякий порядок непрочен. Мы горьким опытом убедились в этом. Что же дальше? Раз народная болезнь не внезапна, а застарела, то тем более нуждается она в духовном врачевании. Церковь вправе сказать политическим деятелям: не колеблите веры, не расшатывайте устоев религиозной жизни, так как с ними тесно связаны и устои нравственного правопорядка, особенно в народных массах, но и политические деятели, общество вправе сказать церкви: дайте же народу христианское, нравственное воспитание, а не церковную дисциплину. Выйдите из круга ритуала

отвлеченных формул и догм, сумейте подойти к душе народной и насаждайте истинную христианственность. Явите Христа миру так, чтобы мир полюбил его и пошел за ним. Сделайте народ не по имени, а по духу христианским, сделайте из религии силу, творящую жизнь, преобразующую христианские отношения. Мало креста на груди: надо носить Христа в сердце. Вот упование к религии политики и государственности, что нельзя строить человеческое общежитие на одних материалистических основах. И Россия будет навеки спасена от бед, как только осуществится это упование. Чтобы осуществить его, однако, мало заявлений и деклараций, а нужен могучий, общий порыв церковный. Именно порыв, а не церковно-политическая потуга. Найдет ли церковь в себе силы и одушевление для подобного порыва? Это должен показать только что сошедшийся собор церковный. На него обращает сейчас взоры не одна верующая православная Россия, а может быть и вся Россия. На великом совете государственном церковь заявила, что вера может спасти отечество. Отечество взирает, насколько велико вдохновение веры. С такими надеждами смотрела церковь на свой собор. Где-то там, на втором, а, может быть, и третьем плане— небо и Христос. А вот близко, рядом —земля, родина, Россия. Ее спасти,—вот задача собора. И в тысячный раз спрашиваешь себя: при чем тут Христос?

ГЛАВА III.

Собор.

Официальная подготовка к собору началась обращением синода от 29 апреля 1917 года за № 2491. Я привожу ниже этот официальный документ целиком.

„Божиею Милостью

Святейший Синод Православной Российской церкви возлюбленным о Христе братиям архипастырям, пастырям и всем верным чадам Святой Церкви.

Благодать Вам и мир от Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа да умножатся.

Давно уже в умах православных русских людей жила мысль о необходимости созыва Всероссийского Поместного Собора для коренных изменений в порядке управления Российской Православной Церкви и вообще для устроения нашей церковной жизни на незыблемых началах, данных Божественным Основателем и Главою Церкви в священном писании и в правилах св. Апостолов, св. Вселенских и Поместных Соборов и св. Отец. Происшедший у нас государственный переворот, в корне изменивший нашу общественную и государственную жизнь, обеспечил и Церкви возможность и право свободного устроения. Заветная мечта русских православных людей стала осуществимой, и созыв Поместного Собора в возможно ближайшее время сделался настоятельно необходимым.

Поэтому, идя навстречу голосу Церкви и в ясном сознании ее нужд, Святейший Синод своей первой и непременной задачей поставляет приложить все усилия к скорейшему по возмож-

ности созыву Всероссийского Поместного Собора и уже сделал распоряжение о призыве сведущих и уполномоченных разными церковными учреждениями людей, для немедленной разработки вопросов, подлежащих обсуждению на Соборе, и для собрания необходимого для того материала.

Но начавшееся повсеместно церковное оживление, одушевленное началами свободы, требует немедленного устроения и неотложного приятия самых разнообразных мер для своего упорядочения и должного направления по заповедям Христа Спасителя и непреложным основам церковных правил и предания. Настоит неотложная нужда теперь же произвести некоторые изменения во всех сторонах церковной жизни. Издревле господствующее в Православной Церкви выборное начало должно быть проведено во все доступные для него формы церковного управления. Широкое участие всех членов Церкви в делах церковных, при нерушимости присвоенных каждому прав и обязанностей, должно привлечь всех к широкой деятельности на пользу Церкви и сделаться основою церковного устроения в настоящее время. Необходимы соответствующие изменения и в духовной школе и в церковном суде. Все эти и подобные мероприятия должны привести к упорядочению церковной жизни и к возможному единообразию возникающих повсеместно церковных организаций. Может быть, предпринимаемые изменения будут иметь только временное значение, может быть, будущий Собор укажет иные пути к благоустройству церковной жизни, но при изменившемся государственном строе Русская Православная Церковь не может уже оставаться при тех порядках, которые отжили свое время. Это составляет вторую и столь же настоятельную задачу Святейшего Синода.

Но устроение Церкви есть дело не одного Синода, не одних даже пастырей и архипастырей, а всего верующего народа. Все должны принести свой труд на обще-церковное дело. Поэтому Святейший Синод, приступая к спешному проведению в жизнь предложенных временных мероприятий, усердно просит всех возлюбленных о Христе братий архипастырей и пастырей Российской Церкви и всех ее верных чад помочь Святейшему Синоду в его ответственном труде прежде всего своими теплыми молитвами Господу и святым предстателям Русской земли, а

затем и своим деятельным участием в повсеместном устроении жизни церковной на новых началах, но с соблюдением вековечных основ церковного порядка.

Преосвященные архипастыри! На вас ближе всего лежит священный долг руководительства вашей паствой в эти смутные, но великие и святые дни церковного возрождения. Призовите ваших соработников и вашу паству к деятельному участию в церковной жизни, идите навстречу их желанию помочь Святой Церкви своим трудом и советом, предоставьте им широкую свободу собираться на съезды, собрания и образовывать союзы.

И вы, пастыри и служители Церкви Божией, будьте в единении и союзе любви со своими архипастырями, помня, что без епископа не может быть церкви. Всемерно старайтесь и о том, чтобы жить в самом тесном и братском общении со своими прихожанами; их нужды и потребности, не только духовные, но и материальные, пусть станут ближе к вашему сердцу, чем ваши личные нужды. Вам дарована ныне свобода решать вопросы церковного устроения по собственному разумению. Пользуйтесь этой свободой, но к свободе и пользе церкви, приводя в исполнение принятые решения о необходимости изменений в местной церковной жизни только в согласии с церковной властию, ибо, по слову св. Апостола, в Церкви Христовой все должно быть благообразно и по чину.

Возлюбленные чада Церкви Православной! Соблюдайте в мире души свои в годину испытания дорогого отечества. Ищите в Церкви Божией тихого пристанища во дни скорби и не забывайте благодарить Господа в радости. Собирайтесь вокруг ваших пастырей, дабы совместно творить дело Божие, принимая участие в церковном устроении и общей работе на пользу Церкви. Соблюдайте порядок и законность в ваших взаимных отношениях, ибо без уважения к чужому праву не может укрепиться ни церковный, ни государственный строй. Отнеситесь с доверием и любовию к своим пастырям, покрывая немощи их христианским прощением и смирением.

Все же мы, как чада единой матери нашей Церкви, оставим всякие взаимные разделения и счеты; забудем прошлое и устремимся к светлому будущему, общими силами и общею любовью

устраяя нашу церковную жизнь и наше вечное спасение. Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святого Духа, Троицу единосущную и нераздельную. Аминь.

Сергий, архиепископ Финляндский и Выборгский.
Агафангел, архиепископ Ярославский и Ростовский.
Михаил, епископ Самарский и Ставропольский.
Андрей, епископ Уфимский и Мензелинский.
Протопресвитер Николай Любимов.
Протоиерей А. Смирнов.
Протоиерей Александр Рождественский.
Протоиерей Ф. Филоненко".

Любопытный документ. Любопытны и подписи под ним. Документ носит как будто строго церковный характер. А между тем очевидна его политическая подкладка: „соблюдайте в мире души свои в эту годину испытаний дорогого Отечества" и далее: „Соблюдайте порядок и законность в ваших взаимных отношениях, ибо без уважения к чужому праву не может укрепиться ни церковный, ни государственный строй". Эти две фразы с очевидностью говорят нам о политической роли, которую взял на себя „обновленный" синод, и, напутствуя церковь на великое дело подготовки к собору, синод определенно ставит политические задания — правда, в них сейчас нет ничего контр-революционного, монархического. Политическая двусмысленность скрывается в этом хитром документе. А между тем, глядя на подписи, мы видим подпись Агафангела, отъявленного черносотенца, подпись Андрея—в мире князя Ухтомского, подпись Любимова, придворного священника дворцов дома Романовых. Грядущее раскроет нам, как постепенно, осторожно, шаг за шагом, плелась определенно заговорщическая линия поведения церкви в отношении молодой революции.

В тот же день за № 2500 синод определяет „созвать, для обсуждения назревших вопросов, касающихся устроения православной Российской церкви, предсоборный Совет. Совет этот состоял из ряда духовных лиц по должности, но в то же время 25 мая за № 32800 Синод созывает в этот совет ряд либеральных профессоров, в качестве спецов. Как показывает дальнейшая история, среди этих „спецов" оказались люди, которых в

дальнейшем рабоче-крестьянская власть приговорила к высшей мере наказания за контр-революцию: таковы профессор Н. И. Лазаревский и член Госуд. Думы В. П. Шеин (впоследствии архимандрит Сергий). Несомненно их влияние сказалось на тех проектах взаимоотношений церкви и государства, которые обсуждались и принимались в дальнейшем на соборе.

Впоследствии предсоборный совет пополнялся разными новыми членами, по указанию синода. Так вошли: князь Евгений Трубецкой, генерал Артамонов, член московского окружного суда П. И. Астров и др.

Время приближает выборы в собор. И синод оповещает церковь о грядущем соборе следующим документом.

Святейший Правительствующий Синод архипастырям, пастырям и всем верным чадам Российской Православной Церкви.

Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа в Духе Святом.

Слава Господу Богу Спасителю нашему!

Изволением Божественного промысла, 15 августа месяца сего 1917 года, в богохранимом древнем граде Москве предстоит открытие Поместного Собора Всероссийской Православной Церкви, имеющего состоять из епископов, монашествующих и приходских клириков и мирян. Собор сей самой жизнью Церкви призывается к тому, чтобы в духе истинной Христовой свободы, единомыслия, мира и любви решить дело наилучшего устроения Церкви Божией. Исполнить сие дело Собор должен после того, как более 200 лет Российская Православная Церковь не видела в своих недрах Соборов, ведущих свое начало от времен апостольских (Деян. 15 гл.) и созывавшихся в нашей древней Руси для обсуждения и решения вопросов Церковной жизни. Более двух веков Россия не слышала голоса всенародно-православного разума о тех потребностях церковной жизни, которые настойчиво выдвигались на очередь этою же жизнью. Падала и охладевала вера на Руси, появлялись и развивались ереси и другие церковные разделения в народе, ослабевал союз любви между пастырями и пасомыми, а также среди самих пасомых рушилась

постепенно церковная связь, крепкими узами братства соединявшая в минувшие времена православных христиан в малые церкви—православные приходы. И, несмотря на такое зло, Собор не созывался и многие церковные нужды не получали своего разрешения и удовлетворения.

Ныне, благодарение и слава Господу Богу, Российская Церковь получила возможность осуществить право своего внутреннего, на началах соборности, устроения, а вместе и возможность созвать близкий к нам по времени Собор, который должен общим церковным рассуждением совершить великое дело обновления нашего церковного строя и улучшения жизни Церкви во благо и спасение русского православного народа.

Архипастыри, пастыри, клирики и весь православный народ святой Церкви! Сама жизнь Церкви нашей зовет нас к этому святому, воодушевленному, проникнутому пламенной верой соборному труду на пользу Церкви, сего великого тела Христова, (Ефес. 1,22-23) Обратитесь же теперь всем сердцем своим и всем помыслом своим и трудом вашим к оживлению церковной Российской нивы. И прежде всего, „ради назревших церковных нужд“ (Антиох. соб. прав. 20), приготовтесь подобающим образом к желаемому и ожидаемому Церковью Собору и его многотрудному и великому в своей священной важности делу. Для руководства по сей подготовке Святейшим Синодом издаются правила о выборах представителей Церкви, кои войдут в состав грядущего Собора. Отнеситесь к сей избирательной работе, как к святой обязанности, самой Церковью на вас возложенной. Приступите к сему делу избрания со страхом Божиим, с любовью к Церкви Господней, к обновляющейся Родине, жаждущей благодатного мира и покоя, ко всему братству нашему во Христе, Господе нашем. С пламенной молитвой к Господу Промыслителю, к Пречистой Владычице Богородице, к святым угодникам Божиим Христовой Церкви и к святым заступникам и предстателям пред Богом за землю Русскую ко всем московским и всея России чудотворцам, поднимите на себя в благоговении помысла и чувства, в мире совести вашей, бремя сего избирательного труда. Охраняя благочестие церковное, изберите на Собор людей благочестивых, мужей благоговейных, прекраснейших членов церковного братства нашего, бескорыстнейших и ревностных

защитников дела Церкви, знающих и понимающих нужды церковные, имеющих христианскую добрую совесть (Евр. XIII, 18), пользующихся заслуженным уважением в наших церковных обществах, носящих в себе благой мир Христов, людей богобоязненных (Деян. IV, 19); дабы избранники ваши явились живой церковной силой, способной внести, с одной стороны, благоустроение и мир в Церковь Божию, с другой, правду Христову и радость о Духе Святом в смятенные или в вере поколебавшиеся сердца человеческие. А засим, по исполнении долга избрания членов Собора, очистив в предлежащий Успенский пост души свои и приобщившись в день честного Успения Богоматери святых, великих и животворящих Тайн Христовых, вознесите общим братством вашим всеусердные молитвы к Преблагословенной Заступнице рода христианского, и „во Успении своем нас не оставляющей", чтобы, по молитвенному ходатайству Ее, Господь Спаситель наш даровал Святой Церкви нашей „по сердцу" ее и „все советы" ее „исполнение", изволением и благодатию Духа Святого.

„Бог же всякой благодати призвавший нас в вечную Славу Свою в Христе Иисусе" да совершит нас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми в нашей вере, в нашем уповании, в нашем братстве церковном.

„Ему слава и держава во веки веков. Аминь" (1 Петр. V,—10—11).

Платон, архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии.
Сергий, архиепископ Финляндский и Выборгский.
Агафангел, архиепископ Ярославский и Ростовский.
Михаил, епископ Самарский и Ставропольский.
Андрей, епископ Уфимский и Мензелинский.
Николай Любимов протопресвитер.
Александр Смирнов протоиерей.
Александр Рождественский, протоиерей.
Феодор Филоненко, протоиерей.

Предсоборный совет взял на себя обязанность подготовить для собора те материалы, которые должны были лечь в основу соборной деятельности. Поэтому он разрабатывает целый ряд

докладов, проектов и резолюций по всевозможным вопросам церковной жизни.

Но центральным вопросом, занявшим внимание деятелей предсоборного совета, был вопрос о положении церкви в государстве. Даже либеральных (в известном смысле этого слова) священников, в роде популярного петроградского протоиерея Чепурина, пугал вопрос, уже огненно стоявший, об отделении церкви от государства. Чепурин произнес на собрании либеральных священников речь, в которой призывал приложить все усилия к тому, чтобы отдалить это отделение. На точке зрения соединения, а не разъединения церкви и государства стали и предсоборные работники. Кроме правового положения церкви в государстве, интересуются вопросами о высшем церковном управлении, о приходе, о старообрядчестве и т. д. Но больше всего волнует консервативные умы либеральных церковников политическое, все более и более ярко революционное состояние страны. В конце-концов, предсоборный совет, по соглашению с синодом, заготовляет (от 12 августа 1917 г.) нижеследующий документ:

„Поместному Собору Православной Всероссийской Церкви Святейшего Правительствующего синода

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

В сознании православного русского мира с давнего уже времени твердо укоренилась мысль, что значительная часть недостатков и неустройств в русской церковной жизни зависела от стеснения в ней начал канонической соборности; вместе с тем ко всеми чаемому Собору обращены были всеобщие упования, что он устранит эти недостатки и неустройства. Изменившимся государственным строем созданы ныне новые условия государственной и общественной жизни, требующие согласования с ними и жизни церковной. Тягостные для нашей земли и Церкви обстоятельства последнего времени внесли разного рода настроения и препятствуют правильному созиданию нового церковного строя в новых бытовых и общественных условиях. Все это вызывает необходимость скорого, решительного и авторитетного преобразования и устроения церковной жизни при новых условиях жиз-

ни общественной и государственной. Святейший Синод, по долгу высшего церковного управления, прилагал заботы к своевременному преобразованию некоторых сторон церковного строя и быта в соответствии с назревшими вопросами жизни, в последнее время, главным образом, по применению в епархиальном и приходском строе выборного начала в большем, чем было ранее, объеме. Но вместе с тем Святейший Синод исходил из того соображения, что только Собор своим соборным разумом, руководимым Духом Божиим, и своим священным авторитетом может привести всех к единству мысли и духа и дать церковной нашей жизни устройство, предоставляющее всем верующим чадам Церкви возможность свободного и благоплодного проявления их деятельных сил. В соответствии с изложенным на первый план выступали в деятельности Святейшего Синода не столько осуществляющиеся в жизни, сколько подготовительные меры по церковным преобразованиям. В настоящее время наибольшее значение приобретает изложение статей, касающихся правового положения Церкви в Государстве. Засим идет ряд положений о церковном устройстве: высшем епархиальном и приходском, административном и судебном, в коем обветшавшие нормы давно уже требуют замены их новыми, соответствующими уровню современной жизни. Далее следуют настоятельно требующие разрешения или нового устроения некоторые отдельные вопросы и стороны русской церковной жизни, каковы: о единоверии, об управлении церковными имуществами, о духовно учебных заведениях и церковных школах, о монашестве.

Все эти подлежащие внесению на рассмотрение собора предметы и дела были подвергнуты Святейшим Синодом предварительному подготовительному рассмотрению и разработке на основании научных и практических указаний и посредстве предсоборных присутствий, совещания и совета завершившего подготовительные работы уже в условиях нового нашего государственного и общественного строя.

По краткости времени занятий Предсоборного Совета не по всем предметам, рассмотренным в Совете, окончательно редактированы законопроекты, и по техническим условиям настоящего времени не все из рассмотренных напечатаны.

В законченном виде Святейший Синод вносит на рассмотрение Собора следующие отпечатанные законопроекты:

1. „Правовое положение православной церкви в России". 18 статей этого законопроекта определяют взаимные отношения Церкви и Государства при современном новом государственном строе, и определяют правовое положение Церкви в Государстве. Законопроект составлен в 8-ом Отделе Предсоборного Совета и рассмотрен в общем собрании Совета. К законопроекту составлена профессором Верховским „Объяснительная записка" (еще не вышедшая из типографии).

2. „О высшем церковном управлении". Законопроект, выработанный во 2-ом Отделе Предсоборного Совета и рассмотренный в общем собрании Совета, заключает в себе общие положения о высшем церковном управлении, проектируемом из Поместного Собора, периодически собираемого, и постоянных органов—Священного Синода и Высшего Церковного Совета, имеющих особые предметы собственного ведения и совместные общие собрания для разрешения определенного круга дел. К законопроекту составлена „объяснительная записка".

3. „Положение о церковно-соборном окружном управлении", предполагающее установление новых окружных инстанций церковного управления и суда. Законопроект выработан во 2-ом отделе и рассмотрен в общем собрании Предсоборного Совета.

4. „Основные положения об организации православного прихода". Проект государственного закона о приходе, предоставляющего приходу права юридического лица, коих приход доселе не имел. Положения выработаны особою комиссиею до созыва Предсоборного Совета и были рассмотрены в общем собрании Совета.

5. „Временное положение о приходе", составленное особою комиссиею при Святейшем Синоде ранее созыва Предсоборного Совета и, по обстоятельствам времени, требовавшим неотложных изменений в приходском строе, разрешенное Святейшим Синодом к введению в действие. Положение это, представляющее собою церковный закон об управлении приходскими делами, связанными с церковным имуществом, должно стоять в непосредственной зависимости от основных положений о приходе, требующих ныне разрешения или утверждения в общем

законодательном порядке. „Временное Положение“ было напечатано в № 28 Церковных Ведомостей и издано отдельно. К „временному положению“ особым совещанием 5-го отдела Предсоборного Совета составлены „Дополнительные главы о церквах соборных, домовых и кладбищенских», напечатанные во „Всероссийском Церковно-Общественном Вестнике“.

6. „Проект особой главы в приходском уставе“, касающейся организации в приходе церковно-школьного воспитания, составленный в 5-ом отделе и рассмотренный в общем собрании Предсоборного Совета.

7. „Общие положения об устройстве церковного суда“,—44 тезиса, выработанных 4-м Отделом Предсоборного Совета.

8. „Положение о единоверии или православном старообрядчестве“ Проект предполагает особую организацию церковно-административного строя единоверцев с особыми епископами. Проект составлен в 6-ом отделе и рассмотрен в общем собрании Предсоборного Совета.

9. „О клятвах патриарха Макария и Московских Соборов 1666—1667 гг.“

10. „Основные положения о церковном имуществе и хозяйстве“, выработанные в 7-м отделе и рассмотренные в общем собрании Предсоборного Совета.

11. „О монастырском богослужебном уставе. О братстве ученых иноков. О государственном правовом положении монастырей. О культурных задачах монастырей по отношению к их насельникам. Об участии ученого монашества в просветительной деятельности монастырей. О главных основаниях, на которых должен быть выработан нормальный монастырский устав для русских монастырей. О прохождении архиереями должностей настоятелей монастырей и о порядке денежных отчислений с монастырей в пользу архиереев“.

12. „Устав Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви“, выработанный 1-м отделом и редактированный в общем собрании Предсоборного Совета и Святейшим Синодом“.

Доложены были общему собранию Предсоборного Совета в основных принципах и разрешены к напечатанию проекты, касающиеся духовно-учебных заведений, выработанные 10-м отделом Предсоборного Совета;

1. Основные положения по вопросу о типе духовной школы.

2. Положение о богословском институте.

3. Учебный план общеобразовательной средней духовной школы.

4. Устав автономии средней духовной школы.

5. Правила применения начал автономии в духовных семинариях и училищах с начала 1917—18 учебного года.

6. Устав автономии епархиальных женских училищ.

7. Учебный план епархиальных училищ.

8. Правила применения начал автономии в епархиальных училищах с начала 1917—18 учебного года.

Определением Святейшего Синода 21 июля 1917 года № 4614 постановлено включить при определении программы Всероссийского Поместного Собора вопрос о реформе духовно-учебных заведений в число первоочередных.

В отделах Предсоборного Совета выработаны также положения, не поступившие за краткостью времени на рассмотрение общего собрания Предсоборного Совета и еще не напечатанные, по следующим предметам:

1. Положение о созыве Поместных Соборов в составе обычном чрез три года, и в составе усиленном чрез девять лет.

2. Проект епархиального управления, составленный 3-м отделом Предсоборного Совета при пользовании проектом Предсоборного Совещания. Проект состоит из следующих частей: а) об епархии, ее устройстве и учреждениях, б) об Епископе, в) об Епархиальном Соборе г) об Епархиальном Совете и д) об Епархиальном правлении, его устройстве и делопроизводстве. Особое положение об управлении Православной Церкви в Финляндии.

3) Проект церковно-карательного устава, выработанный в комиссии Предсоборного Совещания и пересмотренный и проредактированный в 4-м отделе Предсоборного Совета: 175 статей.

4. Об иерархии белокриницкой—старообрядческой и старокатолической,—по 6 отделу.

5. О церковном богослужении: а) об упорядочении церковного богослужения, б) о богослужебном языке, в) о национализации богослужебного месяцеслова, г) о церковном пении.

6. О миссии: а) о русских сектах и мерах церковной борьбы

с ними, б) о мерах противодействия латинской унии в западном крае, в) об организации внешней миссии, г) о молитве за умерших инославных христиан, д) о церкви и государственном строе (отношение ее к социализму), о заграничных русских церквах, ж) о смешанных браках, з) о преобразовании издательского Совета при Святейшем Синоде.

7. Общие положения о хозяйстве—а) приходском, б) монастырском, в) архиерейских домов и г) епархиальном,—в журналах 7 отдела и о монастырском хозяйстве, в журналах 9 отдела.

8. Об организации управления монастырями и

9. О миссионерско-просветительно-благотворительной деятельности монастырей—9 Отдела Предсоборного Совета.

Вместе с тем Святейший Синод обязывается представить Собору о некоторых вопросах церковной жизни, вызывающих необходимость авторитетного решения их Собором или в виду неодинакового разрешения их доселе церковною практикою, или в виду их особого значения в церковной жизни, в связи с обстоятельствами переживаемого времени. Таковы дела: а) о восстановлении лишившихся священного сана священников в их священном сане, б) об афонских иноках—именуемых имябожниках, в) о возможности дозволения третьяго брака псаломщикам, г) о церковно-правовом положении псаломщиков и диаконов в клире и отношении их к священникам, д) о грузинской автокефалии, е) о допущении на Собор представителей от миссионеров, съезда законоучителей, православных галичан и других групп и лиц.

Наконец, тяжкие обстояния, переживаемые нашим Отечеством, не могут не вызвать в отношении к себе отзвука в Священном Соборе. Отовсюду раздаются голоса, что родина гибнет, что какое-то навождение овладело умами многих людей, забывающих законы Божеские и человеческие. Народ резко разделился на партии, утратив единство. Никакой партийный голос благоразумия не может вызвать ныне к себе должного внимания в народе. Только голос Матери-Церкви мог бы образумить многих. Только голос Христовой всепобеждающей любви мог бы угасить разгоревшуюся вражду и злобу. Только свет Божественного дня мог бы рассеять помрачение, обуявшее умы. Только вера, основанная на началах самоотверженного служе-

ния Богу и ближним, могла бы прекратить проявление грубых инстинктов, всепоглощающего захвата и необузданного разрушения. Дело оздоровления русской земли, в настоящее время столь необходимое, возможно только на религиозной почве. От Собора ожидается мощный призыв народа обратиться к Богу и установление в ближайший воскресный день или три ближайших воскресных дня нарочитых молебствий ко Господу о спасении Отечества и вразумлении заблудших, чтобы Господь послал разум истины своей народам земли и, изгнав вражду и злобу, вселил в души их благоволение".

12 августа 1917 года.

Временное правительство все время работает в контакте с церковью. Учреждается и в временном правительстве, как это было и в царском правительстве, должность обер-прокурора святейшего синода, каковым является Вл. Ник. Львов, бывший член Гос. Думы.

Правда, 5 августа 1917 г. оберпрокуратура синода уничтожается и на ее месте созидается министерство исповеданий, а ведомство православного исповедания превращается в „департамент по делам православной церкви". Министром исповеданий был кадет, кандидат богословия А. В. Карташов. Но фактически все осталось попрежнему.

11 августа состоялось „постановление Временного Правительства о правах собора", гласящее: 1) Предоставить, открывающемуся 15 сего августа в Москве поместному собору всероссийской церкви, выработать и внести на уважение Временного Правительства законопроект о новом порядке свободного самоуправления русской церкви. 2) Сохранить впредь до приятия государственной властью нового устройства высшего церковного управления все дела внутреннего церковного управления в ведении св. правительствующего синода и состоящих при нем установлений".

Итак все готово. Общественное мнение подготовлено. Правительственное разрешение получено. Выборы производятся. Выборы закончены. Всего на собор избрано и приглашено 564 человека. Из них: 10 митрополитов, 17 архиепископов, 52 епископа, 2 протопресвитера, 15 архимандритов, 2 игумена, 3 иеро-

монаха, 4 митрофорных протоиерея, 64 протоиерея, 54 священника, 2 протодиакона, 8 диаконов, 26 псаломщиков и 278 мирян.

По своим чисто-партийным взглядам, собор был правым, имея не мало кадетов (Астров, Трубецкой и др.) и лиц еще более правых (Шеин и др.). Не мало избрали на собор князей (Урусов, Чопадаев, два Трубецких, Ухтомский, Эристов), графов (Апраксин, Бобринский, Граббе) и профессоров (41). Из видных политических деятелей: Родзянко и др., из военных деятелей—Артамонов и др.

Уже перед собором наметились группы. Дело в том, что та сравнительно либеральная позиция, которую занял синод с обер-прокурором Львовым, многим казалась весьма опасной для церкви. Эти круги сгруппировались около епископа Феодора, бывшего ректора московской духовной академии. Особняком стояла прогрессивная группа, состоящая, главным образом, из профессуры и священства. Впрочем, подтасовка на выборах не дала возможности этой группе послать на собор своих лучших представителей. Ни один из ответственных работников демократического духовенства на собор не попал.

Собор открылся 15 августа. Как торжественно сказано в первой книге „Деяний священного собора православной российской церкви": „в лето от Рождества Христова 1917-е, августа 15, в день честного Успения Пресвятыя Богородицы в Богоспасаемом граде Москве, в Большом Успенском соборе совершено открытие священного собора Православной Российской Церкви по особому утвержденному Святейшим Синодом чину. Литургию совершали Владимир Киевский, Платон Тифлисский, Вениамин Петроградский. На почетном месте, среди молящихся, находился министр-председатель А. Ф. Керенский, министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев, министр исповеданий А. В. Карташов и его товарищ С. А. Котляровский. По окончании литургии митрополит Владимир читает грамоту Синода об открытии собора, где благодарит „Господа, благоволившего осуществить ныне заветные чаяния православного русского народа". После чтения грамоты из собора выходит крестный ход на Лобное место. Здесь совершается молебен, где, наряду с просьбами о ниспослании святого Духа на участников собора, читается всена-

родно и следующая молитва: „приими, Господи, слезная моления наша, и о спасении державы российския от всех бед и напастей, обдержащих ю, и не предаждь нас в руки врагов наших лютых, да не до конца погибнем“.

Собор открыт.

На первом же деловом деянии выступают представители государства и церкви с словами приветствий. Эти адреса заслуживают глубочайшего внимания, так как в них мы видим отражение тех дум и чувств с которыми Россия церковная и политическая встретила свой собор. Поэтому я привожу дальше протокол этого деяния, дабы читатель сам мог войти в сферу этих настроений и чаяний. Конечно, я не привожу здесь всех приветствий, но наиболее характерные, отражающие философию и психологию их пославших.

Священный Собор Православной Российской Церкви.

Деяние второе.

16 августа 1917 года.

Божественную литургию в храме Христа Спасителя совершает Тихон, Митрополит Московский и Коломенский в сослужении Преосвященных викариев Дмитрия Епископа Можайского, Арсения Епископа Серпуховского, Отцов Членов Собора и соборного причта.

Во время причастного стиха Член Собора Протопресвитер Большого Успенского Собора Николай Любимов произносит следующее слово:

> Призвав Іисус ученики своя (на бреге моря Галилейского), рече им: милосердую о народе сем, яко уже дни три приседят Мне и не имут чего ясти, и отпустити их не ядших не хощу, да не како ослабеют на пути.
>
> *Мѳ. 15 гл. 32 ст.*

При открытии священного Всероссийского Церковного Собора, пред сонмом богомудрых архипастырей, пред лицом великого множества избранных всею Церковью Российской просве-

щенных пастырей, ученых мужей и лучших представителей верующего народа, — не говорить хотелось бы мне, а слышать подчинение, и подчинение сильное, действенное, могущее слабую веру мою укрепить, ум помраченный просветить, сердце порочное очистить, волю ослабевшую направить к деланию заповедей Господних. И если, послушный воле своего архипастыря, решаюсь я сегодня выступить с своим словом, то совсем не для поучения и назидания присутствующих здесь, а лишь только для того, чтобы вслух священного Собора поведать, какой пищи алчет и какого пития жаждет получить от него верующий народ московский, а вместе с ним несомненно и вся верующая Россия. Говорить же пред вами от имени верующей Москвы я, как первый по положению своему пастырь церкви московской, имею не только право, но и обязанность.

Накануне дня сего, в великий праздник Успения Богоматери, все мы были свидетелями невиданного доселе и по своей величественной торжественности необычайного молитвенного собрания. Когда „Священный Собор“ с крестным шествием выступил из Кремля на обширнейшую в Москве так называемую „Красную“ площадь, очам всех представилась поистине захватывающая душу картина: „народ мног“, исчислять который возможно не тысячами, и даже не десятками, а разве сотнями тысяч, „обдержал“ вас и с умилением сердца, со слезами на глазах, вкупе с вами молился о ниспослании Духа Святого на Собор Церкви Российской и на труды его к церковному строению, к утолению духовного глада всех верующих и верных чад Православной Церкви Российской. Уже не „дни три“, а почти целых три столетия голодает Церковь Российская, „не имея чего ясти“ из той духовной пищи, которая может быть дарована ей Собором Церковным, и вот теперь только, с надеждой взирая на священный Собор сей, простирает к нему свои слезные мольбы об утолении своего глада духовного.

„Помилосердуйте“ же, отцы и братие, о верующем и гладном „народе сем и дайте им ясти“.

К вам богомудрые архипастыри, к вам первее всего устами моими обращается верующий народ русский с такою мольбою: „Дадите нам от елея вашего, яко светильницы наши угасают“. (Мѳ. 25 гл., 8 ст.). Вы в Церкви Христовой прямые преемники

апостольского служения, вы сугубо одарены благодатию Духа Божия. Озарите светом истины Христовой наш помраченный разум: „вложите“ в отягченные плотскими похотьми „сердца наши страх блаженных заповедей“ Господних, да „духовное жительство пройдем в Церкви Христовой,“ „мудрудствующе и деюще вся, яже к благоугождению Божию“.

Вы, просвещенные служители науки богословской, ученые исследователи истории Церкви Христовой на земле и преданий Церковных—дадите нам от знания вашего! Скажите нам, как благоустроялась Церковь Христова изначала, как созидались в ней те или другие церковные установления, на каких церковно-исторических преданиях должно быть основано церковное строительство применительно к условиям жизни нам современной.

Вы, добрые пастыри стада Христова, со всех концов Руси святой сошедшиеся сюда, чтобы, поделившись друг с другом богатым запасом своего духовного опыта, сугубо возревновать о спасении душ ваших пасомых — дадите нам от сей пастырской ревности вашей и от вашего духовного опыта! Вы стоите близко к народу, вы знаете его духовные нужды, вы слышите его воздыхания сердечныя... Укажите же, как надо благоустроить жизнь народную, как объединить верующих чад Церкви вокруг храмов Божиих, какими узами крепче связать пасомых с их пастырями, дабы совокупными усилиями, под мудрым водительством своих архипастырей, могли они лучше создать дело своего спасения, постепенно возрастая „в меру возраста исполнения Христова“ (Ефес. 4 гл. 13 ст.).

Вы, представители мирского жития и вместе с тем верующие и верные чада святой Церкви Православной! Бросивши свои мирские заботы и дела, оставивши житейские попечения о своем общественном, семейном и материальном положении, вы посвятили себя на более или менее продолжительное время служению Церковному; пришли на Собор, чтобы принять участие в церковном строительстве и тем проявили пламенную любовь к своей матери—Церкви Православной.—Дадите нам от сея любови вашея! Научите и нас всегда „дело Божие“ ставить выше всяких дел человеческих, благоустроение жизни церковной предпочитать заботам о переустройстве жизни гражданской,

общественной, — „искать“ первее всего „Царствия Божия и правды Его“, и тогда „приложатся“ нам и вся благая мира сего (Мѳ. 6 гл., 33 ст.).

Вот, какой пищи духовной требуют от Священного Собора все верующие чада Православной Церкви Российской.

Дадите же им пищу сию: „да не ослабеют они“ на жизненном „пути“ своем, на пути, не только полном различных преткновений, соблазнов и бурь житейских, но прямо даже пути крестоносном, страдальческом.

Ведь гибнет наша мать родная, русская отчизна, не столь одолеваемая лютым внешним врагом, сколь обуреваемая внутри различными ветрами лжеучений, безверия, мятежа и настроений... Где искать ей спасения от бурь житейских и избавления от тяжких недугов, обдержащих ю? Где, как не в Церкви Христовой, которая одна может и должна служить для всех обуреваемых тихою и надежною пристанью,—для всех немоществующих единою неоскудевающей врачебницей, всякие недуги исцеляющей и от смерти избавляющей...

Да пребудет же во веки незыблемою святая Церковь Христова по обетованию Спасителя: „Созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ей“ (Мѳ. 16 гл., 18 ст.). И да ниспошлет Всеблагий Владыка Свое небесное благоволение „на собравшихся вкупе верных людей своих, ко еже благоугодно совершити им устроение Православныя Церкви Российския! Аминь“.

По окончании литургии Члены Собора, епископы, выйдя из алтаря царскими вратами в архиерейских мантиях, размещаются на особых скамьях, покрытых красным сукном, посредине храма, а все прочие Члены Собора занимают места по правой и левой сторонам от епископов.

Заседание открыто под председательством первенствующего Члена Святейшего Синода Владимира, Митрополита Киевского и Галицкого. Собор воспевает стихиру „Днесь благодать Святого Духа нас собра“.

Собору приносят приветствия:

1) От Временного Правительства—Министр Исповеданий А. В. Карташев.

„Архипастыри, пастыри и братие о Христе. Представляя здесь Высшую Государственную Власть Временного Правительства, как

Министр Исповеданий, я имею высокую честь принести от лица Временного Правительства Чрезвычайному Поместному Собору Всероссийской Церкви привет и пожелание плодотворной законодательной и устроительной работы.

Временное Правительство поручило мне заявить Священному Собору, что оно гордо сознанием—видеть открытие сего церковного торжества под его сенью и защитой. То, чего не могла дать Русской национальной Церкви власть старого порядка, с легкостью и радостью предоставляет новое Правительство, обязанное насадить и укрепить в России истинную свободу. Временное Правительство видит в настоящем Соборе не обычный съезд частного сообщества, каких теперь несчетное число: оно видит в Соборе Русской Православной Церкви полномочный орган церковного законодательства, имеющий право авторитетного представления на уважение Временного Правительства законопроектов о новом образе церковно-правительственных учреждений и о видоизменении отношений Церкви к Государству.

Временное Правительство сознает себя, впредь до выработки Учредительным Собранием новых основных законов, стоящим в тесной близости к делам и интересам Православной Церкви. В своем составе оно до сих пор имело Обер-Прокурора Святейшего Синода Русской Православной Церкви (а не иных какихлибо исповеданий). И если недавно упразднена эта должность (но не упразднены до времени ее права и обязанности), то только потому, что, в виду Церковного Собора, Правительство не желало, ради символики утверждаемой им свободы Церкви, сохранять это имя, ставшее по мнению церковного общества синомимом тяжкой зависимости Церкви от Государства.

Временное Правительство ждет той минуты, когда Собор представит ему новый план церковного управления, и тогда оно с готовностью упразднит в круге полномочий своего Министра Исповеданий его обер-прокурорские права и обязанности по делам внутреннего церковного управления, оставив за ним более внешний надзор за закономерностью.

Ожидая от Собора законодательных предположений, касающихся преобразований церковного управления, Временное Правительство полагает, что впредь до принятия им этих предположений все прежние правящие установления Русской Церкви,

к учреждению коих государственная власть приложила печать своей санкции, остаются в полной силе их действия и не могут быть поколеблены без внесения в область управления и церковно-государственных отношений беспорядка и анархии. Не желая этого ни Церкви, ни Государству, и, утверждая публично-правовые полномочия Собора, Временное Правительство 11 сего августа приняло строжайшее постановление в двух пунктах:

1) Предоставить открывающемуся 15 сего августа в Москве Поместному Собору Всероссийской Церкви выработать и внести на уважение Временного Правительства законопроект о новом порядке свободного самоуправления русской Церкви.

2) Сохранить впредь до принятия Государственной властью нового устройства высшего церковного управления все дела внутреннего церковного управления в ведении Святейшего Правительствующего Синода и состоящих при нем установлений.

Исполнив долг сего заявления от имени Временного Правительства, я не смею ничем осложнять дальнейшую речь и обнаруживать волнующия меня чувства за нашу Церковь и наше родное Отечество. Осеню лишь себя вместе с вами широким православным крестом".

3) От Московской кафедры—Тихон, Митрополит Московский и Коломенский.

„С великою радостию исполняю священный и вместе приятный долг приветствовать Чрезвычайный Собор от лица Московской Церкви. Москва издавна была носительницей и выразительницей церковных верований и религиозных упований. Не видя у себя свыше 200 лет Церковного Собора, она не могла не скорбеть. Лучшие сыны ее—и архипастыри и верующие миряне—жили мечтою о возобновлении соборной жизни Церкви, но по неисповедимым планам Божественного Промышления им не суждено было дожить до настоящих счастливых дней, все они свидетельствованы в вере, не получив обетования. Подобно древнему Израилю, они лишь издали созерцали обетованное нам от Господа, но войти в обетованную землю не могли. И мы уповаем, что с созывом Церковного Собора обновится вся жизнь нашей Церкви, Собор вызовет прилив народной веры и религиозных чаяний.

Верующая Москва ожидает от Собора содействия и в устройстве государственной жизни. Всем ведомо, что Москва и ее Святыни в прошлые годы деятельно участвовали в созидании Русской Державы. Ныне Родина наша находится в разрухе и опасности, почти на краю гибели. Как спасти ее—этот вопрос составляет предмет крепких дум. Многомиллионное население Русской земли уповает, что Церковный Собор не останется безучастным к тому тяжкому положению, какое переживает наша Родина. Созерцая разрушающуюся на наших глазах храмину государственного нашего бытия, представляющую как бы поле, усеянное костями, я, по примеру древнего пророка, дерзаю вопросить: оживут ли кости сия?

Святители Божии, пастыри и сыны человеческие! Прорцыте на кости сухие, дуновением Всесильного Духа Божия одухотворите их, и оживут кости сия и созиждутся, и обновится лице Свято-русския земли!"

4) От Комиссии Государственной Думы по делам православной веры—Председатель названной Комиссии, член Государственной Думы В. Н. Львов.

„Вся 10-летняя деятельность церковной комиссии Государственной Думы была периодом борьбы за права свободной Церкви и мне, как председателю этой комиссии, особенно была близка и ведома вся тяжесть напряженной работы церковной комиссии. Ныне эта борьба кончена. Церковь получила свободу, и не от руки бывшего правительства, не от царской власти.

Только сам народ и то великое революционное движение, которое по неисповедимым путям Промысла Божия охватило Россию, даровали свободу Церкви.

Свобода дана Церкви волею русского народа,—об этом председатель церковной комиссии счастлив заявить перед лицом Церковного Собора и передать Собору приветствия и пожелания счастливой и плодотворной работы от Церковной комиссии Государственной Думы".

5) От Общества религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви—протоиерей Б. Н. Лахостский.

„Чаяния многих поколений Православного русского мира осуществились. Заря соборной церковной жизни, давно уже загоревшаяся, раскрыла наконец скрывавшие близость рассвета тем-

ные тучи. И вот поднимается многосветное светило Собора, чтобы озарить своими светлыми лучами церковный мир и пробудить его к трудовой жизни.

Восход солнца вселенная встречает согласным хором ликующего привета.

Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, возникшее тогда, когда условиями общественной и политической нашей жизни начала соборности была до крайности стеснены, все время своего бытия посвятило служению этим началам, и ныне, радостно встречая их осуществление, сыновне приносит Всероссийскому Поместному Церковному Собору одушевленные свои приветствия. Господь судил собраться Собору в такие дни, когда наша земля страдает в тяжких обстояниях неприятельского разорения и внутреннего распада.

Да пошлет Господь Собору быть началом восстановления разоренного и собрания распадающегося и разрушаемого церковного и государственного величия нашего отечества. Да соберется народ наш во единство во Христе, ведомый церковным священноначалием во свете учения Христова. Да укрепит он свою волю в служении добру на поприще благословенного труда. В труде и единстве да почерпнет он дух мужества и бодрости к перенесению приключающихся невзгод и к предстоящей сложной работе по созданию устойчивых норм государственной и церковной жизни в новых бытовых условиях.

Неисчислимый сонм святых и праведных отец, прежде отшедших от нас ко Господу и взирающих ныне на дела наши из горнего мира, да соучаствует Собору в его мыслях и деяниях на благо святой Церкви и во славу Единого в Троице славимого Бога, Ему же честь и поклонение да пребудет от рода нашего во веки.

15 августа 1917 г.

Председатель Совета Общества Протоиерей Философ Орнатский.

Протопресвитер Александр Дернов.

Протоиерей Павел Лахостский.

Протоиерей Евгений Кондратьев.

Священник Иоанн Клянский.

Священник Павел Аникиев.

Доктор церковной истории С. Рункевич.

Делопроизводитель Протоиерей Павел Кульбуш".

6) От Государственной Думы—Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко.

„От Государственной Думы горячий привет Всероссийскому Церковному Собору и низкий поклон всем его участникам. Мысль о Соборе и о соборном устроении Церкви возникла и поддерживалась неизменно в III-ей и IV-ей Государственных Думах. Эта заветная мечта о соборном устроении Церкви получила ныне свое осуществление,—в наше смутное время, какое мы все переживаем.

Государственная Дума имеет полную уверенность в том, что Собор архипастырей, пастырей и церковного народа, не зависимо от возлагаемых на него задач устроения церковного, будет способным содействовать примирению и объединению всех русских людей. Церковь способна укрепить духовные силы народа. Религиозное чувство отличается тем, что оно имеет силу объединить всех".

7) От армии и флота – протопресвитер военного и морского духовенства Г. И. Шавельский.

„От лица многострадальной нашей армии приношу Всероссийскому Церковному Собору горячие приветствия по случаю его открытия и молитвенное пожелание, да благословит Всемогущий Господь труды Собора и Своею всесильною десницею да направит их ко благу своей Святой церкви, во славу великой нашей родины.

Вместе с этим дерзаю я обратиться к собору с усердной мольбой.

Как связанный по рукам и ногам исполин, стоит обессиленная, больная духом наша армия. Богомудрые архипастыри, отцы и братия, составившие священный Собор, поддержите ее! Своим горячим словом ободрите ее, своими благословениями и молитвами подкрепите ее, своими наставлениями укажите ей духовный путь, по которому идти, да спасет она и нашу родину святую".

8) От Московского Городского Общественного Управления и населения города Москвы—Московский Городской Голова В. В. Руднев (с.-р.).

„Московская Городская Дума, как представительница населения, шлет привет служителям церкви и мирянам, собравшимся для устроения новой Свободной Церкви. Здесь, в сердце России, в сердце матери городов русских, в центре духовных и религиозных взысканий раздается ныне голос свободной Церкви; на развалинах печальной памяти ведомства закладаются первые камни живой Церкви. Основы духовно-религиозной жизни вечны, и пока жив будет русский народ, живы будут его пламенная вера и искренняя религиозность, полная терпимости ко всем инако мыслящим. В предстоящих трудах и заботах о будущем православная Церковь должна откликнуться и всеми силами должна войти в великую задачу спасения и объединения родины".

11) От Московского Губернского Земства—член Московской Губернской Земской Управы С. К. Родионов.

„С благоговением здесь перед лицом Священного Российского Собора, передавая глубокий привет от Московского Земства, я выступаю, чтобы выразить все, чем душа полна в это смутное время, которое переживает наша родина.

Московское Земство в тревоге, оно видит, что надвигается страшное время, когда наше великое государство разлагается, все мысли Земства направлены только на дело спасения России и на то, чтобы мы, наконец, начали понимать весь ужас положения, являющийся от взаимного нашего народного несогласия.

Мы видим, что многие из войск наших забыли свой долг и складывают оружие, уступая врагу родную землю. Мы видим, что многие из тыла растеряли нравственныя чувства патриотизма, стремятся только к удовлетворению своих страстей, самолюбия, жажды власти и достижения собственных интересов, когда партии расшатывают все основы государства, забывая, что в единении спасение России.

Где голос, который бы остановил разнузданный в своих направлениях русский народ, где голос, который сказал-бы: „стойте братья, мы гибнем под неистовой пляской разбушевавшихся страстей!" Пусть же этот отрезвляющий голос прозвучит здесь, в стенах храма, и от носителей священных заветов, пусть этот голос мощно произнесет: „Остановитесь, слейтесь воедино во имя спасения Родины, не губите отчизны, час настал, великий час,

когда каждый отвечает своею совестью перед народом и своими детьми! Пусть святая Церковь, устроившись в своей внутренней жизни, свободная, вольет свет истины, в наболевшие сердца наши. Пусть никто не думает, что пламя веры потухло под разными течениями взглядов; вера постигается больше там, где человек стоит перед лицом смерти; ведь почти каждый воин, идущий в бой, шепчет молитву, отдавая свою жизнь ради спасения Родины.

Разве можно забыть те времена, когда совершалось строительство земли русской, когда св. Сергий, этот великий подвижник Московский и собиратель земли русской, ходил, умоляя удельных князей соединиться с Москвою, чтобы образовать единое государство; разве не завещал также это св. митрополит Алексей, говоря, что в единстве есть сила Государства русского; разве Дмитрий Донской не победил врагов, одухотворенный религиозным чувством; разве от их великого почина не создалась необъятная и могучая Россия? Вот в чем связь Церкви с Государством, и одно без другого существовать у русского народа не может. Где же теперь эти подвижники, где же теперь эти люди, скромные видом, но великие духом? Идите же к нам теперь, когда созданное вами разрушается, вдохните же силу вашего духа для спасения свободной Родины, в деяния Собора, который своим мощным гласом должен удержать от падения и укрепить Великую Россию. Великий Собор! Прояви священную власть над больной душой нашей, возвести Именем Христа русскому народу любовь друг к другу и вразуми, что в единении спасение Родины".

12) От Главного Комитета союза офицеров армии и флота— старший лейтенант К. В. Солдатенков.

„Мне, представителю Главного Комитета союза офицеров армии и флота, поручено приветствовать Всероссийский Собор Православной Церкви, и заверить, что корпус офицеров, верный заветам Православной Церкви, приложит все усилия, чтобы провести в жизнь и поддержать все то, что здесь лучшие сыны православия постановят и признают за благо.

Офицеры русской армии и флота всегда были на страже Православной Церкви и искони веков считались верными ее защитниками. Это было, это есть и теперь.

Главный Комитет офицеров армии и флота надеется, что Православная Церковь, освободившаяся от всякого контроля, наконец, вступит на путь, указанный ей Святыми Отцами.

Мы—офицеры армии и флота—желаем, чтобы Православная Церковь была действительно тем светочем, который осветит своими ласковыми лучами исстрадавшуюся Русь. Всероссийский Церковный Собор должен помочь и поможет проснуться истинным сынам России от ужасающего кошмарного сна. Мы, офицеры, верим, что проснутся они и Россия будет спасена".

По окончании приветствий, обратился с словом благодарности за выраженные приветствия Собору Высокопреосвященный Владимир, митрополит Киевский и Галицкий.

Собор воспевает Великое Славословие, после чего заседание закрыто".

Аналогично этому следующее заседание собора. Вот протокол:

Священный Собор Православной Российской Церкви.

Деяние третье.

17 августа 1917 года.

Заседание открыто в Соборной Палате в 12 час. дня под председательством первенствующего члена Св. Синода митрополита Киевского Владимира, в присутствии 445 членов Собора.

Заслушаны приветствия:

1) От имени Верховного Главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова—князь Г. Н. Трубецкой. „Я получил по телеграфу от Верховного Главнокомандующего поручение передать Поместному Собору привет и искреннее пожелание успеха в его святом деле. Позвольте принести привет и пожелания и от всех чинов Ставки Верховного Главнокомандующего и высших чинов армии. Среди тяжелых испытаний, какие переживает Россия, у нас не умерла мысль, что густой туман рассеется и что из глубины России воссияет возрождение.

Нам не страшен внешний враг. Мы верим, что дух христолюбивого воинства не вовсе отлетел из рядов армии, и что с помощью доблестных сынов ее воскреснет свободная Русь.

Позвольте же просить Поместный Собор своими молитвами поддержать армию, возжечь тот пламень веры, который нужен нам".

2) От Киевского религиозно-философского общества—председатель общества Э. Н. Глокке: „Киевское религиозно философское общество, ставящее своей основной задачей свободное искание религиозной истины, в лице руководящего его деятельностью Совета, проникнуто с самого основания общества непоколебимым убеждением, что эта истина только в краеугольном камне, на котором зиждется Церковь Православная, в Господе нашем Иисусе Христе, Который только Один есть „живот и истина".

Поэтому Киевское религиозно-философское общество, болезненно с сыновней любовью переживавшее скорби и муки нашей общей матери, Русской Православной церкви, томившейся долгие годы под тяжким гнетом самодержавной, ведомственной государственности, сковывавшей свободные члены ее живого соборного тела, теперь в пресветлые дни ее новой пасхи, ее животворящего воскресения к деятельной, проникнутой взаимной любовью творческой жизни, к которой призваны теперь все ее члены по мере данного каждому из них таланта, с благоговейной молитвенной радостью приветствует нынешний Всероссийский Священный Собор, в лице входящих в его состав святителей, пресвитеров, диаконов и мирян, и твердо верит, что почивающая на этом Соборе благодать Всесвятого Духа поможет ему совершить великое дело строительства Церкви Российской на новых и в то же время старых, как само христианство, соборных, демократических началах во славу Божию и на утверждение истины".

3) От Галицийской церкви—архиепископ Волынский Евлогий: „Мне поручили передать привет Поместному Собору представители новоучрежденной Галицийской Церкви, зародившейся в годы страшной войны. Им судил Господь быть исповедниками и мучениками за свою родную православную веру. Они обращаются в лице моем к Поместному Собору с горячей мольбой принять их в общение с Православной Церковью, уверенные найти себе успокоение в лоне этой церкви. Они живут молитвой, что Господь укрепит узы, соединяющие их с Православной Церковью,

и что собор положит твердые основания „для общения с нами в любви и единоверии“.

4) От Московского университета—професс. князь Е. Н. Трубецкой: „Я приношу вам привет от старейшего русского университета и религиозно-философского общества имени В. С. Соловьева, которое полагает православную веру в основу своих изысканий.

Среди великой, тяжкой скорби, переживаемой нами теперь, есть один проблеск светлой радости. Никто не забудет тех минут, которые мы провели в Успенском Соборе и на Красной площади 15 августа.

Радость, которую мы испытали тогда, мы не чувствовали бы так сильно, если бы мы не переживали таких страданий. Скорбь никогда не была так осязательна, как теперь. И голод, и холод и вражеское нашествие... В основе всех этих бедствий лежат наши преступления. Можно вести нескончаемую повесть о наших грехах и преступлениях, об оскудении веры и любви к родине. И вот, как весть из другого мира, пришел к нам этот Собор.

Все мы веруем в слова Христа: „где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их“. И вот сам Христос посреди нас. Вся Москва 15 августа двинулась в сретение Христу. И пусть это будет великим сдвигом, который нас исцелит и воскресит. Никакая политическая мудрость не выведет душу народа из ада. Нужна Господня благодать. Да будет же во всей Руси то, что мы видим в Москве. Пусть Собор прозвучит благою вестью о воскресении Христа и „о воскресении во Христе русского народа“.

В заседании от этого же числа (17 авг. 1917 г.) берет слово Шеин.

Продолжаю протокол. В. П. Шеин: „Наши суждения получают неожиданное направление. Говорят о средствах на покрытие расходов по Собору. Этот вопрос разъяснен Министром Исповеданий. Говорят об издании и распространении листков о Соборе. Но то и другое частность. Важно не то, как мы распространим в населении сведения о том, что мы говорим, и не то, на какие средства мы распространим то, что мы будем говорить, а важно то, что мы будем говорить. Этого ждет вся верующая и

неверующая Россия. Войска, города, земства, биржевой комитет и многие общественные учреждения высказали нам свои благожелания и возложили на нас свои чаяния. И должен же раздаться голос, который бы затронул всю Россию и мог бы образумить многих. Должно же в наше время упадка и веры и упования прозвучать слово веры, в наше время лжи и всякого извращения истины—слово правды, и в наше время всяких насилий, озлоблений, вражды—слово мира. И прежде всего нужна пламенная молитва об устроении церкви и спасения России. Нужно в храме Христа Спасителя вознести всенародное моление о ниспослании победы русскому воинству и спасении русской Церкви и русской земли; во-вторых, нужно в полном составе Собора помолиться у раки преп. Сергия; в-третьих, обратиться с посланием ко всему русскому народу, в котором призвать его оставить вражду и злобу, сказать ему слова правды и призвать к покаянию. Поэтому я предлагаю выбрать особых лиц и поручить им обсудить вопрос о всенародном молении и о составлении послания. Переходя к вопросу о порядке дня, я нахожу, что прежде всего нужно избрать комиссию для поверки полномочий членов Собора".

Князь Я. Г. Чагадаев. „Я согласен по существу с тем, что сказал В. П. Шеин, но думаю, что особой комиссии для обсуждения вопроса о молении и составлении послания к народу не требуется. Нужно спешить. Жизнь не ждет. На фронте льется кровь, и я предлагаю сейчас же совершить молебствие о спасении России и панихиду о павших за защиту родины".

Я. И. Ивановский. „Предо мною встает образ патриарха Гермогена. Как бы ни были тяжелы настоящие минуты, но те минуты были еще горше, еще тяжелее. Польский гарнизон стоял в Кремле, а патриарх Гермоген говорил, что русская земля не погибла и призывал всех к борьбе за родину и церковь. Необходимо и нам сказать, что русская земля еще сильна, необходимо, чтобы по всей земле русской было разослано воззвание. Необходимо обратиться с увещанием к армии и флоту, сказать им, что русская земля еще сильна, и призвать их к смелой и решительной борьбе за родину".

Священник Е. Ф. Сосунцов: „Нам нужен: 1) маленький орган для нас самих; 2) орган осведомительный для епархий: таким орга-

ном может быть „Церковно-Общественный Вестник“; 3) нужен особый орган для широкого распространения в народе сведений о Соборе и популяризации его идей. Средства и силы для издания этих органов найдутся“.

Протопресвитер. Г. И. Шавельский: „Мне крайне тяжело говорить об армии в ее настоящем положении после того, как я видел ее в расцвете силы и славы. Вспоминаю начало этой беспримерной войны. Армия вышла на поле брани слабо снабженной, плохо снаряженной, без достаточного количества ружей, орудий, снарядов. Но она была сильна духом, верой, любовью к родине и готовностью на какой-угодно подвиг. Она была могуча верой в Бога, и в этой вере черпала одушевление для подвигов своих. Началась борьба с могучим врагом. В декабре 1914 г. я сотни верст проехал по Вост. Пруссии, посещая войска на позициях. Я видел разгромленные неприятельскими и нашими снарядами деревни и города, разоренные дома, оставленные жителями, но кирки везде стояли нетронутыми и все в них бывшее оставалось неприкосновенным. Я наблюдал трогательную заботливость наших воинов об оставшихся жителях. В то время немцы ознаменовали уже вторжение в наши пределы рядом зверств: осквернением наших храмов, насилиями над жителями, изнасилованием женщин, избиением стариков и детей. Я спрашивал наших солдат: „А вы оскверняли немецкие храмы?“ „Никогда“, отвечали они. „Надругались над мирными жителями?“ „Нет!“ кричали мне. „Не насиловали женщин, не обижали стариков и детей?“ „Боже сохрани!“ отвечали мне. Да, я еще раз свидетельствую, что наша армия в 1914 году вышла на брань со страхом Божиим, не затем, чтобы грабить и разорять чужие земли, а лишь затем, чтобы защитить от грозного врага свою родную землю, и, защищая ее, воины наши покорно страдали, с молитвой и благословением умирали, веруя в великую святость того подвига, какой совершали они.

Настало лето 1915 года. Началось галицийское отступление наших войск. Приезжаю в одну дивизию. Начальник этой дивизии говорит мне: „Люди еще у меня есть, но ружей и снарядов нет. Что же делать? Вооружу дубинами и пущу в атаку, пусть отбиваются!“ И наши богатыри с дубьем в руках или камнями отбивались от вооруженного с ног до головы неприятеля.

В сентябре 1915 г. посетил я 3-ю стрелковую дивизию, на северном фронте. Один из ее полков только что потерял почти весь свой состав. К моему приезду выстроился „весь“ полк... в нем было всего 92 штыка. „Ну что, братцы, как чувствуете себя?“ спросил я. „Постоим за Родину!“ дружно ответили мне. И постояли. Эта безоружная, обессиленная боями, но могучая верой и молитвой армия остановила натиск врага, а вскоре ему и силу свою показала. Что теперь стало с нашей, когда-то могучей, славной армией?

Вы знаете подробности Тарнопольского прорыва и разгрома. Вы слышали о зверствах над мирными беззащитными жителями, о бесчинствах и кощунствах, которыми наши войска опозорили себя. Я не стану распространяться обо всем этом,—одно лишь скажу: в течение более двух лет мы очень усердно собирали сведения о немецких зверствах, набраны груды документов. Но теперь все это надо сжечь, так как все немецкие зверства являются детскими шалостями по сравнению с тем, что натворили наши христолюбивые воины.

Что же за причина столь огромной перемены, происшедшей в душе нашей армии? Причина одна,—ее охватил животный страх. Нашим доверчивым и уставшим воинам посулили царство небесное на земле: всю землю и волю; и в это же время освободили их от долга, от обязанностей и от возмездия за трусость, измену и всякие другие нарушения высокого воинского долга. Нашим воинам пообещали рай на земле, и под влиянием этой проповеди людьми овладел животный страх за свою драгоценную жизнь. Не может быть доблести, мужества, храбрости в сердцах людей, которые ищут одних земных благ, дрожат за свою жизнь, ибо боятся вместе с нею потерять все...

Но я неисправимый оптимист и верую в возможность возрождения армии. Сейчас настроение армии таково. Есть в ней известный процент обезумевших, неисправимых. Несравненно больше растерявшихся, которые или не знают, что делать, к кому пристать, или боятся выявить лицо свое. Есть, наконец, известный процент людей, скорбящих за настоящую разруху армии. Их мы называем Никодимами, ибо они приходят к нам, пастырям, за советом, за утешениями чаще ночью, чем днем. Надо

третьих окончательно укрепить, надо вторых вразумить или ободрить. Священный Собор должен придти на помощь армии.

Я считаю необходимым, во-первых, чтобы Всероссийский Поместный Собор обратился к армии с воззванием самым решительным и горячим. Только свет божественной истины может рассеять помрачение, обуявшее умы. Во-вторых, считаю необходимым, чтобы от имени Собора беспрерывно издавались листки для армии. В этих листках в одной части должно быть назидание, а в другой осведомление о том, что происходит на Соборе. В-третьих, нужно послать от Собора проповедников в Московский гарнизон и для всего Московского населения, ибо настроение гарнизона отражает в себе настроение воинства. В четвертых, нужно устроить всенародное моление ко Господу о спасении отечества и вразумлении заблудших, 26 августа, в день Владимирской иконы Божией Матери. Это наиболее подходящий день для такого моления".

Архиепископ Тамбовский Кирилл: „Началось с вопроса об издании листка в целях осведомления членов Собора о том, что на нем происходит. Затем, по предложению В. П. Шеина поставлен вопрос об издании послания к народу и листков для народа. Я поделюсь тем, что слышал во время литургии, когда возносились моления о Соборе и спасении России. Мне говорили, что необходимо эти моления возносить во всех церквах за каждой литургией. И я вношу предложение просить Св. Синод, чтобы он сделал необходимое по этому предмету распоряжение".

Проф. Н. М. Абрамов: „И по своему образованию и по роду деятельности я все время был далек от дел Церкви, но Промыслу Божию угодно было призвать меня в качестве представателя мирян от Донской области. Я с радостью и восторгом принял это избрание, и ехал сюда, признаюсь, охваченный энтузиазмом и верой, напутствуемый просьбой своих избирателей; я горячо поддерживаю намерение Собора сказать веское слово русскому народу и русским воинам о том, что вера в Бога должна лежать в основе всей нашей деятельности, особенно теперь. Может быть нам удастся зажечь пламень веры в сердцах всех граждан России, а особенно армии и флота, и снова поднять в них тот дух, какой постарались в них угасить, а

вместе с этим, может быть, удастся и оправдать надежды пославших нас сюда, что Собор, спасая и отстаивая веру и Церковь, спасет от гибели и нашу дорогую родину".

В заседании 18 августа выступает свящ. В. И. Востоков: „Когда дети видят израненную мать, тогда не место юридическим соображениям. Наша родина отравлена, избита, она лежит в крови. Находятся преступные дети ее, которые разрывают ее окровавленные ризы. Но среди русского народа есть и доблестные честные сыны, совершающие свой подвиг любви. Они страдают за родину, они умирают за нее. Собравшись здесь, мы после молитвы должны склониться над ранами нашей матушки родины. Наша обязанность поддержать ее честных детей, ярко, определенно обличить ее преступных детей, кто бы они ни были, не взирая на лица, не боясь никого, кроме Бога одного.

Если говорить нам, то так, как говорили древние святители, напр., патр. Гермоген, св. Филипп, св. Златоуст. Мы должны сказать честное слово и нашей армии, и народу. Мы должны называть явления, разрушающие нашу родину, их настоящими именами".

В результате всего этого собор исполняется патриотизмом, и Верховному Главнокомандующему Корнилову посылается следующая телеграмма: „Всероссийский Поместный Собор Православной Церкви, глубоко тронутый приветом вашим, призывает благословение Божее на вас, доблестную русскую армию и флот.

Молим Всевышнего о возрождении духа беззаветной любви к Церкви и родине среди христолюбивого воинства нашего и о даровании победы русскому оружию. Да объединятся тыл и фронт в молитве за многострадальную Россию и в крепкой надежде на помощь Божию! Да послужит начинающееся в Русской Церкви возрождение соборности залогом силы и крепости Державы Российской! Председатель Собора Митрополит Московский Тихон".

Политическое положение страны приковывает внимание собора и в дальнейшей его работе, сводя фактически на нет чисто церковные вопросы собора. Конечно, и эти вопросы дебатируются, но это как-то попутно. Не к этому лежало сердце собора.

Собор повелевает устроить 14 сентября по всей России всенародные покаянные моления для спасения державы российския, на которых прочитывалось следующее послание:

„Священный собор православной российской церкви всему православному народу русскому.

Благодать вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа (Галат. 1, 3). Братие возлюбленные! Во дни тяжких испытаний Господь послал нам великое утешение и радость. Под сенью кремлевских святынь, среди гробниц святых молитвенников за церковь и Россию, собрался в день Успения Богоматери поместный собор православной всероссийской церкви. Памятуя слова Христовы: „где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них“ (Матф. 18, 20), на собор собрались архипастыри и избранные всей православной церковью русской духовные и миряне всех званий и состояний. Все призваны участвовать в святом деле благоустроения церкви в духе любви и христианской свободы. Православные, высоко призвание наше и велика наша ответственность перед Богом! Но, к стыду нашему, мы омрачили торжество церкви Христовой нашими тяжкими грехами. Ими создалась та неслыханная скорбь, среди которой мы живем. Надвигается всеобщее разорение. Нашей армии и городам предстоят ужасы небывалого голода. Уже закрываются фабрики от недостатка топлива: вскоре миллионы рабочих останутся без работы и без средств к жизни. Зимою городское население будет мерзнуть в нетопленных домах. А в это время истерзанная жестокою смутою родина остается беззащитною против врага, который угрожает и Петрограду и Киевским святыням. Братие возлюбленные, услышьте голос церкви. Родина гибнет. И не какие-либо независящие от нас несчастья тому причиной, а бездна нашего духовного падения—то опустошение сердца, о котором говорит пророк Иеремия: „два зла сотворили люди Мои: Меня, источник воды живой, оставили и выкопали себе водоемы, которые не могут удержать воды“ (Иерем. 2, 13). Совесть народная затуманена противными христианству учениями. Совершаются неслыханные кощунства и святотатства; местами пастыри изгоняются из хра-

мов. Люди всех званий и состояний стремятся использовать народную беду для легкой наживы. Изо дня в день возрастает дерзость грабителей. Захват чужого добра провозглашается как дозволительный. Люди, живущие честным трудом, становятся предметом глумления и хулы. Забывшие измену, воины и целые воинские части позорно бегут с поля сражения, грабя мирных жителей и спасая собственную жизнь. А в это время на несчастную Россию надвигается ужас междоусобной войны. Наша родина стала притчею во языцех, предметом поношения среди иноземцев из-за алчности, трусости и предательства ее сынов. Православные! Именем церкви Христовой собор обращается к вам с мольбой. Очнитесь, опомнитесь, отбросьте вашу взаимную ненависть и внутренние распри, встаньте за Россию. Исполните предостерегающие слова Предтечи Христова: „уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь" (Лук. 3, 9). Не допустите родину до поругания и позорного конца. Покайтесь и сотворите достойные плоды покаяния—очищайте себя постом; да наполнятся храмы молящимися. Но прежде всего и больше всего да возгорятся сердца ваши любовью Христовою. Явите в делах ваших эту любовь к многострадальной, измученной России. Помогите ей Христа ради. Власть имущие, осените себя крестом и в духе святой любви к народу служите России, а не партии. Имущие, жертвуйте вашим достоянием. Рабочие, трудитесь, не жалея ваших сил и подчиняйте ваши требования благу родины. Землевладельцы и земледельцы, помогите ей хлебом. Не дайте армии и городам умереть с голода. А вы, молодые, здоровые и сильные, жертвуйте вашею жизнью. Да остановится малодушное бегство русской рати перед врагом. И да будет тыл для фронта помощником, нравственною опорою, а не источником духовного растления. Призывая вас к молитве, труду и подвигу, мы верим, что сила Божия, воскрешающая мертвое, вновь соберет воедино распавшееся тело народное.—Да пошлет на нас благословение великих подвижников и предстателей за землю русскую—преподобного Сергия Радонежского, митрополитов Петра, Алексия, Ионы и Филиппа и священномученика патриарха Ермогена, преподобных Антония и Феодосия, печерских чудотворцев. В дни великой опасности

и всеобщего распада Россия не раз спасалась их святыми молитвами. Да сочетаются же эти воспоминания о великих подвижниках наших с священным знаменем христианской надежды. Да осенит нас в эти скорбные дни непобедимая сила животворящего Креста Господня. Да воскреснет святая Русь в великом подвиге самоотвержения и любви Христовой".

В отделе о высшем церковном управлении начинает обсуждаться тема о восстановлении патриаршества. Антоний Храповицкий читает лекцию о значении патриаршества. Ему возражает либеральный проф. И. Д. Кузнецов и консервативный профессор Н. С. Суворов, который утверждал, что патриаршество без монарха ничто, один звук. Оплотом, по словам Суворова, для православной церкви может быть только императорская власть.

Таким образом и здесь доминирует политическое соображение, а вовсе не та или иная каноническая коньюнктура.

Да ведь собор и собирается спасать родину, родину прежде всего, при чем под родиной понимает имущество и собственность капиталистов и помещиков, так он смотрит сам на себя, так на него смотрят и с других мест, отовсюду.

Так, 23 сентября, на 18 заседании, секретарь оглашает представление Лебедянского „православно-христианского союза общественного единения", переданное архиепископом Тамбовским Кириллом: „Лебедянский православно-христианский союз общественного единения в своем торжественном публичном заседании 30-го сего августа, приступая к открытию своих действий, своим первым решением постановил: усерднейше просить Ваше Высокопреосвященство, как члена Всероссийского Церковного Собора и как святителя Тамбовской церкви, передать от имени названного союза благоговейное приветствие всему составу Архипастырей, пастырей и мирских членов, заседающих на Соборе. Союз питает уверенность, что первый свободный Собор свободной Русской церкви будет иметь громадные следствия: он приведет к искреннему покаянию в неисчислимых грехопадениях весь православный русский народ, оживит дремлющие церковные силы, низведет на страдалицу-Родину всепрощающую милость Божию, сообщит церкви всю полноту ее жизненного значения и через все это выведет погибающее отечество на путь процветания и славы".

Обсуждая вопрос о передаче церковно-приходских школ временному правительству, согласно его распоряжению, Собор 28 сентября заслушивает ряд ораторов, призывающих не подчиняться в этом отношении правительству. Прот. Станиславский полагает, что декрет правительства есть „преступный тормаз“, который вызовет „безобразные явления“. Свящ. В. Н. Егоров бросает: „мы по привычке весьма осторожны, боимся растревожить сильных мира. Довольно итти ощупью! Скажем смело, и страна встанет за нас, поддержит нас!“ Следующий оратор, протоиерей Зыков, обращает внимание на „черту ,оседлости, откуда вышли главные руководители современного политического движения“. Еврейство тем и сильно, что религиозно между собою сплочено. В Гомеле образовались после революции еврейские приходские школы и, добавляет о. Зыков, „г. Нахамкес добьется им казенного содержания“.

Выслушав докладчиков, собор потребовал послать правительству представление отменить закон.

Когда перед собором встали выборы в учредительное собрание, собор уделяет чрезвычайно много внимания этому несомненно вовсе нецерковному вопросу. 27 сентября, под председательством Тихона, начались прения по этому поводу. Возникло предложение обратиться к народу с воззванием по поводу выборов в учредиловку. Застрельщиком оказалось заявление духовенства Глазовского уезда Вятской губ. Это заявление, чтобы в учредиловку прошли только люди благонамеренные, поддерживают 52 члена собора, при чем первым подписавшимся оказался прот. А. М. Станиславский. Станиславского поддерживает А. В. Васильев. „Обращение к народу необходимо,— говорил Васильев,—чтобы предохранить народ от обмана, которым он опутан. И нет сомнения, что предстоящие выборы, эта всеобщая, прямая, равная и тайная подача голосов будет новым вопиющим обманом. Народ будет соблазняться разными посулами, которые потом, конечно, не будут исполнены. Долг церкви—открыть народу глаза, вывести его из обмана, в котором он находится. Но для этого недостаточно одного послания с призывом к участию в выборах; нужно организовать эти выборы и руководить в них народом. Нужно через епархиальные и благочиннические советы призвать все духовенство к

наставлению народа, к приглашению его, для спасения целости и достоинства отечества, голосовать не за списки неизвестных ему людей, а за тот, который получит одобрение епархиального совета, в который войдут православные, достойные доверия лица. Неужели так осиротела русская земля, что в каждой губернии не найдется 8—10 достойных, верных церкви и родине, людей, в которых можно быть уверенным, что они государство и церковь не продадут, и не расхитят, и не дадут растащить Россию по кускам всем, кому не лень и кому придет охота это сделать. Не может церковный наш собор безучастно смотреть, как гибнет величайшее из христианских государств, на котором покоились чаяния народов. Волки в овечьей шкуре соблазняют наш христианский простой разумом и сердцем народ, обещая ему землю, освобожденный от гнета капитала труд и другие блага. Но благ этих они не дадут. Это могла бы дать своим народам и всему миру только свободная и сильная Россия: ее призванием было—явить миру христианство в его неискаженном виде, дать новую общественность и новый христианский хозяйственный строй; сделать это повелевают нам гражданский долг и христианская совесть".

Мысли Васильева разделяют и следующие ораторы. Граф П. Н. Апраксин верит, „что не напрасно воля Божия собрала Собор в такой момент. Сейчас что делается в деревне? Деревня наводнена агитаторами и партийной литературой, масса воззваний идет от различных национальностей, молчит только великорусская национальность. Где будет звучать ее голос, как не в центре, в Москве? Говорят, что мы продаем наше молчание за чечевичную похлебку и, кажется, это так". Е. М. Витошинский протестует, что церковь должна стоять вне политики. Но это не так. Надо только бояться плохой политики. „Кто руководит русской жизнью,—спрашивает Витошинский.—Взгляните на эти фамилии—идет поход на русскую нацию и русское государство. Кто должен защищать русскую мысль и совесть? Если русский народ сам не защитит себя, он утратит свою самостоятельность. Церковь должна собрать русскую совесть".

Выразительна речь архимандрита Мефодия: „В тех посланиях, которые уже изданы Собором, подчеркивается довольно опре-

деленно великое историческое значение славных имен в жизни русской церкви и государства, святителей Московских; ублажаем мы подвиги и иноков Троице-Сергиевой Лавры, подчеркиваем и великое значение церкви на протяжении всей истории русского государства. Собор смотрит с надеждой на прочную связь церкви с государством, подчеркивает связь и на будущее время. Собор не отказывается от этой органической связи. Когда надлежит выяснить вопрос о составе учредительного собрания, которое должно устроить жизнь на новых началах, Собор не может отнестись безразлично к этому акту возрождения России. Когда нужно защищать идею государства, мы должны не только ублажать память праведных, но и принять участие в их подвигах. Ермоген и его сотрудники выступали на арену церковной и государственной жизни с риском для своей жизни; ясно, что мы не можем строить только гробницы праведникам и отказываться от их дел. Я умоляю Священный Собор, чтобы мы, построив гробницы праведников, разделяли их труды и подвиги на создание могущества и славы России".

Голос благоразумия, голос, предостерегающий от смешения церкви, этого надмирного царства Христова, с интересами русского буржуазно-помещичьего государства, был представлен проф. Б. В. Титлиновым и Ф. Г. Кашменским. Кашменский, между прочим, сказал такую фразу: „Господь уже спас Собор от выступления по поводу корниловщины". Дело в том, что когда Корнилов устроил свою авантюру, собор (этого нет в деяниях собора, дабы бывшее было не бывшим!) устроил закрытое заседание, носившее явно контр-революционный характер. Насколько известно, собравшись в Троице-Сергиевой Лавре, в глубокой конспирации, отцы собора обдумывали о решительном шаге в смысле признания Корнилова для спасения все той же любезной соборному сердцу Родины. Думали, что Корнилов будет политическим победителем и полагали, что церковь поступит очень остроумно, расшаркавшись перед новым властелином. Авантюра Корнилова, однако, рухнула быстро, прежде нежели члены собора приняли какое-либо определенное решение. Тогда решили сделать вид, что ничего и не было. И только случайный недосмотр ученого секретаря собора Бене-

шевича, очевидно, помогает историку и документально подтвердить то, что известно по слухам.

Титлинову и Кашменскому возражает московский протоиерей А. А. Хотовицкий. Он полагает, что будет гибельным для собора и его авторитета не принять участия в делах учредиловки. Он пламенно и образно говорит, что Россия по кирпичику распадается, расхищается. „Если собор,—говорит далее о. Хотовицкий,—ко благу церкви не отстранится от участия в строительстве русской земли, народ будет с нами... Пусть в палате учредительной соберутся имена, не оканчивающиеся на „фельд“ и на „блюм“, не псевдонимы, а имена русских людей. Да встанет наш собор на защиту блага православной многомиллионной Руси!“

После возражения Хотовицкому Градусова, слово берет проф. П. П. Кудрявцев, который поддерживает требования Хотовицкого. Его мысли дальше развивает князь А. Г. Чагадаев, который только настаивает на скорейшем окончании соборных дел с тем, чтобы потом всем членам собора с головой уйти в политическую работу. Князь Е. Н. Трубецкой поддерживает эти же мысли. Россия лежит израненная, как это сказано в притче о милосердном Самарянине. И собор не должен уподобиться мимо прошедшему левиту. Поэтому он должен немедленно вмешаться в политику.

Чарноуцан печалится, что нет у нас патриарха. „О, если бы послание об учредительном собрании и спасении России имело на себе подпись патриарха! Тогда бы оно имело великое значение и произвело бы громадное впечатление“.

После речей, аналогичных приведенным, Булгакова и Васильева, при протесте проф. Прокошева, собор поручает комиссии из архиепископа Анастасия Кишиневского, протоиерея Любимова, Трубецкого, Булгакова и Кудрявцева составить проект воззвания к русскому народу об учредиловке.

30 сентября 1917 года С. Н. Булгаков оглашает на соборе текст послания по поводу выборов в учредительное собрание.

„Священный собор Православной Российской церкви всем чадам Православной Российской Церкви.

Благодать и мир вам да умножатся (2 Петр. 1, 2).

Великое дело предлежит ныне народу православному. Уже

не в первый раз в нашей истории рушится храмина государственного его бытия, а Родину нашу постигает гибельная смута. И опять, как три века назад, призывается Русь разумом всенародным скрепить правовые устои, возродить пошатнувшуюся мощь, твердыми законами оградить свободу и порядок в земле нашей. Священный собор Православной Российской Церкви призывает Благословение Божие на сей государственный труд, да совершится он с теплой молитвой, в духе мира и правды, во имя Божие. Осенив себя крестным знамением, пусть идут православные люди на великое делание, как на подвиг веры, служение любви. Да пребудет для них вера православная столпом огненным, показующим путь чрез пустыню бездолия в землю обетованную. Издревле земля Русская собиралась около Церкви Православной; зодчими державы Российской, вкупе с князьями и витязями, людьми градскими и земскими, были святители и иноки, молитвенники и подвижники. Веруем, что и днесь блюдут нашу Родину ее небесные граждане, святые водители и печальники. Болезнуя ныне о земле Русской, молим их неотступно пещися о скорбных людях сих, коих предки именовали себя христианами православными. Собор призывает народ православный, приступающий к новому строительству государственному, как и встарь, сплотиться духовно около святого Православия и молит блюсти его заветы, возгревая в сердцах любовь Христову. Веруем, что стоит держава Российская лишь дотоле, пока не изменила вере Христовой, не отделила себя от своего основания. Невместно стране Российской, Руси Святой, стать царством безбожного неверия,—не будет такому царству благоденствия и преуспеяния.

Не на силу человеческого разума и его ухищрения будем мы уповать в печали нашей, но на помощь Божию, чая благодатного осенения свыше. Да совершается же избрание лучших людей России с нелицемерной молитвой, с сердечным памятованием о Боге, о Небесной Заступнице нашей Матери Божией, о великих угодниках Российских и всех святых. Знаем, что непримиримостью партий и сословным раздором не созидается мощь государства, не врачуются раны от тяжкой войны и всегубительного раздора. Царство, раздельшееся на ся, изнеможет. Не надлежит обращать соревнование партий, сословий, народ-

ностей в междоусобную распрю. Всенародным единением, озаряемым общею верою, просветляемым неподкупною совестью, искони утверждаются царства; с пошатнувшейся верой, с затмившейся совестью расточаются силы, рушатся державы. О том вещает мудрость веков, эту истину скорбным путем познает теперь Родина наша, отравленная злобной завистью и лютой корыстью. Пусть победит в себе наш народ обуревающий его дух нечестия и ненависти, и тогда дружным усилием легко и светло совершит он государственный труд свой. Соберутся кости иссохшие, облекутся плотию и оживут по велению духа. Но без любви, смирения, кротости всуе приступим к великому делу. Не оживут тогда кости распавшиеся, не благоустроим и не возвеличим мы без сего любезной и священной сердцу Родины, страны отшедших отцов и грядущих сынов наших. В Родине видится оку веры земля святая, на ней жили и спасались святые угодники Божии, с ними купно пребыли в христианской вере отцы наши. Она есть вместилище святых мощей, храм молитвы угодников Российских. И поистине не мила нам и Родина без святой веры нашей. Пусть же ее носители нами призваны будут уврачевать ее болезни.

Предоставляя каждому силою разума изыскивать к тому пути и средства, Священный Собор увещает всех, чтобы и в сей мирской области не забыли о правде Божией. С таким увещеванием он обращается к православным людям без различия положений, сословий и партий, да хранят они неповрежденно заветы веры Христовой. Ведомо всем, как упорно борется с ней дух князя мира сего, стремясь утвердить свое царство прельщением земных, видимых благ. К борьбе с таким духом призываются чада церкви и на поприще государственного делания. Пусть проявят они здесь всю силу духовного влияния, изыщут способы придать ему действенность, побудят слушаться голоса христианской совести. Блюдите же о том, чтобы новое строительство жизни русской не приводило к опустошению души народной, к расхищению сокровищ веры Христовой, чтобы не утверждалось оно на ложном основании, на отрицании и уничтожении учения Христова, на неверии и безбожии. Воистину глаголет Господь: „Без мене не можете творити ничесоже". (Ев. Иоан. XV, 5) И слово Господне призывным остережением

звучит ныне для всей православной России, его износим днесь и поставляем пред совестью народной в сей грозный и страшный час его истории. Да не отрекутся от Христа рожденные в православной вере русские люди, на коих падет тот тяжкий жребий, да не забудут они обетов св. крещения, да не впадут в всегубительную власть духа антихристова, и да сохранит новая держава Российская верность Руси святой, в нее же веруем, ее же ищем".

Вопрос о восстановлении патриаршества продолжает обсуждаться в отделе о высшем церковном управлении под председательством епископа Митрофана. Восстановление патриаршества отделом принимается, как основа этого управления. Правда, эта формула принимается большинством 56 против 32 голосов, с явным нарушением формальностей (что отмечено 32 в особенном письменном протесте), но отдел ничего этого не принимает во внимание и постановляет дело передать в самый Собор.

11 сентября Митрофан, епископ астраханский, делает доклад о восстановлении патриаршества на пленуме собора. После исторического обзора истории патриаршества, Митрофан переходит к нашим дням. „Во все тревожные времена,—говорит докладчик,—в эпохи политических бурь, мысль о патриаршестве воскресала с особенной силой. В 1905-6 годах, во время начинавшейся разрухи, заговорили о недочетах церковной жизни, и все, люди не только духовные, но и мирские, общество и печать, подняли мысль о патриархе, считая его необходимым для устроения русской церковной жизни".

Митрофан высказал и следующую мысль: „Я не могу не коснуться ближайшего времени. Мысль о патриаршестве жила и не прекращалась в сознании народа. Эта мечта напоминала народу о героизме, самоотвержении, подвигах Ионы, Филиппа, Ермогена".

Таким образом, одним из главнейших мотивов восстановления патриаршества в зашифрованном докладе Митрофана является та же политическая пружина, которая двигала и все церковные манекены собора: родина, родина, родина, Россия, Россия, Россия... Консерватизм... Консерватизм...И с гневом спрашиваешь в тысячный раз—где же Христос и его небесная правда?

Доклад Митрофана, сумбурный и необоснованный, вызвал ожесточенные прения на соборе. Против Митрофана в заседании от 11 октября выступают П. Кудрявцев и Д. Олсуфьев. Прения продолжаются и в заседании 14 октября. Выступает архиепископ кишиневский Анастасий. Между прочим, Анастасий указывает, что „наш народ желает и ждет патриаршества. Спросите православных христиан—что они скажут? Они говорят: возвратите нам отца и пастыря, который соберет вокруг себя расточенное стадо, охранит свободу и независимость нашей церкви... Нет оснований для отсрочки этого вопроса. Требуется возможно скорое разрешение. Ужасы и убийства обыденной жизни, ужас нравственного разложения, от которого трепещет сердце всей Европы, призывают к тому, чтобы церковь оказала и развила свое влияние. Нужен пастырь, объединяющий и благословляющий на подвиги. Мы слышим, что государство ныне хочет быть вне-конфессиональным, открыто разрывая свой союз с церковью. Об этом нужно пожалеть настолько, насколько само государство решилось отойти от благословений церковного союза. Но глава церкви больше тех, иже суть в мире. Наша церковь ныне должна облечься во вся оружия Божия, должна стать поистине воинствующей церковью и иметь духовного вождя, своего будущего первоиерарха. Мы должны пойти навстречу лучшим чаяниям нашего церковного народа“. Митрофана поддерживает П. И. Астров, видный представитель кадетской партии. Против введения патриаршества высказывается крестьянин Тверской губ. В. Г. Рубцев, но его прерывают криками „довольно!“ Прения продолжаются в заседании 18 октября. И. Н. Сперанский требует восстановления патриаршества, так как только при патриархах церковь бывает совестью государства. За патриашество говорит Антоний Храповицкий. Он неудачно пытается вывернуться из собственных тенет, которые он поставил себе же в 1905 году, когда печатно заявил, что патриаршество есть друг самодержавия. Напоминающих об этом всенародном его утверждении Антоний, со свойственной ему резкостью, характеризует так: „злой человек от злого сердца износит злое“. Между тем эти „злые“ люди лишь напомнили Антонию его же слова. Ибо, конечно, с канонической точки зрения существование патриаршества не оправдывается, оно вызывается

только церковно-политическими соображениями. Храповицкого поддерживает юрисконсульт синода В. И. Радзимовский. Радзимовского сменяет граф И. М. Граббе, который говорит, что современная жизнь как раз показывает, что отсутствие власти ведет к последствиям в высшей степени нежелательным. Отсутствие объединяющего начала грозит внутренней опасностью. Церкви придется вести борьбу за свое бытие, но как быть ей без главы—патриарха. Ведь наше посольство временному правительству о церковно-приходских школах ясно показало, что правительство хочет быть вне-конфессиональным, по-русски говоря—безбожным, а на славянском переводе—неблаговерным. Граббе поддерживают Бич-Лубенский (отъявленный харьковский черносотенец) и Котляревский. На заседании 19 октября протоиерей Н. В. Цветков протестует против восстановления патриаршества. Он говорит, что „в приходской, епархиальной, поместной церкви, как и в самом малом храме, во святой евхаристии мыслится и ощущается Христос, как глава церкви. Вот и у нас здесь на соборе сонм епископов и из их среды председатель, авторитет которого для всех нас высок. Но последний пункт собора—вот эти крест и евангелие. Вот невидимый глава, куда мы обращаем свои мысленные взоры. И мы, клирики и миряне, объединены им. Христос посреди нас и есть и будет, но не патриарх" (в церковной палате происходит при этих словах движение, слышен сдержанный смех. Председатель звонит). Кажется, нет во всей истории этого антихристова собора более, с религиозной точки зрения, драматической подробности: при напоминании о том, что Христос—глава церкви, собор смеется! Конечно этому охранительному политическому сборищу нет дела до Христа, это видно из предыдущей и последующей истории этого учреждения, но смеяться над тем, что самое святое для христианина, это уже верх цинизма и наглости. Здесь собор с головой выдал свою помещическую, контр-революционную сущность, с религией ничего (кроме оскорбления религии) не имеющей общего. Знаменитый черносотенец священник В. И. Востоков, каким-то трюком попавший на собор вообще, наоборот, пользуется успехом. Да и понятно: ведь не о Христе он говорит, а о большевиках, и ненависть к большевикам, но не любовь ко Христу объединяет „церковный" собор, прикрывшийся дерзновенно святым

именем церкви для своих грязных земных вожделений. О. Востоков говорит о необходимости восстановления патриаршества. Во-первых, в силу современных условий жизни. Мы переживаем смуту не только политическую, но и такую полосу жизни, когда власть тьмы ополчилась на святой крест, когда всемогущество антихристово опустошило весь мир и обратилось против России. Зерно православной чистой истины ненавистно сатане и слугам его, которые отравляют душу народа. Народу нужен пастырь, который был бы утешением и печальником в страданиях, грозным обличителем темных сил. Во-вторых, в силу состояния самой церкви. В настоящее время мы видим, что пресекается жизненный нерв между церковью и государством и сердце отъединяется от головы. В государстве вводится вневероисповедное состояние, безбожие. В эти трагические моменты необходима сильная личность в церкви, сосредоточие церковной силы и авторитета.—За патриаршество, этот дубликат монаршества, высказываются все самые видные, самые просвещенные черносотенцы, виднейшим среди которых был князь Ев. Н. Трубецкой, воистину один из самих темных ангелов этого сатанинского собора. „Освященный собор перешел к суждению о патриаршестве как раз в день возвращения нашего посольства из золотой орды (т.-е. от временного правительства). И мы, в отобрании церковных школ, убедились, что совершен акт хищения, от которого, казалось бы, могла нас защитить сильная церковная власть. Мы ясно чувствуем, что вступаем не только в полосу борьбы, но и в полосу гонений. И нет защищающей власти. Что делали наши коллегиальные органы?... Нам говорят: не будут считаться с патриархом, как теперь не считаются с синодом. Но патриарх может иметь особые и могущественные способы воздействия на решения правительства. Он будет центром всей соборной жизни и по его знаку может созваться весь собор,—в минуты опасности, когда, например, предполагалось бы полное отделение церкви от государства. Кроме сего, по знаку патриарха раздался бы голос народа в назначенных крестных ходах, в приходских собраниях, епархиальных соборах. С таким голосом, вообще выраженным, правительство едва-ли может не считаться. Вот те соображения целесообразности, которые ведут к установлению патриаршества",

О патриаршестве собор рассуждает и 19 октября. И здесь большинство ораторов (кроме проф. Н. Н. Фиолетова) высказывается за введение патриаршества. Заседание 21 октября также посвящено этому вопросу. За патриаршество высказываются Юдин, Астров, прот. С. Шлеев, А. Г. Куляшев, патетически кончающий свою речь возгласами: „патриарха нам! патриарха!“ И лишь один прот. Н. Н. Добронравов в ученой и убедительной речи протестует против введения этого неканонического принципа.

Неизвестно, чем кончилась бы эта бесконечная канитель—восстановить или не восстановлять патриаршество, если бы не громы Октябрьской революции. Эти громы прервали мирное течение соборной жизни. Собираясь под выстрелами, члены собора забывают на свете все, кроме политики и политики. Слепая, бешеная ненависть к большевикам, что потом выльется в анафемах, в проклятьях, эта ненависть разрешила то, что не могли никак разрешить соборяне, базируясь на канонах и других, уже более твердых, религиозных началах. С нарушением формальностей выборов, собор избирает трех кандидатов в патриархи, решив окончательно необходимость патриаршества. Он—патриарх—спасет Россию от ужаса большевизма: вот психология, философия и религия избиравших патриарха. Меньшинство соборян, наиболее культурная и подлинно-религиозная часть собора, бессильна предотвратить эту церковную неправду. Скомканно, торопясь, волнуясь, под страхом разгрома и разгона собора, избираются три кандидата: Антоний Храповицкий, архиепископ харьковский, в мире потомственный дворянин, один из главнейших деятелей союза русского народа; Арсений Стадницкий, архиепископ новгородский, член правого крыла государственного совета; Тихон Белавин, митрополит московский, бывший председатель ярославского отдела союза русского народа. Таков „цвет“ церкви, который намечен собором в главы русской церкви. Взоры всех были обращены на Антония. Этот смелый, образованный человек, мастер говорить проповеди и неприличные анекдоты (чем он стяжал себе чрезвычайную „популярность“ во внутри-церковных кругах), быть может не черезчур преданый Христу (о неверии Антония говорили из самых серьезных источников), но за то несомненно преданный идеям черно-

сотенства, удушитель церковного просвещения (разгром киевской духовной академии), человек, не стесняющийся в средствах, стяжавший ненависть всех чистым сердцем (изгнан из Харькова за сеяние ненависти весной 1917 г.), но любезный всем мракобесам и погромщикам,—вот кого имели в сердце своем Трубецкие и Востоковы, произнося свои пламенные призывы восстановить патриарха, который будет национальным и церковным центром.

Но случилось иначе. Избирается, по жребию, вытянутому старцем Алексием, Тихон. Этот смирный человек, решительно ничем незаметный, мягкий, бесхарактерный, малообразованный, даже реакционер из числа весьма недеятельных—был наименее желательным кандидатом, но вышло так. И, по инерции, на Тихона возлагаются все те надежды, оправдать которые история не позволила Антонию, заветной мечтой которого, смыслом всей жизни было восстановление патриаршества в России, и ему конечно, грезился белый патриарший клобук. Значение восстановления патриаршества в октябрьские именно дни характеризует член собора В. Бахметьев в следующих выражениях: „В дни великой государственной разрухи, в дни братоубийственной гражданской войны, когда рушилось сознание необходимости сохранять прежде всего порядок, хотя бы и при самых незначительных свободах, всероссийский церковный собор вынес решение о восстановлении патриаршества и избрал патриарха. Этим, чрезвычайной важности, актом собор напомнил и подчеркнул безрелигиозному государству вечную истину, что без принципа власти, без осуществления не только ее обязанностей, но и прав, не может прожить страна нормальной жизнью и одной минуты. Власть, и ограниченная до максимума, все же есть власть, обязанная стоять на высоте своего служения благу всей страны, а не классовым группам. Отступление от этого положения и привело русское государство к анархии, в которой гибнет все духовное и материальное достояние России, нажитое потом и кровью того же самого народа в течение целых веков. Церковная жизнь наша во многих отношениях также переживает разруху, ибо нежелание считаться с каноническим устройством церкви или легкомысленное отношение к канонам повело к тому, что многие члены великого тела церкви Христовой забыли о своих обязанностях и жадно потянулись за правами, им

не принадлежащими. Анархия уже успела принести плоды и в церковной жизни и совершенно перепутать положение в церкви епископа, клира и мирян... Благодарение Господу Богу,—всенародный церковный разум устоял против искушения ввести парламентарный образ правления в церковную жизнь и, не нарушая соборности, дал многострадальной русской православной церкви главу в лице патриарха... Патриаршество, это—крест, это подвиг, это бесконечная любовь до самопожертвования. Не самовластием, выходящим из границ присущих патриарху прав, а осуществлением образа Христа, умывающего ноги своим ученикам и изгоняющего из храма торгующих, патриарх может совместно с соборностью действительно умиротворить нашу церковную жизнь. Расцвет же религиозной жизни умиротворит и жизнь общественную, по крайней мере в области духа и нравственности, а тогда успешнее будет идти и христианизация „мира, лежащего во зле", в чем особенно теперь нуждается наша исстрадавшаяся родина". Итак—то же самое. Патриарх через религию спасет родину, большего нет. Религия, как таковая, религия, как самоцель—это все чуждо сознанию соборных контр-революционеров.

Итак, Тихон Белавин—патриарх московский и всея России. Избрание патриарха приветствуется всеми реакционными церковными кругами с чувством глубокого удовлетворения и радости. Чтобы судить об этом, я знакомлю дальше с адресом Петроградской духовной академии, которая, по своему составу, являлась наиболее благородной среди прочих церковников.

Приветствие это следующего содержания. „Ваше Святейшество, Святейший архипастырь и отец! Провидению угодно было в мрачную годину тяжелых испытаний для нашей дорогой родины и Святой Матери—Церкви послать нам великое утешение в восстановлении, по разуму Священного Собора нашей Церкви, живого единоличного возглавления российской Церкви в лице Святейшего Всероссийского Патриарха. С благоговением и сыновней преданностью к устрояющей деснице Божией взирая на возвращение к нам исторически памятной для нас формы управления нашею церковью, Петроградская духовная академия переживает особенную, только ей принадлежащую, радость, в виду избрания на высокое и многотрудное служение на Престоле

Всероссийских Петриархов, в столь ответственную годину, близкого Академии по духу ее достославного питомца и почетного лица, в лице вашего Святейшества. Памятуя безраздельную преданность Вашу воле Божией и Церкви в течение всего служения вашего Церкви, вашу всегда просвещенную проникновенность в учение и Заветы Церкви, в ход и направление церковной и общественной жизни, академия твердо уповает, что ваше Святейшество, как опытный кормчий, найдете, при помощи Божией, должные силы и способы, чтобы провести в настоящее трудное время корабль Церкви среди обуревающих ее многоразличных испытаний, чтобы внести успокоение и мир в души страждущего православного русского народа, вдохнуть, по примеру достопамятного предшественника вашего на Первосвятительском престоле святителя Ермогена, дух единения и братского согласия во всех сынах изболевшегося нашего отечества, чтобы Святое Православие и имя Русское, на радость грядущим потомкам нашим, снова воссияли на основе исконных устоев богохранимой державы Российской. Да живет на веки неделимая Святая Русь! Да здравствует богоизбранный Патриарх всея России Тихон!"

Но не всеми приветствуется восстановление патриаршества и избрание Тихона. Это был чрезвычайный удар по всероссийскому союзу демократического духовенства и мирян. В „Знамени Христа", либеральной церковной газете, я изложил все те четыре основания, по которым восстановление патриаршества есть столь чрезвычайное зло, что в церкви можно теперь остаться лишь для того, чтобы уничтожить это патриаршество.

Среди членов союза еще с осени начинает созревать решение самостоятельно вести церковное дело, не считаясь с правящей иерархией. В. Лашнюков особенно энергично проводил эту мысль. После же избрания патриарха, когда самые мрачные принципы церковного консерватизма восторжествовали до конца, с особенной настойчивостью встала мысль о необходимости разорвать с официальной московской церковью. Инициатором явился протопресвитер Г. Ив. Шавельский, призвавший к себе прот. А. И. Боярского и меня для совещания.

Вскоре на квартире покойного протоирея И. Ф. Егорова было устроено совещание, где был выработан как подробный проект основ новой церкви, так и план отделения от Москвы.

По замыслу нашему, отделение от Тихона должно было одновременно начаться в Петрограде, Киеве и Одессе. Шавельский поехал в Москву переговорить с некоторыми церковными деятелями, чтобы совместно выработать план и детали выступления. Но оказалось, что время еще не пришло и наше предложение не встретило массового сочувствия.

ГЛАВА IV.

Декрет об отделении церкви от государства.

Декрет об отделении церкви от государства, несмотря на то, что весь собор шел под знаком этой возможности, оказался для церкви совершенно неожиданным. Между тем, этот декрет не был „произволом“ со стороны правительства, и это не было „насилием“ над церковью или совестью верующих. Декрет этот истекал из самых основных принципов конституции Р.С.Ф.С.Р. Советское строительство полагается исключительно на свои человеческие силы: „добьемся мы освобожденья своею собственной рукой“. Это есть торжество гуманизма в точном смысле слова. Человеческое противопоставляется божескому. Человек ниспровергает бога. Такова психология, такова философия, такова практика революции Октября. Государство было последовательно, логично, верно своим основным принципам. Декрет этот не есть, как усиленно трактовали (да и сейчас трактуют иногда) прихоть того или иного коммуниста, он истек сам собой из основной мысли советского, коммунистического строительства.

Это, конечно, не гонение на религию, ибо и самый декрет ограждает эту свободу совести и, более того, издан в охрану этой действительной свободы. Так, декрет предоставляет, наряду с антирелигиозной пропагандой, вести пропаганду религиозную.

С точки зрения самой религии, этот декрет есть подлинное религиозное благо. Здесь полагается внешний предел соблазнам подслуживаться государству. Здесь полагается и властный предел самому государству не вмешиваться в области чисто-религиозные. В этой последней церковь может сама делать все, к

чему обязывает ее религиозная совесть, разум и воля. Здесь открывается исчерпывающая полнота религиозного самораскрытия своего существа до конца. Здесь возвращается, в этих мыслях и принципах декрета, та великая церковная свобода, которую похитило государство, пленив золотыми цепями, мишурой внешнего блеска душу церкви.

Но, конечно, этот же декрет дает полную юридическую возможность государству вмешиваться в дела церкви, поскольку это дела не религиозные, а политические. В Советском государстве существует свобода церкви, как чисто-религиозного института, но нет и не может быть никакой свободы для церкви, как организации церковно-политической.

Между тем до революции 1917 г. церковь была организацией несомненно церковно-политической. Такой же она осталась и после февраля 17 года, и только Октябрь кладет предел этому. Он рассекает церковь: сохраняет ее религию и уничтожает ее политику. Поэтому декрет этот приветствуется теми, для кого религия и есть церковь, и этот же декрет анафематствуется теми, для кого церковь и контр-революция есть органическое целое.

Для собора церковь и была, как это мы видали уже много раз, таким контр-революционным органическим целым.

Декрет об отделении церкви от государства и школы был предлогом шестьдесят шестого собрания собора.

Это заседание было 20 января 1918 года. На нем, впервые после перерыва, съехались члены собора. В это время шумел революционным ураганом великий Октябрь. Он сметал всякую неправду, всякую нечистоту жизни. Правда, когда ревет буря, ветер иногда ломает, наряду с больным, изжившим, и целое, не вполне устойчивое, однако. Так и Октябрьская революция. Она, как это бывает во время всякой революции, сопровождалась эксцессами, мучительными, но неизбежными. Сознание собора увидало только эти эксцессы. Оно утвердилось на мысли, что самые эксцессы революции и есть революция. Революция погубит церковь, Россию и все культурные народные ценности.

Заседание, на котором начали обсуждать и осуждать революцию, столь характерно для психологии заседавших ответственных руководителей церкви, что я привожу его протокол полностью.

„Деяние шестьдесят шестое. 20 января 1918 года.

1. Перед возобновлением работ Собора Митрополитом Новгородским Арсением совершено Господу Богу молебствие.

2. Заседание открыто Святейшим Патриархом Московским и всея России Тихоном в Соборной Палате в 10 ч. 35 м. утра, в присутствии 110 членов Собора (в том числе 24 епископов).

На повестке заседания: 1) Молебен. 2) Текущие дела. 3) Доклад Отдела об епархиальном управлении—об органах епархиального управления Православной Российской Церкви. Докладчик: Серафим, Епископ Челябинский.

3. Святейший Патриарх Тихон. „Приветствую вас, отцы и братия, с новолетием и желаю, чтобы, по милости Божией, новый год был для Церкви Божией и родины летом Господним благоприятны. Очень рад, что вы снова собрались сюда, потому что текущие обстоятельства и время, которое мы переживаем, требуют объединения, чтобы мы могли выступать на защиту Церкви Божией совместными дружными усилиями. Вы знаете, что когда Собор временно прекратил свои занятия, за этот перерыв правительство обратило неблагосклонное внимание на Церковь Божию. Оно выпустило ряд декретов, которые начинают приводиться в исполнение и нарушают основные положения нашей Церкви. Как отнестись к этим декретам, как им противоборствовать, какие меры предпринять,—это лучше всего обсудить и решить на Соборе. Посему наступающая сессия Собора, которая, надеюсь на милость Божию, будет благоприятна,—кроме текущих задач имеет и специальную задачу: обсуждение того, как отнестись к текущим событиям, касающимся Церкви Божией.

Призываю Божие благословение на предстоящие труды; в настоящее же время, так как Члены Собора собрались не в полном составе—около 100, а требуется по Уставу для законности собрания присутствие 180 членов, я прошу устроить частное совещание под председательством Митрополита Арсения, а членам Синода прошу разрешить удалиться на заседание".

4. В 10 ч. 45 м. Святейший Патриарх оставляет Соборную Палату.

5. Председательствующий, Митрополит Новгородский Арсений. Заседание объявляю в порядке частного совещания.

Прошу посторонних лиц, не имеющих отношения к Собору,

оставить Соборную Палату. Заседание частного характера, без всяких постановлений. Посторонних нет? Желающие могут поделиться впечатлениями по текущему моменту. А сейчас выслушаем послание Святейшего Патриарха.

6. Архиепископ Тамбовский Кирилл оглашает послание Святейшего Патриарха:

«Смиренный Тихон,

Божией милостию Патриарх Московский и всея России, возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской.

«Да избавит нас Господь от настоящего века лукавого» (Гал. I, 4).

Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово, и вместо любви христианской всюду сеют семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Забыты и попраны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем неповинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед Родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному. И все это совершается не только под покровом ночной темноты, но въявь, при дневном свете, с неслыханной доселе дерзостью и беспощадною жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности,— совершается в наши дни во всех почти городах и весях нашей отчизны: и в столицах и на отдаленных окраинах (в Петрограде, Москве, Иркутске, Севастополе и др.)

Все сие преисполняет сердце наше глубокою болезненною скорбию и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения и прещения по завету св. апостола: „согрешающих пред всеми обличай, да и прочии страх имут (I Тим. 5,20).

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это—поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей—загробной, и страшному проклятию потомства в жизни настоящей—земной.

Властию, данною нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: „измите злаго от вас самех" (I Кор. 5,13).

Гонение жесточайшее воздвигнуто и на Святую Церковь Христову: благодатные таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними, святые храмы подвергаются или разрушению чрез расстрел из орудий смертоносных (святые соборы Кремля Московского) или ограблению и кощунственному оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом обители святые (как Александро-Невская и Почаевская лавры) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием; школы, содержавшиеся на средства Церкви Православной и подготовлявшие пастырей церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже прямо в рассадники безнравственности.

Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это—народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законною волею самого народа... И, наконец, власть, обещавшая водворить на Руси право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и в частности над Святою Церковью Православной.

Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить это наступление на нее врагов неистовых?

Зовем всех вас, верующих и верных чад церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей.

Враги Церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо против совести народной.

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами св. Апостола: „кто ны разлучит от любве Божией? Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч?" (Римл. 8,35).

А вы, братие Архипастыри и пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной верою зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной, немедлено устройте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброй волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силы своего святого воодушевления, и мы твердо уповаем, что враги Церкви Христовой будут посрамлены и расточатся силою Креста Христова, ибо непреложно обетование самого Божественного Крестоносца: созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ея" (Матф. 16,18).

Тихон, Патриарх Московский и всея России.

Январь 19 дня, 1918 года.

7. Граф Г. А. Олсуфьев. „Мне думается, что мы должны всем сердцем приветствовать выслушанное послание Патриарха. В этом первом опыте патриаршего служения мы видим силу восстановления патриаршества. Мое мнение, что это послание по тону существенно отличается от прежних соборных посланий: чувствуется живая совесть, индивидуальная человеческая, а не коллективная оффициальная бумага. Мое мнение совпадает с тем мнением, которое высказано в газетах представителем русской интеллигенции Белоруссовым, что Собор до сего времени недостаточно выступал, а скорее отписывался. В газетах велся спор между двумя Членами Собора—П. И. Астровым и князем

Е. Н. Трубецким—с одной стороны, и Белоруссовым—с другой стороны. Моя совесть целиком стоит на стороне Белоруссова. Я несочувственно отношусь к самому заглавию статьи. Е. Н. Трубецкого „Негодующий индифферентизм.“ Напротив, обращаясь к статье Белоруссова, я должен сказать, что я не встречал более горячих нападок на злодеев революции, как именно со стороны этого бывшего революционера (он был даже в ссылке в Сибири), а ныне сотрудника „Русских Ведомостей“. В индифферентизме его нельзя упрекать. Не понимаю упреков П. И. Астрова: „А вы что молчите?“ „Мы не молчали, сказал бы я на месте Белоруссова—нет,—мы выступали против злодеев революции; не можем же мы пойти от имени Церкви“. А Церковь и Собор, по-моему, действовали очень вяло. Я с самого начала Собора звал не на компромиссы с властью предержащею, а на явное отмежевание себя. Мне казалось бы, что давно следовало бы принять меры отлучения. На „Петропавловске“ матросы в марте избили часть офицеров, затем в сентябре избили другую часть офицеров. Коллективную ответственность несет весь корабль и вся команда. Необходимо было сейчас же взять от него священника и закрыть храм. Эта элементарная мера при явном злодействе не была принята. В селах, говорят, нельзя закрыть храма, так как есть старушки, которые нуждаются в священнике. А на „Петропавловске“ не было и старушек. А что проделывали в Кронштадте, в Севастополе? Нельзя этого оставить без внимания. Говорят, это относится к политике, партийной борьбе, а мы политикою не занимаемся. Может быть, лучше устроиться с большевиками и получать жалованье? Помещиков грабили—мы молчали, отбирали фабрики—молчали, начали грабить лавры—заговорили... Простите, Владыко, меня: мне грустно это, что тогда заговорили, когда лавры начали грабить. Но все же хорошо и то, что теперь заговорили. С точки зрения П. И. Астрова, Церковь не есть духовное ведомство, а все составляют Церковь. Грабили помещиков, грабили лавры. В уголовном кодексе одно называется святотатством, другое грабежом. В действительности то и другое одинаковый грабеж, и Церкви молчать нельзя.

Поэтому я приветствую слово Патриарха и его громкое слово об анафематствовании. Я укажу на один случай в Саратовской

губернии, когда после разгрома помещичьей усадьбы один священник прекратил церковное служение: это оказало действие на село. Две недели прождали, а потом стали просить священника возобновить церковную службу. Я знаю влияние протестантских пасторов на немецкие колонии в Саратовской губернии. Ни в 1905 г., ни в 1917 г. в этих колониях не было ни единого погрома, и бесчинств в колониях не было. В нынешнем году приехали в колонию 20 православных большевиков, и хотели грабить. Немцы ударили в набат и хотели истребить их. Но пастор заявил: „арестуйте их, но не трогайте". И здесь сказалось влияние пастора на свою паству. В настоящее время все христианские церкви должны объединиться. Социализм доведен в настоящее время до своих логических последствий. И только от Русской Церкви до сих пор мы не слышали протеста против нарушения в настоящее время всех десяти заповедей Божиих. Ясно сказано: „не пожелай скота ближнего твоего, ни вола его, ни села его, ни всего, елика суть ближнего твоего". Ясно сказано: „не убий". Говорят, что Церковь не должна вмешиваться в политику. Но первая же из указанных заповедей есть уже вмешательство в политику. В заповеди ясно, против кого она направлена. Из истории мы знаем о дисциплинарных мерах, какие принимались церковью. Митрополит Алексий отлучил от церкви Рязанскую епархию за неповиновение ее Москве. Митрополит Филипп при Иоанне Грозном вмешивался в политику. Патриарх Ермоген не говорил, что политика не его дело, а прямо понял, что ему надо стать в лагере Минина и Пожарского, а не Тушинских воров. Ясно, что он вмешивался в политику, а мы хотим вести другую политику, политику соглашения, и тем умываем руки в том, что происходит в настоящее время. С грустью я читал в газетах, что в настоящее время происходит мировая борьба христианских начал с началами антихристовыми. В христианской церкви раздаются голоса, призывающие к взаимной борьбе. Слышно, что первый раз анафема будет сказана в Киеве против тех, которые стоят за католичество и за унию. Надеюсь, что не так, а именно по отношению к этому антихристианскому и сатанинскому движению. Все христиане — и протестанты, и католики, и православные — должны объединиться, а не анафематствовать друг друга. Мы анафематствуем ка-

толиков и протестантов, а не анафематствуем своих разбойников русских. Поменьше лицемерия! Я был 25 декабря в Пантелеймоновской церкви в Петрограде (довольно известной); церковь была полна молящимися. По моему наблюдению в Петрограде сознательнее молятся, чем в Москве, где сорок сороков церквей. В Петроградских церквах нет той сутолки, хождения по церкви, как в Московских храмах. Чтение в Петроградских церквах старательное, понятное для слушателей, вводится общее пение. Все это возвышает религиозное чувство и объединяет совершающих богослужение и присутствующих в храме. После литургии совершен был казенный, ставший анахронизмом, пресловутый молебен об избавлении от дванадесяти языков (вместо большевиков)...

(Голоса: этого не может быть!).

8. Председательствующий Св. Синодом сделано распоряжение об отмене этого молебна.

9. Граф Д. А. Олсуфьев. „Может быть, это недоразумение... А властям предержащим пели многая лета в Петрограде. Мне почувствовалось горестное разъединение во время молебна. Я сообщил свои впечатления. Может быть, они и не верны... Я понимаю, что Апостол призывал повиноваться всем властям, но чтобы петь им могая лета,—едва ли. Я знаю, как „благочестивейшего, самодержавнейшего“ сменили на „благоверное временное правительство“ Керенского и компании. Все это смущает православную совесть. И я думаю, что время недостойных компромиссов прошло. Нужно отмежеваться, и первый шаг такого отмежевания от сатанинства в русской земле я приветствую в виде послания Патриарха. Моя глубокая благодарность Патриарху“!

10. Председательствующий: „Я откровенно скажу вам, граф, что вы не точно передали, будто Собор выступил с посланием только при известии о разгроме Александро-Невской Лавры. От имени Собора было составлено послание по поводу разгрома помещичьих усадеб и тех зверств, какие проявлены, безразлично— к помещикам и к монастырям, к церквам и духовенству. Мы живем одною жизнью, у нас могут быть разногласия, но сословных разногласий у нас нет. Собор дорожит своим единением. Дай Бог, чтобы и на будущее время мы держались этого единства.

Прошу позволения огласить донесения настоятеля Александро-Невской Лавры епископа Прокопия о происходящих в Лавре событиях.

„13-го января 1918 года, около полудня, в Александро-Невскую Лавру явился отряд матросов, под начальством нескольких лиц, одетых в штатское платье, и, поставив караул у всех выходов из Лавры, стал производить осмотр помещений, потребовавши, чтобы никто из Лавры не выходил; при этом штатские лица с частью отряда поднялись в помещение митрополичьей канцелярии, куда, вслед за тем, явился и староста лаврской милиции И. А. Докучаев, по требованию которого означенными лицами предъявлена была бумага, без №, на бланке Министерства Государственного Призрения, с надлежающей печатью, за подписью народного комиссара названного Министерства, г-жи Коллонтай; из бумаги этой явствовало, что предъявители оной уполномочиваются произвести реквизицию (под этим словом подразумевался предварительный осмотр и выяснение) помещений Лавры, ее недвижимостей и денежных средств, а также выяснение числа монашествующей братии. Цель этой „реквизиции“, по словам предъявителей ордера,—немедленное затем отчуждение Лавры, для помещения в ней инвалидов и вообще лиц, нуждающихся в призрении, что же касается монашествующих, то трудоспособным из них предлагается оставить Лавру совсем, а нетрудоспособные имеют быть размещены по богадельням и приютам. Как выяснилось затем из предъявленных документов,—вышеозначенные лица оказались также комиссарами ведомства Государственного Призрения, а именно—г.г. Адов, Дриго, Тройницкий и Цветков. Настоятель Лавры, Преосвященный Епископ Прокопий, занят был в это время служением в Крестовой церкви акафиста Успению Пресвятой Богородицы. Узнав, что в Лавре есть свой настоятель, названные лица настойчиво требовали приглашения его для объяснения с ними, и, несмотря на указания лаврского милиционера И. А. Докучаева на невозможность прерывать церковную службу, готовы уже были сами идти в церковь, но, к счастью, к этому времени богослужение уже окончилось, и преосвященный настоятель мог прибыть в канцелярию митрополита, где находились все поименованные лица и часть матросов. Приблизительно в это время

прибыл, с небольшим воинским отрядом, адъютант коменданта Рождественского района, г. Латынин, вызванный некоторыми очевидцами вступления в Лавру матросов, каковые очевидцы (в большинстве женщины) сообщили г. Латынину, что матросы в Лавре „режут и грабят монахов". Узнав о таком обвинении, комиссары и матросы страшно запротестовали и готовы уже были обвинить монашествующих в „провокации", но, по выяснении дела, потребовали лишь составления акта о том, что никаких грабежей и насилий ими в Лавре учинено не было; акт этот, копия коего препровождается, был составлен и подписан, как настоятелем Лавры, так и вышеназванными комиссарами, адъютантом коменданта Рождественского района и комиссаром отряда матросов Окуневым. От преосвященного настоятеля Лавры было потребовано представление списка братии Лавры, с указанием трудоспособности каждого, а также сведения о денежных ее средствах, каковое требование и было исполнено. Затем названные лица произвели осмотр митрополичьих покоев и дачи, а в то же время часть матросов ворвалась по черному ходу, сломав задвижку у двери, в помещение преосвященного епископа Артемия, в отсутствие его, и произвела там поверхностный обыск. Около двух часов дня все удалились, при чем комиссары Министерства Призрения предупредили, что завтра же будет прислана форменная бумага о реквизиции Лавры со всем ее движимым и недвижимым имуществом, ценностями и денежными капиталами. 14-го января действительно поступило, на имя настоятеля Александро-Невской Лавры, отношение Народного Комиссара по Государственному Призрению, от 13-го того же января, за № 423, в копии при сем прилагаемое, с предписанием сдать все дела по управлению домами, имуществом и капиталами Лавры уполномоченному лицу от Министерства Государственного Призрения. По получении этого отношения, поручено было Правителю Дел Духовного Собора, иеромонаху Всеволоду, переговорить с комиссаром по Государственному Призрению г-жею Колонтай и, по возможности, выяснить вопрос о положении Лавры и ее братии. Для этой цели иеромонах Всеволод посетил, в понедельник 15-го января, Министерство Призрения, где ему было объяснено, что г-жа Коллонтай больна, и предложено переговорить с комиссаром г. Дриго и другими

лицами. Из объяснений, данных г. Дриго, явствовало, что ведомство призрения имеет главной целью воспользоваться большими помещениями в Лавре, для устройства в них богаделен и приютов для инвалидов и, вообще, лиц нетрудоспобных; братию изгонятьне предполагается, ибо она должна будет обслуживать храмы, попрежнему, и кроме того, братии же будет предложено нести разные обязанности при имеющих быть открытыми приютах и богадельнях. Покои владыки митрополита должны быть освобождены, но изгонять митрополита, избранника народа, из Лавры вовсе не имеется в виду и, если бы он пожелал, ему предоставлено будет другое помещение в той же Лавре, но меньших размеров. Затем было обещано, немедленно по выздоровлении г-жи Коллонтай, доставить иеромонаху Всеволоду возможность переговорить лично с нею, на что она, якобы, уже изъявила согласие. На просьбу иеромонаха Всеволода не назначать в Лавру коммиссара до выяснения дела путем личной беседы с г-жей Коллонтай было отвечено согласием. Между тем 16 января, во вторник, в 2 часа дня, к преосвященному Прокопию явился неизвестный человек, в сопровождении двух других, и сообщил, что он назначен от Министерства Призрения коммиссаром Лавры, представил свой мандат и потребовал сдачи ему Лавры со всеми капиталами, движимым и недвижимым ее имуществом. На это требование преосвященный настоятель ответил, что лаврское имущество—есть имущество церковно-народное и передано быть не может; тогда комиссар, оказавшийся некиим г. Иловайским, заявил, что, в виду нежелания лаврского начальства добровольно сдать Лавру, будут приняты другие меры и удалился. Из кратковременной беседы преосвященного Прокопия с г. Иловайским отчасти выяснилось, что Лавра как обитель, должна будет прекратить свое существование и судьбу братии выяснить не удалось. Вечером, в тот же день, по приглашению преосвященного состоялось общее собрание братии лавры, на котором вопрос о лавре подвергся обсуждению и решено было не допускать, всеми возможными средствами, уничтожения Лавры, как монастыря, и вообще передачи Лавры в чужие руки и изгнания митрополита. На другой день, 17-го января, преосвященный настоятель с утра отправился хлопотать по делам Лавры в Министерство Призрения, а архимандрит Иерофей, в Смольный, при чем впе-

чатление от всех переговоров получилось то, что большевистское правительство имеет конечною целью—именно сокрушение Лавры, как обители монашеской. В отсутствие преосвященного явился опять комиссар Иловайский с такими же требованиями о сдаче, но, не дождавшись свидания с настоятелем, оставил записку с предупреждением, что приедет для приема Лавры 18-го числа и просит отрядить в его распоряжение заведующего недвижимостями Лавры. Утром 18-го января г. Иловайский действительно явился к преосвященному Прокопию и, после весьма кратковременного разговора, удалился с тем же отрицательным ответом.

По некоторым сведениям, идущим, с одной стороны, как будто, от г-жи Коллонтай, а с другой—от управляющего делами Совета народных комиссаров, г. Бонч-Бруевича—дело идет, якобы только об использовании для богаделен и приютов наиболее обширных помещений Лавры,—но это еще нуждается в подтверждении. Народ, та часть населения Петрограда, особенно из постоянных богомольцев Лавры, выражает готовность стать на ее защиту, но в чем и как эта защита может выразиться—вопрос открытый".

К донесению приложены две копии: 1) отношение народного комиссара по государственному призрению, от 13-го января 1918 года, за 423 на имя настоятеля Александро-Невской Лавры Преосвященного Прокопия следующего содержания:

„Вследствии постановления народного комиссара о реквизиции всех жилых и пустующих помещений со всем инвентарем и ценностями, принадлежащих Александро-Невской Лавре, настоящим предписывается Вам сдать все имеющиеся у Вас дела по управлению домами, имуществами и капиталами Лавры уполномоченному лицу от Министерства Государственного Призрения, по предъявлении им соответствующего документа.

(М. П.) Народный Комиссар (подп.) А. Коллонтай. Секретарь (подп.) Цветков, и 2) копия акта от 13 января 1918 года, в каком акте изложено следующее:

„Мы, нижеподписавшиеся представители Министерства Государственного Призрения, комиссар В. Адов, члены комиссии по социальному обследованию П. Дриго, В. Тройницкий и секретарь народного комиссара Цветков с одной стороны, и адъ-

ютант коменданта Рождественского района С. Латынин, адъютант коменданта П. Максимов, старший милиционер Т. Голубев—с другой стороны, а также комиссар Ревельского сводного отряда моряков И. Окунев, в присутствии комиссара Лавры И. Докучаева и Настоятеля Лавры Епископа Прокопия, составили настоящий акт в следующем: 1) мы, Адов, Дриго, Тройницкий и Цветков явились в помещение Александро-Невской Лавры, согласно предписанию народного комиссара государственного призрения, а также Окунев с отрядом матросов, для получения надлежащих сведений о имеющихся свободных помещениях в зданиях Александро-Невской Лавры, а также для собрания сведений о количестве проживающих в Лавре лиц духовного звания и реквизиции имеющихся капиталов. При исполнении вышеназванных поручений кем то неизвестно было сообщено в 1-й Рождественский комиссариат, что, якобы матросы грабят и убивают монахов, после чего прибыли вышеназванные лица— Латынин, Максимов, и Голубев с караулом, а также нарядом милиционеров, при чем при выяснении дела оказалось, что никакого ни грабежа, ни насилия учинено в помещениях Лавры не было, в чем и был составлен надлежащий акт и засвидетельствован подписями вышеназванных лиц. Адов, Дриго, Окунев, Латынин, Максимов, Голубев, Тройницкий, Цветков, Докучаев и Епископ Прокопий“.

11. Князь Е. Н. Трубецкой. „Я выступил не с тем, чтобы спорить с графом Олсуфьевым, которому достаточно ответил Владыко. Если граф находит, что Собор выступал недостаточно сильно, то я с этим согласен, но чтобы Собор совсем не действовал, это не верно. Я скажу, что мы должны теперь действовать энергично. То, что сообщили нам о Лавре, это не есть частное враждебное церкви выступление, а проведение в жизнь целого плана полного уничтожения самой возможности существования Церкви. Сейчас речь об упразднении одной обители, это только пробный шаг. Судьба Александро-Невской Лавры угрожает всякой обители, да и только-ли обителям? Целые храмы секуляризируются. Гатчинский Собор, по слухам, обращен в канцелярию. Одним словом, мы вступили в полосу гонений на Церковь. Церковь должна воздействовать не увещаниями только, потому что увещания слишком слабы, а воздействовать мечом духовным,—

анафематствованием лиц, совершающих явно враждебные Церкви действия, и всех их пособников. Мы знаем из донесения Епископа Прокопия целый ряд лиц, подлежащих отлучению: Коллонтай, Тройицкий, Цветков и др. В течение каникул у нас работала комиссия, которая обдумывала способы ответа на акты современного правительства, в частности относительно Александро-Невской Лавры. Мы ждали только официального донесения и имен, которые теперь названы, чтобы представить на рассмотрение Собора проект отлучения от Церкви виновных. Далее следует бороться путем приглашения всего православного народа выступить на защиту Церкви. Я не сомневаюсь, что Коллонтай и другие должны быть отлучены от Церкви, и нужно, чтобы сила отлучения была распространена и на тех, которые приводили в исполнение приказания. Тут открытая война с Церковью, начатая не нами. С нашей стороны молчание и бездействие были бы преступны. Нужно громко возвысить голос и поднять весь православный народ на защиту Церкви. Иначе на нас падет обвинение в слабости, бездеятельности и преступном малодушии. Медлить нельзя. С этого должны быть начаты заседания Собора. Прочитанное донесение должно быть передано в комиссию, которая займется выработкой ответа".

12. Протоиерей А. А. Хотовицкий. „Сейчас, когда Патриарх своим открытым мужественным обличением врагов Церкви и воззванием к верным сынам ее—стать на защиту ее—обрекает себя на крестный подвиг, на исповедничество, всей православной России надо употребить все стремления, чтобы этот подвиг сделать наиболее плодотворным, чтобы великая жертва не была принесена Святейшим нашим Отцом вотще. Мы молим Господа, да сохранит Он от напастей Святейшего Патриарха, но будем откровенны: мы знаем, как жестоко карают насильники, стоящие у власти, мужественное слово правды. И потому, благоговейно преклоняясь пред стоянием нашего духовного вождя за Веру и Церковь, мы взываем: да возрастут на этом подвиге спасительные для провославной России плоды. Как достигнуть этого? Достигнем тогда, если Святейшего Патриарха не оставим одиноким в его призыве и готовности. Мы слышим в его послании, как зовет он и всех нас на исповедничество, на борьбу и подвиг. Мы чувствуем, как сейчас сильно трепещет наше сердце

от жажды этого подвига, мы рвемся к нему, но часто не знаем, как и где найти его. Мы слышим и от нашей паствы, и от тех, кто никогда не ставил высоко священника, вопли: „Пастыри! возвысьте свой голос, остановите насилия!“. И мы готовы, но не знаем, как принести себя в жертву. Не знаем, ибо жизнь строится сейчас так запутанно, что иногда не успеваешь определить правильное отношение к ее проявлениям. Вот сейчас— мы слышим призыв: не сообщайтесь с насильниками! Они отлучаются от Святой Церкви, и всякое соприкосновение с ними наполняет нас уже не только чувством духовной брезгливости, но и чувством ужаса. Мы хотели бы отойти от них, а жизнь сталкивает нас с ними. И если даже мы, пастыри, не сумеем разобраться в том, как себя поставить по отношению к ним, то всегда ли разберется в этом наша паства, откликаясь сердцем и верующим разумом на грозное отлучение насильников от Святой Церкви и боясь оказаться в числе их приспешников и навлечь на себя анафему? Вот, напр., сейчас идет забастовка почти во всех государственных учреждениях, как протест против большевизма и его ужасов. Как должны были бы мы, церковники, отнестись к этому явлению? Да, конечно, это проявление протеста, нежелание идти рука об руку с поругателями правды и порядка. Забастовщики отмежевались от насильников. Но приглядитесь к этому явлению и его последствиям. Я открыто заявляю, что от начала высказывался против забастовки. Почему? Я очень хорошо знаю значение забастовок, строение их, и не против них вообще. Но в этом случае: разве следовало выпускать из рук государственное дело только потому, что насильники приставили своих комиссаров? Разве не достигнуты забастовкой результаты, прямо противоположные тому, что было желательно? Утратилась сразу же возможность влияния на ход дел и на ту среду, которая может быть была бы спасена от дальнейшего растлевающего воздействия насильников. До сих пор они, быть может, как государственные невежды, были бы уже самым ходом вещей вытеснены из хода нашей государственной жизни или сокрушены в своих силах. А теперь? Голодовка забастовщиков, постоянные компромиссы, ход с черного крыльца к большевикам на службу, штрейкбрехерство, разрыв с малопросвещенной массой народа, видящей в забастовке саботаж и надругательство над своими

мечтами, и торжествующее ликование в среде насильников и пр. К священнику то и дело обращаются совестливые души: как быть? Нужда, больная мать, огромная семья... Голодная смерть... Мне самому многократно приходилось говорить с комиссаром, просить его не отказывать в выдаче жалованья служащим храма Христа Спасителя: сторожа и псаломщики получают по 30 руб. в месяц, многосемейные. Идти к большевикам или нет? А сейчас эти недоумения и смятения души усилятся еще более. Что сказать? Нельзя ли дополнительно раскрыть это? В грамоте Патриаршей многими прещение может быть понято неправильно и родить скорбь. Нужно, чтобы наша соборная семья стала как можно полнее активным проводником в жизнь и разумение народа духа и смысла этого воззвания Святейшего нашего Отца. И постараемся извлечь из жертвенного патриаршего подвига наибольшее счастье. Как это сделать? Я не дам, конечно, полного ответа, и его трудно дать. Чувствую, что жизнь сама подскажет, когда готовность нашу пострадать за Христа надо воплотить в дело. Но в поле моего малого служебного—по должности священника при храме Христа Спасителя—зрения я постараюсь кое-что наметить в этом направлении.

Храм Христа Спасителя—вот одно из средоточий, которое нужно приблизить к сознанию народа, и оправдать его историческое существование. Он создан, так сказать, на костях витязей русских, положивших в самую тяжелую годину истории жизнь свою за то, за что зовет нас отдать жизнь и наш Патриарх. Храм построен в память 1812 года, когда самое сердце России, Москва, была поставлена на карту, и России как бы суждено было уже погибнуть. Приблизьте же к сердцу народа и в настоящую тягчайшую годину это святая святых русского храмоздательства и постарайтесь духом почивших в бою героев русских воскресить в народе те святые порывы стояния за родную Церковь и землю, которые воплощены в них, и о которых так громогласно повествует величественный храм Христа Спасителя. Не говорит ли жизнь, что этот храм может стать и сейчас храмом Спасителя для нашей земли? Не делайте его богадельней! Оживите его холодные сейчас стены! Это не казенный Московский кафедральный собор. Его строила не Московская консистория, а Россия. Да будет же он всероссийской церковной кафедрой!

Да будет он кафедрой Патриарха в его постоянном общении с народом! Вместимостью до 15.000 человек—разве храм Спасителя не даст возможность тысячам и тысячам русских людей, собравшихся под его своды, зреть своего Отца, совершающего Бескровную Жертву за народ русский, поучающего паству, благословляющего ее? Пусть русский народ знает, где найти своего Святейшего Патриарха. Пусть изо-дня в день, каждое воскресенье, каждый праздник совершается здесь патриаршее служение с возможным благолепием, пусть звучит здесь вдохновенное слово лучших проповедников, пусть звучат здесь голоса лучших певцов и—общей народной грудью—всенародное пение. Пусть здесь раздастся в потребный час грозное слово прещения врагам церкви нашего Святейшего Отца! Не Патриарх в приходские церкви, а приходы во всем множестве народа, с хоругвями и крестами, да шествуют сюда к своему Отцу, под сень храма Спасителя. И если Господу угодно было бы судить нашему Святейшему Патриарху смертью запечатлеть его жертвенный подвиг, то закланная у алтаря Господня в средоточии Москвы, эта новая жертва вовеки не изгладится из памяти народной, и сольется дух нового праведника с духом тех праведников, которые пали за родину и за Христа. И воскреснет мертвая русская земля! И не вотще будет жертва! И Патриарх не останется одиноким, и мы не будем одиноки, ибо народ с нами и жаждет подвига не менее, чем мы; он уже зовет нас и спрашивает, как спасать родину. Настал час, когда, вслед за Святейшим Отцом, наш Священный Собор должен, обрекая себя на жертву, поведать народу, кем он должен быть и за кем он должен идти“.

13. Д. И. Боголюбов. „Я не буду задерживать вашего внимания на разных событиях последних дней. Я отмечу теперь лишь радость которую мы все чувствуем от сознания, что, наконец-то, раздался тот голос Патриарха, которого давно ждет православная Россия. Я и раньше говорил, что необходимо анефематствовать людей, открыто восстающих на Христа и Его Церковь. Однако, не будем обольщаться относительно влияния на рабочие массы Патриаршего послания. Я должен сказать, что большевизм не умер; он попрежнему захватывает массы; но в народном сознании намечается определенный сдвиг в другую сторону. Я был лично свидетелем, как в Воронеже на религиозные лек-

ции стекались толпы людей разного состояния, и очень многие из них готовы были встать на защиту Православной веры. После одной лекции на тему о Христе, Спасителе мира, мне люди говорили, что большевики готовы пулями расправиться с теми, кто отвлекает внимание народа в сторону; но они их не боятся. Комиссар, разрешая другую мою лекцию о Церковном Соборе, говорил: „Какая вам охота заниматься подобными пустяками!" Но народ знал, что Собор не пустяк, и он готов был лечь костьми за Православную веру. Еще недавно широкие народные массы жили другими и прямо безбожными настроениями. Таким образом сдвиг в психологии народной несомненно происходит. Вот еще одно тому доказательство. В вагоне, в котором я ехал в Москву из Воронежа, было множество солдат; можно было думать, что это возвращался целый эшелон с позиции, но то были, как оказалось, отпущенные солдаты-торговцы; они почти все были против большевиков. Весьма важно, что даже в солдатской среде происходит некоторый сдвиг в сторону от большевизма. Когда своим спутникам-солдатам я рассказал, что в собор Александро-Невской Лавры пришел солдат в шапке и на замечание ему по этому поводу ответил, что для него нет святыни,—эти слова произвели на солдатскую вагонную массу гнетущее впечатление. Вот я говорю себе: с такими безбожными солдатами, для которых нет ничего святого,—можно-ли начинать „священную войну", о чем заявили на днях наши комиссары?..

Теперь у нас наступает полоса террора и анархии,—тот момент, когда штыком и пулей будут расправляться со всяким верующим человеком. Очевидно, пришла пора и Церкви сказать свое властное решительное слово по этому поводу. Мы умрем за Русскую Православную Церковь. Это—наш голос; но его можно подслушать в самых разнообразных общественных кругах. Так, недавно, в Воронеже, семинаристы, узнав, что большевики предполагают 30 января окончить учебный год с очевидной целью забрать их в окопы для „священной войны",—заявили, что они пойдут „лучше к Каледину, чем за большевиками". И я считаю бесспорным, что кто имел общение с народом, тот знает, что есть еще порох в пороховницах. Православная масса еще не вымерла, но она не соорганизована. Я и молю Господа

Бога, чтобы Патриаршее послание послужило своего рода церковным набатом, тем трубным звуком, которому суждено обратить общее внимание на преступные действия в народе. Если Собор вслед за Патриархом не выступит на дорогу крестоношения, то Русь будет окончательно распылена. Психология момента такова, что русские люди нуждаются в решительных выступлениях своих руководителей,—в их решительных действиях. Я приветствую поэтому Патриаршее послание, как великое национальное дело, как светлую зарю лучшего будущего в нашей жизни.

Насколько же темно и мрачно наше настоящее, насколько сильна у нас церковная неурядица, я могу указать на поступившее в Воронежскую консисторию такое „бытовое" донесение. В одном селе крестьяне выгнали священника и избрали на его место диакона, над которым и порешили совершить особую „гражданскую хиротонию". Диакон вышел на амвон и сказал: „Клянусь Всемогущим Богом, что я не буду за требу брать сверх того, сколько положено". Народ пропел „аксиос". Диакон еще сказал: „Клянусь Всемогущим Богом, что я буду исполнять вашу волю". Народ пропел „аксиос". После того диакон надел священническое облачение и начал: „Благословен Бог наш"...

В другом месте священника запрягли в сани и катались на нем.

Таким безобразным кощунникам необходимо объявить анафему: тогда, может быть, дрогнут их сердца. Иначе озорство дошло у нас до края; дальше идти уже некуда. Народной массе роздали винтовки, и вот стрельба идет всюду.

Необходимо, чтобы раздался голос Церкви, и чтобы этот голос был грозным набатом. Послание Патриарха и есть первый удар этого набата".

14. В 12 час. 30 мин. объявляется перерыв.

15. Заседание возобновляется в 1 час дня.

16. Протоиерей А. М. Станиславский: „Д. И. Боголюбов говорил, что теперь замечается в народном сознании сдвиг в сторону от большевизма, я же, наоборот, вынес совсем другое впе-

чатление. Выехал я из Москвы 10 декабря в вагоне, переполненном солдатами. Все оказались большевиками, и мы всю дорогу слышали гнилые слова и угрозы выбросить попов из вагона. Впечатление получалось не то, что у Д. И. Боголюбова. Приехали в Харьков, где власть захватили большевики, установившие свои порядки. На вокзале грязь, шум, крики, производятся аресты буржуев, офицеров. Направляюсь в духовную консисторию и там вижу новое начальство — малорусского солдата-комиссара, который заявил, что ему поручен надзор, контроль над консисторией, что он имеет особые полномочия и может завести особые порядки. Из Харькова направляюсь домой, в Богодухов; еду в теплушке. Все время слышались разговоры по адресу духовенства в самых грубых выражениях; солдаты не стеснялись присутствием ни женщин, ни детей. Говорили, что всех нас нужно уничтожить, как врагов народа. Дорогой они обедали и ужинали, и ни один солдат ни разу не перекрестился. Вот каких солдат я видел. И никто их не остановил, никто не сказал: „постыдитесь священника, женщин и детей".

Что дальше я видел? Приезжаю в Богодухов, и он во власти большевиков. Разбили винный склад, при чем спирт частью отправлен большевиками в Харьков, частью расхищен местным населением. В этом деле принимали участие и дети. Вся дорога к винному погребу была усеяна пьяными, как взрослыми, так и детьми 6-7 лет. Упившихся до смерти были сотни. Можете представить, какое нравственное падение должно произойти от этого в детях. Вслед за разгромом винного склада началисянь разгромы помещичьих усадеб. Цветущие имения Харитоненко, Кенига и др., в которых было образцовое хозяйство, так были разгромлены, что не осталось камня на камне. И что поразительно,— грабили не бедные только крестьяне, нет: грабили и зажиточные крестьяне, имевшие по 5-6 лошадей. „Все наше", говорили грабители. Но они не ограничивались только грабежом, а еще поджигали помещичьи дома. Были случаи, когда на телеге привозили все семейство помещика, показывали им, как горят их дома, а потом увозили на вокзал или просто изгоняли. Ужасно то, что ни денег, ни вещей, ничего не давали изгоняемым. Отношение было самое жестокое, нечеловеческое, зверское. Я был поражен таким проявлением бесчеловечья больше

визма, ничего подобного не найдешь в истории другого народа. Хотел узнать, в чем же дело, и попросил зайти ко мне одного большевика, мужа прислуги, матроса из балтийского флота. И вот он рассказал, что и во флоте и в армии искусной рукой проводится план уничтожения Православной Церкви. Солдатам и матросам говорят, что земля и воля должны принадлежать народу, но для достижения этого нужно уничтожить Церковь Православную. Надо уничтожить и попов, и буржуев; и кто уничтожает попов и буржуев, тот делает доброе дело для родины. Из 200 миллионов можно убить 10 миллионов, это дело доброе, ибо для остальных тогда будет рай. Большевик—крестьянин и рабочий—крепко убежден в том, что если он убивает, то не делает греха. Вот в чем корень зла. И не только никакого сдвига я не заметил, напротив: я видел расцвет большевизма. Везде большевики захватили в свои руки власть. Какой сдвиг, когда видим, что крестьяне, даже богатые, овладевают чужими имениями! Мало того, они грабят и все имущество. У мужиков оказываются в домах пианино, канделябры, дорогие картины и другие вещи, которые они поделили между собой. Они говорят, что взяли свое—народное достояиие. Как может крестьянин скоро отказаться от леса, земли и награбленного имущества? Но вот они еще будут делить весной землю, тогда ожидать нужно еще более острой борьбы и черного террора. Может быть только тогда народ очнется от безумия и попросит твердой власти.

Какие же мы должны предпринять чрезвычайные меры, и в чем эти меры должны заключаться?

Первую меру мы уже выслушали,—это послание Святейшего Патриарха. Но мы знаем послания, которые раньше посылались: их содаты рвали. Послание Патриарха составлено проникновенно и оно авторитетно обличает безумцев, но и его наличность теперь едва ли вполне достигнет цели. Что же делать? Говорят о чрезвычайных подвигах, о необходимости итти на все меры.

Я скажу, что настала пора в этом нам объединиться. Мы были слишком робки. Нам говорят: все должны идти на подвиг, на самоотвержение. А этого самоотвержения доселе еще не показывали. Теперь нужно придумать необходимые мероприятия.

Нужно устроить всенародное моление с крестными ходами, и при этом сказать народу каким бедам подвергается Церковь от врагов православия. Надо, чтобы слово было безбоязненное, надо будить совесть народа. Ведь не было момента более печального и ужасного в истории русской Церкви! Надо понять друг друга и обсудить меры объединения немедленно. Чрез неделю, может быть будет поздно. Опаздывать нельзя, надо начинать, решиться на самоотвержение и идти на защиту Церкви православной".

17. Протоиерей А. В. Суворов. „Я хотел бы также поделиться путевыми впечатлениями. Тяжело и грустно вспоминать об этих впечатлениях. Я живу в православном приходе. Евреев там не было. Встретил я на приходе паству верующую, любящую храм и интересующуюся тем, что происходит на Соборе. С большою грустью я перенес впечатление от проявления большевизма в лице некоторых солдат, которые возвращались в свои семьи. Что сделалось с их сынами? На праздниках я встретил трех возвратившихся солдат, которые были вполне распропогандированы относительно веры и Церкви. Дошли они до отрицания, конечно, не собственным разумом, а получили от других. Христос, по их мнению, простой человек, ничем от нас не отличается; сказание об Адаме—вздор; святые мощи—это выдумка попов, чтобы получать доходы. Матери их жаловались мне, что они тушат лампады, зажженные перед святыми иконами. Я вступал с ними в беседы, но с людьми необразованными столковаться было очень трудно. Они упорно стояли за свои отрицательные мысли, не представляя никаких доводов. Родители их и соседи плачут. Что делать? Под такими впечатлениями я встретился с посланием Патриарха об отлучении от Церкви за преступные деяния. Собор не может оставаться равнодушным к богохульникам. Но для меня вопрос большой важности: как же реально отнестись к этому? Отлучать от церковного общения хулителей необходимо. Если оставить их без внимания, они могут дурно влиять на других. Отлучение будет для них тяжелым наказанием. Но как сделать, чтобы не входить с ними в церковное общение? Эта часть должна быть предметом суждения на соборных заседаниях. Собор дает нам в руки оружие не словесной только борьбы с хулиганами, которые выходят из армии. Насколько слабо они отстаивают свои

отрицания, мне приходится заключать из спора с солдатами в вагоне. Солдаты отрицали веру, молитву, и когда я вступил с ними в разговор и доказал им, что церковь и попы не идут в разрез с Евангелием, то весь вагон прислушивался к этому. Таким образом мы должны чувствовать свою силу и, по возможности, вступать в борьбу с этими противниками веры, не считая их членами своей Церкви и убеждая приход сторониться от них. А как отлучать от Церкви, это будет делом соборного решения".

18. Л. К. Артамонов. „Тягостно мне было слушать речь графа Д. А. Олсуфьева. Это—запоздалое покаяние нашей интеллигенции. Но оставим это: нужно ли теперь кого-либо попрекать прошлым? Нам необходимо думать о том, что нам делать сейчас. Нужен правильный шаг, а такой шаг и на верном пути сделан уже нашим Святейшим Отцом. Ко всему, что было сказано по этому поводу здесь, можно относиться и с сочувствием и с не сочувствием. Я отвечу протоиерею А. А. Хотовицкому. Меня не смущает, как поступать с подлежащими отлучению от Церкви, с которыми не следует иметь церковного общения. Апостол Павел говорит не о физическом общении с ними, которое и он допускал. Я вынужден входить в общение с захватчиками власти ради насущных потребностей тех, о ком я должен заботиться, но не следует этого делать из личной корысти, иметь общение с ними в смысле единомыслия и разделения их образа действий. Допустим, что я был бы связан по рукам, а разбойник в это время душил бы дорогого мне человека. Несомненно, я стал бы целовать ему руки и ноги, умолять его, чтобы он пощадил свою жертву. Но если бы связанный стал похваливать душителя, чтобы самому остаться в живых, это было бы соучастье в преступлении. Неизбежно придется иметь общение с людьми, иначе жить нельзя. Но крайне важно разбираться, какими побуждениями руководствуются при таком общении. Забастовка чиновников, например, по моему мнению, грубая ошибка: если бы они все держали единомысленно и твердо в своих руках, может быть, иначе пошли бы все государственные дела. Монголы, например, победили китайцев, но сравнительно скоро победители растворились среди китайцев. Заговорили по-китайски, и с презрением стали говорить о своем

монгольском языке. Чиновничий мир имеет большое значение в государстве. Император Николай I говорил, что Россией управляет 100 тысяч чиновников (столоначальников). Мир чиновников, оставаясь на местах, перетер бы колеса большевизма. Но дело сделано. Нам нужно проникнуться теми высокими идеями, которыми дышит грамота Святейшего Патриарха. И я благодарю Бога, что мой слабый голос был одним из первых и настойчивых в деле восстановления патриаршества. И как жалки были попытки помешать нам! Может быть успех противников патриаршества повел бы к полному разгрому Церкви.

К вопросу о воздействии на темную разнузданную массу, господствующую ныне, позволю себе привести пример из недавних путевых впечатлений. Мне пришлось ездить в Ярославль. В летний, нетопленный вагон 3-го класса сбилось в кучу около 80-ти человек, почти все „товарищи", но были женщины, дети, офицеры и 4 еврея коммерсанта. Мороз был 10—12 градусов. Снаружи мерзли люди, не попавшие в вагон и державшиеся за ручки вагона, умоляя пустить внутрь обогреться, но в ответ на их мольбы отвечали хохотом и грязными шутками. Но вот раздался негодующий, резкий, страстный и обличительный голос: „Да что вы, Бога забыли, честь и совесть забыли? Что вы делаете? Ведь это тоже люди, и жить так же хотят, как и вы". Это голос был женщины. Результатом было то, что смолкли грубые шутки, все потеснились и впустили замерзающих; одну дверь приотворили. К стыду моему я молчал, как и другие мужчины, чувствуя, что у меня нет порыва и внутренней силы оказать влияние на „товарищей". Рассказанный случай убеждает меня еще лишний раз в том, что одной из важнейших мер к прекращению разрухи в нашем народе следует признать привлечение женщины к содействию нашему духовенству, в проповеди слова Божия и в распространении правильных христианских взглядов, в колеблющейся массе смущенных простецов и детей. Я бы сказал: „чем больше толпа, тем труднее ей внушить добрые настроения, потому что толпа, особенно наша русская простонародная, воспринимает слово несколько странным образом. Простите ту авторитетность, какую я позволяю себе, но за 42 года службы я имел частое общение с солдатами, крестьянами и рабочими, при чем убедился, что они воспринимают мысли

иначе, чем мы, считающие себя интеллигенцией. Проповедь с иностранными словами воспринимается плохо. Проповедь ясная, короткая, как лозунги большевиков, вот что нужно народу. Чтобы иметь успех в такой толпе людей, надо иметь среди людей сочувствующих вам. А приобрести это можно только при участии помощников. Это один из способов, на который надо обратить теперь самое серьезное внимание, чтобы слово Божие попадало на подготовленную почву и стало действительным. Особенно же важна в этом отношении помощь верующих женщин.

Я очень обрадовался, когда узнал о послании Патриарха. Давно бы пора возвысить голос со стороны церковного вождя, и если верующий народ услышит этот голос, он пойдет за своим духовным вождем, и не будет пассивно относиться к хулиганствующим лицам. Следовало бы обсудить на Соборе относительно положения тех священников, которых грозят убить. Что им делать,—оставаться ли на приходе или уходить".

20. Заседание закрыто в 2 часа 10 мин. дня.

Через два дня собор заседает снова.

Собор определенно стал на страже контр-революции, так на него смотрят верующие со всех сторон. Контр-революционная волна уже захлестнула подлинное церковное сознание. Ненависть к большевикам слепит глаза церковникам.

Церковь в опасности!

Вот лозунг церкви после октября.

На собор устремлены все взоры. Ему шлют приветствия, его ободряют, его поощряют и его... подталкивают.

22 января на заседании собора заслушивается представление от общего собрания пастырей, церковно-приходских советов и представителей монашествующих Одессы: „Общее собрание пастырей, церковно-приходских советов и представителей монашествующих города Одессы, проникнутое чувством сыновней любви и радости, едиными усты и единым сердцем приветствует Вас, Ваше Святейшество, как первоизбранника и духовного вождя всероссийской православной церкви на вдовствовавшем в течение двух слишком веков патриаршем московском и всея Руси столе. Да воздвигнет Господь в лице Вашем по примеру святой памяти великих первосвятителей и чудотворцев российских мужа силы и разума и великого молитвенника и печаль-

ника о судьбах единой великой и святой Руси в тяжелую годину ниспосланного ей страшного испытания. Да подаст Великий Пастыреначальник наш Господь Иисус Христос Вашему Святейшеству, как выразителю православно-русской идеи во вселенской церкви и как хранителю незыблемых основ соборности и каноничности русского церковного строя, силы и крепость твердо стоять на страже этих вековечных начал родной церкви против каких бы то ни было на них посягательств, и да хранит Всемогущий Господь единую святую всероссийскую церковь, возглавляемую Вашим Святейшеством. Председатель общего собрания Павел Капляревский. Кафедральный протоиерей Василий Флоровский и архимандрит Кирилл".

И одновременно из Семипалатинска: „Окружное собрание гор. Семипалатинска приветствует избрание Святейшего Патриарха Тихона. Приемлет настоящее избрание как залог скорого воскрешения родины. Председатель собрания Станкевич".

Таких документов много. Я взял первые попавшие. Собор, патриарха все реакционеры желают видеть своим знаменем. Через них надеются на реставрацию минувшего милого их сердцу строя.

Заслушав это „послание", собор переходит к вопросу о деятельности правительства, которое, во исполнение декрета, начинает реквизировать здесь и там церковное имущество. Это страшно нервирует собор. Забыв служение „небу", собор обсуждает вопросы „земли", да еще земли „своей", „собственной". Здесь все характерно—от речи до реплик.

Доклад делает прот. П. Н. Лахостский: „Дело о захвате Синодальной типографии комиссаром по Народному Просвещению началось давно и велось систематически, как сказалось из речей тех старост типографии, которые были в сношении с Советом рабочих и солдатских депутатов. Надо думать, что уже в конце октября или в первых числах ноября были деятельные у них сношения с Советом, но тогда еще не были признаны назревшими условия окружающей действительности, чтобы считать своевременным насилие над церковью. Для совершения этого насилия ими был употреблен следующий маневр: захватить синодальную типографию по решению самих рабочих, самого трудящегося народа, и, таким образом, ее „национализировать"

или, как еще говорят, „социализировать" по желанию самого народа, чтобы в распоряжение рабочих были переданы все машины и весь инвентарь типографии, как составляющий результат их собственного труда. Результатом такого решения и были следующие шаги к захвату типографии. 12 человек старост, все большевики, находились в сношениях с помощниками комиссара по народному образованию Залкиндом и Лебедевым-Полянским. Старосты рассматривали некоторые документы Св. Синода, неизвестно для меня как ставшие для них доступными. Особенно придирались к тому, что при Св. Синоде образован типографский капитал. Этот капитал они совершенно неправильно истолковали, как принадлежащий именно типографии, то-есть рабочим. Но в Петрограде назревали в этой области (по требованию у церкви ее имущества) события. Настроение старост с каждым днем поднималось. Когда я 19 декабря пришел в типографию, я застал там маленький митинг. Рабочие к работе не приступали (хотя уже и было время приступать к ней), а горячо обсуждали вопрос о захвате типографии. Я попросил позволения участвовать в обсуждении; мне сначала было отказано, но потом пригласили в совет старост; здесь обнаружилось, что представители от рабочих (их было всего трое) были бы довольны, если бы рабочим петроградской типографии дали те прибавки, которые получили рабочие Московской синодальной типографии. Но один полупьяный староста сказал: „здесь дело не в прибавках. Какие там наградные: все наше, вся типография переходит в ведение Совета Народных комиссаров". Никто из старост не возражал ему. Я просил передать вопрос на рассмотрение общего собрания рабочих. Такой выход был признан правильным. 21-го декабря в общем собрании громадная часть рабочих—три четверти или три пятых—были на стороне Св. Синода. Они высказывались, что были бы довольны, если бы удовлетворили их просьбы о получении тех же прибавок, которые назначены рабочим Московской синодальной типографии. Старосты были недовольны таким исходом, хотели сорвать собрание, но его все-таки удалось довести до конца. Составлена была официальная резолюция, которая и послана была Святейшему Патриарху. Тогда старосты, видя, что такой маневр захвата типографии через самих рабочих не удается, по-

старались прибегнуть к внешней силе,—довести о происшедшем до сведения помощника комиссара по народному образованию Лебедева-Полянского. На втором общем собрании рабочих 3 января Лебедев-Полянский говорил полтора часа речь, исполненную грубости и кощунства. Он заявил, что ему хорошо знакомо духовное ведомство, что он сам будто бы учился в духовной академии, но что ему опротивело там, и он убежал в университет. Я стал внимательно прислушиваться к его речам и, судя по его выпадам, понял, что все это наглая ложь. Он говорил, например, что Христос и апостолы нигде не учили: „всякая душа властям предержащим да повинуется", что это попы выдумали; говорил, что он уполномочен заявить рабочим, что им будет выдано по 300 рублей наградных каждому, и жалованьем они будут обеспечены на три месяца, если даже не будет никакой работы, „если даже, как этот поп (указывает на меня) сказал, вы будете выкинуты на улицу". А я действительно говорил, что рабочие могут остаться без работы, так как Св. Синод своих изданий печатать у них не будет. Тогда Полянский спросил: „Почему вы не дадите нам работы? Мы будем евангелия печатать!" Я ответил, что это дело великое: „Вот вы и здесь кощунствуете: как же вам поручить печатать св. евангелие? Вы делаете по 5 ошибок на строке при наборе, у вас некому их исправить. Неужели Св. Синод позволит вам искажать и портить Слово Божие?" Полянский сделал еще выпад: „Если,—сказал он рабочим,—вы пойдете за нами, то получите по 300 рублей, а если за попами, то останетесь голодными, потому что денег у них нет". Однако рабочие стояли на своем. Тогда он заявил, что он уполномочен, в случае сопротивления, произвести аресты и увести противящихся в тюрьму. Тогда одна женщина, Ветрова, 19 лет служащая в типографии, сделала такое заявление: „Вот я много лет работаю в типографии и ни разу в течение 19 лет не слыхала таких застращиваний. А вас вижу первый раз, и вы грозите тюрьмой. Очевидно, нам с вами не ужиться". Тогда Лебедев-Полянский застучал кулаком и сказал, что он уполномочен ввести красногвардейцев. Оказалось, что на дворе где-то уже была приготовлена вооруженная сила. В дверях показалось несколько человек красногвардейцев, поднялось общее смятение, послышались рыдания.

После захвата типографии начались очень частые собрания духовенства петроградского, представителей приходов, общие собрания приходских советов, сначала одного Петрограда, потом всей епархии. Обнаружилось, что все захваты происходили в известной системе. На первом же собрании приходских советов, 11 января, стало известно, что разные комиссары приходили и к ректору семинарии, и в духовное училище, и к митрополиту и заявляли, что с Синодом легко справиться, что решено все достояние Синода объявить собственностью народа; еврей Шпицберг читал лекцию в бывшем Михайловском артиллерийском училище. Объявив себя комиссаром по церковным делам, он заявил, что так как некоторые власти не повинуются Совету Комиссаров, то против них будут приняты меры, что Митрополит Вениамин так же не повинуется, поэтому его выселят из Александро-Невской Лавры. На собрании представителей приходских Советов, 11 января, были выработаны резолюции, в том числе и резолюция о захвате типографии. Резолюция гласит, что тысячи верующих рассматривают захват типографиии как грабеж, протестуют против него, и будут говорить об этом не только в храме, но и в трамваях, на площадях, что они, приходские Советы, усматривают явное гонение на Православную Церковь со стороны тех, кто именует себя народною властью. Эту резолюцию я хотел вручить Луначарскому, но его, высокого человека, нам, маленьким людям, поймать невозможно. Он высылает ко мне Лебедева-Полянского. Обращение со мной этого представителя власти было презрительное и грубое; он ничего не желал слышать, письменных заявлений не принимал; одну бумагу взял в руки, но хотел разорвать; бумага была с подписями, и мне едва удалось ее выхватить у него обратно. Впрочем, в конце концов, мне было сказано, что меня Луначарский примет, и назначены были день и место. Я прибыл за десять минут до назначенного часа, но Луначарского не было; швейцар сказал мне: „Они еще не приехали“. Когда он приехал, то не вышел из автомобиля, а выслал Полянского. Я обратился к Полянскому: „Ведь вы же сами сказали, что я буду принят сегодня“. Он ответил: „Мало ли что я говорил, он человек занятой, до вас ли ему!“ Итак, Луначарский не вышел. Я сказал Полянскому, что у меня документы, что их нужно представить

Луначарскому, что я их пошлю. На это он ответил ругательством: „Хоть к чорту посылайте эти бумаги!“ Полянский — маленький юркий человек. Я ему говорил, что хоть вы и подписываетесь Лебедев-Полянский, но я думаю, вы не Лебедев и не Полянский.

14 января, в зале Общества религиозно-нравственного просвещения на Стремянной, состоялось громадное заседание приходских Советов и прихожан. Здесь было сделано заявление о захвате Александро-Невской Лавры. Митрополита Вениамина, к сожалению, не было, он был занят служением и беседами в другом месте, а был Преосвященный Прокопий. В собрании выступали многие и говорили с большим подъемом. С негодованием подчеркивали, что только Православная Церковь подвергается гонениям, другие же исповедания пользуются покровительством. Нужно было выработать какие-либо практические мероприятия, и вот в обсуждении принял участие один солдат, член Совета солдатских депутатов. Сначала он стоял позади, потом выдвинулся и принял участие в беседе. Он поведал нам следующее: „Я сам член Совета солдатских депутатов“. Сначала ему не поверили, но чем больше он говорил, тем все более мы убеждались в его искренности. Он говорил, что в Смольном в закрытых заседаниях обсуждался несколько раз вопрос о реквизиции типографии и Лавры. Но находились протестанты из рабочих (о солдатах не упомянул). „Но нас, говорил он, нагло обманывали, что будут печатать дешевые книги, что попы брали за Евангелие по 5 рублей, а мы будем давать чуть ли не даром, что деньги расходились по карманам архиереев, и тому подобные нелепости. А теперь, послушав здесь речи, я вижу—продолжал солдат,—что захваты типографий—наглый грабеж. И про Александро-Невскую Лавру говорили, что от ее реквизиции лучше будет даже для самих монахов, что будто это предпринимается для лучшего использования помещений Лавры в интересах самих верующих. Вот мы и согласились. Придя в Смольный, я сегодня же поведу там пропаганду среди солдат“. Я, как председатель собранья, спросил его: „Есть ли надежда, что найдутся там единомышленники, будут ли вам сочувствовать?“ Он с уверенностью сказал, что будут, что хотя и много там неверующих, нерусских, неправославных, но есть и верующие. Затем умно практичную речь сказала одна женщина, которая заявила, что

она ходила по казармам и уговаривала верующих солдат вступить в защиту Святой Церкви. И эта мера была одобрена и принята собранием. Тут же предлагалась и другая мера: чтобы поручить солдатам охрану церквей. Тот же солдат, член Совета солдатских депутатов, указал, что такая мера преждевременна, что результатом ее будет только то, что всех этих солдат перебьют, что надо подождать с этой мерой. На этом и остановились. Что потом произошло в Петрограде, я не знаю, так как выехал оттуда. Знаю только что бедствия рабочих Синодальной типографии уже начались. Работы нет. Взялись набирать две газеты, но красногвардейцы их сожгли, так как в это время в течение 8-ми дней не было никакой периодической печати, кроме большевистской. Рабочие типографии (старосты) начали печатать свой журнал „Трудовой Еженедельник", где поносят Св. Синод. Всем руководят старосты; а остальные рабочие с ними только внешним образом, потому-что подкуплены, получили наградные. Как быть дальше? Мы решили было найти другую типографию для печатанья „Церковно-Общественного Вестника"; но это оказалось невозможным, потому-что ротационные машины все реквизированы. Но оставлять духовенство, в особенности сельское, теперь в темноте неосведомленным о том, что происходит, значит играть в руку большевиков. Во всяком случае даже одно сообщение сведений о тех мерах, какие принимаются в Петрограде, Москве и других местах для защиты веры православной и ее святынь, ободряюще действует на местах. Типографию для печатанья „Церковных Ведомостей" найти все же удалось. Я прошу Священный Собор дать санкцию нашим решениям: прекратить пока до более благоприятного времени выпуск „Церковно-Общественного Вестника" и расширить неофициальную часть „Церковных Ведомостей".

Должен добавить, что наши собрания сопровождались таким подъемом духа, такими речами в защиту Церкви, об ее страданиях, что я уверен, что вчерашний день, который был решительным для Петроградской Церкви, прошел благополучно, хотя может быть и не без жертв; уверен, что крестный ход в Петрограде показал что сила, мощь народная не в штыках, а в готовности и страданиями и даже жертвами отстоят святыню. Эта сила непобедима".

После Лахостского слово предоставляется М. Ф. Глаголеву, который докладывает о деятельности Шпицберга.

26. М. Ф. Глаголев. „Долгом считаю доложить Священному Собору сведения общего принципиального характера, которыми объясняются события последних дней. Мне пришлось быть на лекции товарища народного коммисара, как его рекомендовали, Шпицберга, Ивана Анатолиевича, о котором упоминал о. протоиерей Лахостский. Эта лекция была на тему: „Современная Церковь и семья в освещении революции". Лекция эта в существенных чертах такова: учение Церкви совершенно не согласно с учением Великого учителя морали, человека Иисуса Христа. Патриарх Тихон—самозванец. Как его сделали „святыней", кто его сделал „святыней", какие по этому поводу произносились контр-революционные речи, и почему иначе быть не могло? Судьба богатейшего имущества нестяжательной Церкви. Вымирание богов-царей—воскресение Человечества" (с большой буквы). Вот в моих руках пригласительный билет, на котором и напечатаны эти пункты. Когда я пришел в зал, он наполнен был по преимуществу солдатами и матросами. Лекция эта с точки зрения религиозного человека имела самый кощунственный характер. То, что здесь говорилось о лице Иисуса Христа и о Пресвятой Деве Марии, передано было языком, который употребляют солдаты, передавая друг другу анекдоты. Религиозное чувство не могло не возмущаться этим; но все-таки эта часть речи не могла так беспокоить, как те выводы, которые сделал товарищ комиссара. „Я, заявил он, автор декрета о разводе и браке, и я должен сообщить вам, что предстоит еще более сложный революционный процесс. Мы свергли земного царя, но нам предстоит свергнуть и небесного. Предстоит издание декрета о том, что запрещается совершение таинства Причащения, как колдовского действия, а затем, во-вторых, предстоит декрет о закрытии всех храмов. Это прибавил он, жестоко, но мы должны к этому прибегнуть. Французская революция пришла к этой мысли на 4-й год, а мы пришли к этому на первый же год революции. Будет запрещено богослужение и будут отобраны церковные сосуды, как средство для колдовства; духовенство будет объявлено подозрительным по революции. Все духовные учреждения должны

быть реквизированы. Что касается школы, то она должна быть светская".

Аудитория настроена была целиком в пользу лектора и принимала все положения с восторгом и рукоплесканиями. Когда лектор читал один синодальный указ, я громко крикнул: „Подтасовка!", и когда сообщены были им ложные сведения о Соборе, я сказал: „Ложь!". За это меня едва не вывели. Сообщая о Соборе, автор сказал, что жребий при избрании Патриарха вынимал уклоняющийся от военной службы монах. „Он девяностолетний старец!" сказал я. Лектор видимо сконфузился, но меня опять хотели вывести; лектор успокоил толпу и заявил: „Накажем его молчаливым презрением".

Мне кажется, что лекция эта имеет чрезвычайное значение: Собору и всем православным важно знать, что предполагается сделать по отношению к Православной Церкви. Необходимо поэтому, чтобы Собор предложил всем епархиальным Преосвященным сделать распоряжение, чтобы во всех приходах было сообщено, что готовится нашей Святой Церкви".

Продолжаем протокол во всей его неприкосровенности. После Глаголева говорит П. Астров.

28. П. И. Астров: „Я хочу сказать только несколько слов о практическом выполнении мероприятий, вызванных последними событиями захвата Петроградской Синодальной типографии. Конечно, дело касается здесь церковного хозяйства, но в данном случае самое важное здесь—нарушение прав Церкви, и мне думается, что вопрос следует передать на рассмотрение соединенного собрания двух отделов—отдела о правовом положении Церкви в государстве и отдела о церковном имуществе и хозяйстве".

29. Председательствующий: „Угодно ли Собору принять предложение П. И. Астрова о том, чтобы вопрос о захвате типографии был передан на рассмотрение не одного отдела, а соединеного присутствия двух отделов—отдела о правовом положении Церкви в государстве и отдела о церковном имуществе и хозяйстве.

30. Постановлено: предложение П. И. Астрова принять.

31. Председательствующий: „Желает поделиться впечатлениями о событиях на юге Член Собора протоиерей П. И. Сербинов".

32. Протоиерей П. И. Сербинов: „Я вчера с большим трудом

и опасностью для жизни прибыл из Крыма. То, что делается в Крыму, не поддается описанию. Ужасы превосходят то, что происходило в Москве. Черноморский флот, который был оплотом порядка, перешел на сторону большевиков. Перед этим до 9 января там был порядок. Во главе стоял Совет из 3-х коммиссаров, которые не подчинялись большевикам. Русские офицеры стали составлять кадр матросов, преимущественно из мусульманского населения, который охранял порядок. Но вот матросы из большевиков стали захватывать суда и города. В Феодосии был пущен провокационный слух, что татары вооружаются для того, чтобы перерезать русских. Эта провокация возбудила темный народ.

В Феодосии на стороне порядка было только 100 человек. На город наведены были орудия из батареи с судов, находящихся в бухте, но насилия над духовенством и разрушения храмов не наблюдалось.

В январе большевики захватили Симферополь и стали допускать насилия над духовенством и храмами. Татарские войска бежали. На митингах стали говорить, что виноваты в предательстве России попы, что их следует перестрелять.

В ночь с субботы на воскресенье отыскивали и расстреливали офицеров. Расстреляли до 50 человек, а до 200 арестовали, и какая их участь постигла—неизвестно. Вместе с тем был пущен слух, что на соборе—пулемет, и что следует арестовать духовенство.

В воскресенье в соборе вследствие страха было мало народа. Но Архиепископ Дмитрий пришел в собор и совершил литургию. После литургии он обратился к народу с речью: „Говорят, что на колокольне пулемет; кто желает, посмотрите, правда ли это?“ Некоторые из находящихся в храме отправились туда и сообщили, что никакого пулемета нет. Тем не менее началась бомбардировка собора и была повреждена колокольня. О. протоиерея Назаровского арестовали, и хотели расстрелять, но он все-таки остался в живых. Все духовные лица спрятались, и ключ остался у Архиепископа Дмитрия. Но Архиепископ Дмитрий смело отправился в революционный штаб и потребовал расследования; наглость дошла до того, что председатель сказал: „я сам видел пулемет“. Архиепископу удалось однако настоять

на том, чтобы назначена была комиссия. Во вторник Архиепископ сам служил литургию по обряду священнического служения, а я и некоторые члены причта пели и читали.

Патрули рассеялись по окрестностям, и происходили насилия. В 20 верстах от Симферополя солдаты ворвались в храм, стали спрашивать, почему на лампаде лента зеленая, а не красная, вывели о. Иоанна Углянского на горку и там расстреляли. В воскресенье 14 января у Архиепископа Дмитрия не раз производили обыск, все взламывалось и вспарывалось. В Архиерейскую Церковь вошли с папиросами и в шапках, штыком прокололи жертвенник и престол. Захвачены были семинария и духовное училище. „В казармах в грязи нам надоело жить", говорили солдаты. В духовном училище схватили помощника смотрителя, протоиерея Бессонова, но оставили его на паперти, а сами вошли в храм. Были здесь около четверти часа, но успели взломать жертвенник и шкаф в разнице. Епархиальный свечной завод разгромлен, вино выпито и вылито. Всего убытку сделано более чем на миллион рублей. Вот в кратких чертах сведения об ужасных событиях в Крыму; более подробно я сообщу о них на частном заседании.

Бедная, несчастная наша Ялта! Шесть суток обстреливали ее с двух военных судов. В Ялте 15 тысяч больных. Бежать было трудно: в направленнии к Алупке горы, а в направлении к Ливадии стояли большевики. Обстреливали часа два днем и часа два ночью. Не осталось ни одного целого стекла. Люди обезумели от ужаса. Результат обстрела мне в точности неизвестен, так как я в понедельник уехал. Пострадали и церкви—собор и армянская церковь, которая по виду похожа на наши. Гостиницы „Россия" уже не существует, разрушена Ореанда, разрушен детский приют, причем погибло около 25 детей. Проявлялась злоба ко всему, так как Ялта, по словам большевиков, буржуйный город. Проявляется ненависть к духовенству. Когда я был в вагоне, один солдат сказал: „А, поп, следовало бы его взять на мушку!" Но ничего, опасность миновала. Вообще на юге города взяты большевиками, кровь льется рекой. Я должен еще раз отметить неустрашимость Архиепископа Дмитрия. В Севастополе он отпевал священника Чепранова, который убит был матросами за то, что напутствовал св. тайнами приговорен-

ного к смерти. Тело священника не было найдено, так как вероятно было выброшено в море. Член собора Спасский арестован".

33. Протоиерей А. П. Рождественский. „То тяжелое чувство, которое мы испытали, слушая об ужасных событиях, должно вылиться молитвою за пострадавших, а вместе молитвою и за протоиерея Петра Скипетрова, который скончался, смертельно раненый в то время, когда обратился со словом увещания к красногвардейцам".

34. Собор воспевает: „Со святыми упокой".

35. Протоиерей А. П. Рождественский. „По поводу всех этих ужасов, о которых мы слышали, а особенно по поводу захвата святого достояния Церкви мы имели на днях утешение слышать в церкви послание Святейшего Патриарха, в котором он твердо и безбоязненно обличает все эти беззакония, которые творятся настоящею властью. По поводу этого послания особая, небольшая комиссия при Соборном Совете предлагает Священному Собору сделать следующее определение: „Священный Собор Православной Российской Церкви с любовью приветствует послание святейшего Патриарха Тихона, карающее злых лиходеев и обличающее врагов Церкви Христовой. С высоты патриаршего престола прогремело слово прещения и подъят меч духовный против тех, кто совершает непрерывное надругательство над святынями веры и совести народной. Священный Собор свидетельствует, что он пребывает в полнейшем единении с отцом и молитвенником Церкви Российской, внемлет его призыву и готов жертвенно исповедывать веру Христову против ее хулителей. Священный Собор призывает и всю Российскую Церковь во главе со своими Архипастырями и пастырями объединиться ныне вокруг Патриарха, дабы не дать на поругание святой веры нашей".

36. Председательствующий: „Угодно ли принять предложение комиссии при Соборном Совете?"

37. Постановлено: предложение комиссии при Совете принять.

38. Протоиерей А. П. Рождественский: „Затем по поводу захватов церковного имущества Соборный Совет образовал особую небольшую комиссию для выработки тех мер, которые священный Собор мог бы принять против всех этих захватов.

Эта комиссия образована Соборным Советом в порядке частном, потому что мысль об этой комиссии возникла тогда, когда Собор временно прекратил свою деятельность по случаю перерыва на праздник. В комиссию вошли следующие лица: прот. А. П. Рождественский, П. И. Астров, С. Н. Булгаков, Н. Д. Кузнецов, А. А. Салов, князь Е. Н. Трубецкой, В. И. Шеин. Комиссия занималась выработкою проекта определения, которое будет теперь передано на рассмотрение соединенного собрания двух отделов—о правовом положении Церкви в государстве и о церковном хозяйстве и имуществе. В это соединенное собрание будет направлен и проект постановления Священного Собора, выработанный особою комиссией, образованной на заседании Собора 5 декабря: Архиепископа Тверского, Епископа Пермского Андроника, архимандрита Матфея, профессора С. Н. Булгакова, П. И. Астрова и других. По поводу этого проекта состоялось уже следующее определение Святейшего Синода от 18—20 декабря: „Выслушав означенный проект, признал с своей стороны, что издание Священным Собором проектируемого постановления явилось бы целесообразным и соответствующим обстоятельствам настоящего времени, о чем и определяет: передать выписку в Соборный Совет“. Вот этот проект постановления Священного Собора:

„В последнее время участились донесения из епархий на имя епархиальных преосвященных — членов Священного Собора о разбойных грабежах в приходских храмах и монастырях, соединяющихся нередко с кощунственным поруганием святыни Господней, а равно о насильственном отобрании церковных и монастырских земель со всем хозяйственным инвентарем и иного имущества как жителями окружающих селений, так и лицами, именующими себя носителями власти.

Принимая во внимание, что движимое и недвижимое имущество приходских храмов и монастырей, будучи достоянием общецерковным, вместе с тем является достоянием приходов и монастырей, которое получено ими от святых и благочестивых предков, и которое мы должны сохранить и передать в целости нашим верующим потомкам, Священный Собор предлагает Святейшему Синоду немедленно обратиться к епархиальным преосвященным и через них к приходскому ду-

ховенству, прихожанам, монастырям и их богомольцам с указанием:

1) Отнюдь не отдавать добровольно захватчикам святого достояния Церкви во всех его видах кому бы то ни было, но оберегать его по примеру наших благочестивых предков.

2) На насильственные требования кем бы то ни было выдачи того или иного церковного и монастырского имущества настоятель храма или обители должны отвечать отказом, с обращением их к насильникам с соответствующим словом вразумления.

3) О грабителях и захватчиках церковного и монастырского имущества (имена коих известны) доносить епархиальному преосвященному на предмет отлучения от церковного общения в случаях особенно возмутительных. (Св. Григория Неок. пр. 3).

4) Если в святотатственных и кощунственных деяниях окажется виновным целое селение, в таких случаях епархиальным преосвещенным предоставляется прекращать совершение священнодействий (кроме таинства крещения и напутствования больных Св. Тайнами Тела и Крови Христовых) и закрывать храмы в сих селениях, впредь до искреннего покаяния виновных, которое должно быть засвидетельствовано и возвращением полностью похищенного у храма или обители.

5) В случаях насилия над священнослужителями применять к виновным указанную в предыдущем пункте меру.

6) Немедленно организовать православные братства при приходских храмах и монастырях для охраны церковного и монастырского имущества.

7) Вменить в обязанность приходскому и монастырскому духовенству в проповедях с церковного амвона призывать народ к покаянию и молитве, выясняя смысл текущих событий с христианской точки зрения".

Таким образом это постановление предусматривает насилие над имуществом Церкви. Предложено принять некоторые меры. Затем здесь говорили, что невозможно печатание „Церковных ведомостей. Здесь управляющий Московской Синодальной типографией сообщил, что возможно печатание этих „Ведомостей" и в Москве, если только изменить формат „Ведомостей".

39. Председательствующий: „Это комиссия разберет. А теперь

ставлю на голосование предложение передать на рассмотрение соединенного собрания двух Отделов—о правовом положении Церкви в государстве и о церковном имуществе и хозяйстве—проект определения о мерах против захватов насильниками церквей и церковных и монастырских имуществ".

40. Постановлено: принять предложение.

41. В 12 час. дня объявляется перерыв.

42. В 12 час. 40 мин. заседание возобновляется, и в Соборную Палату прибывает Святейший Патриарх. Собор воспевает: „ис полла эти деспота".

43. Протопресвитер Н. А. Любимов: „По благословению Святейшего Патриарха и Отца нашего, в следующий воскресный день, 28 сего января, имеет быть крестный ход, по возможности, из всех храмов Москвы на Красную площадь. Святейший Патриарх совершит в этот день в Успенском соборе литургию и затем с изнесением святынь также проследует на Красную площадь, где, в присутствии крестных ходов из Московских храмов, совершит молебствие по поводу воздвигнутых на Церковь Божию гонений. Будем молиться о прекращении этих гонений и постараемся, чтобы все классы городского населения приняли участие в молении. Я обращаюсь к членам Собора с просьбою взять на себя труд распространить весть о предположенном торжестве среди жителей Москвы и, как это было ранее при объявлении актов избрания и настолования Святейшего Патриарха, лично посетить для этой цели церкви, в приходе которых они проживают. Епархиальное начальство с своей стороны озаботится соответствующим оповещением городского духовенства. Будут приняты меры и к тому, чтобы оповещение появилось в периодической печати. Веруем, что в предстоящем молитвенном подвиге будет обнаружен религиозный подъем, который послужит решительным предостережением захватчикам, который покажет им, что Церковь имеет защитников, хотя и безоружных, но готовых с самоотвержением встать на ограждение всего дела ее, всех ее устоев, прав и достояния. К этому молитвенному подвигу и к защите церкви мы призываем".

44. Протоиерей Н. В. Цветков: „В речах прослушанных ораторов пред нами развернут скорбный лист тягостных впечатлений, переживаемых родиною и церковью. Мы благоговейно прекло-

няемся пред великим подвигом Святейшего Патриарха, выразившемся в обнародовании послания. Но помянутый скорбный лист свидетельствует, как священный собор задет за живое происходящими событиями, и побуждает нас не молчать, а присоединиться к Святейшему Патриарху. Собор должен составить акт или послание, в котором определенно было бы выражено его отношение к нынешним событиям. В послании Патриарха выражено все, что следует выразить, и ко всему сказанному там собор всецело присоединяется. Повидимому, самому Собору ничего не остается сказать. Но я просил бы позволения высказаться о том, что мог бы еще сказать от себя собор. Прежде всего, всех благомыслящих людей в органах повременной печати обвиняют в контр-революционности, в том, что они стоят правительству поперек дороги, не хотят содействовать ему в его стремлении даровать благо народу. В послании нужно указать, что то, что дает правительство народу, есть не благо, а великое преступление против народа. В прошлом заседании говорилось, что якобы Церковь выступила только тогда, когда коснулись ее имущества. В послании нужно указать, что это неправда, что во всем послании Патриарха нет ни строчки о церковном имуществе, что на настоящий подвиг его побудило душевное волнение при виде гибели России и Церкви. Это следует подчеркнуть. Далее, самое сильное место в послании Патриарха— анафематствование врагов Родины и Церкви и запрещение входить с ними в общение. Хотя это место, при всей его краткости, очень выразительно, но все-таки оно требует объяснений. Я не позволю себе критиковать что-либо в послании Святейшего Патриарха, написавшего его в волнении души кровью сердца, но комментировать его необходимо. Когда я сам читал послание в церкви, я должен был сопровождать его своими объяснениями, подобно тому, как мы объясняем слова св. писания. Так, Собор должен был бы выяснить, кого же анафематствует Святейший Патриарх. Я высказался бы, как высказывался и ранее, за то, что анафематствованию подлежат власти, ныне существующие, которые замыслили предательски погубить родину и Церковь. Но нужно иметь в виду, что в составе правительства есть лица, которых, по их вере и национальности, анафематствование не может касаться. Собору следует выразить свое

отношение к этим нехристианским лицам, играющим большую и пагубную роль. Затем анафематствованию должны подлежать сознательные исполнители велений правительства и бессознательные элементы, которые по злой воле и трусости исполняют повеление этой власти. Собору необходимо особо остановиться на вопросе о том, как осуществить требование патриаршего послания устраняться от общения с врагами родины и церкви. В моем комментарии к этому месту, предложенном прихожанам, я должен был сказать, что с подобными людьми не нужно иметь общения в идеях, которыми они проникнуты. Однако, необходимо еще указать, в каких случаях запрещается иметь с ними личное общение. Например, мне кажется очень серьезным вопрос об отношении церковного общества к власти. Должно ли церковное общество признавать ее, или последовать примеру настоятеля Александро-Невской Лавры, преосвященного Прокопия, епископа елизаветградского, который мужественно заявил явившимся к нему представителям власти, что он не признавал и не признает последней, и тем заставил этих негодных людей, по природе трусов, отступить на время от своих намерений в отношении Лавры? Нужно ли признавать власть, или не нужно — это сложный вопрос. Если мы не признаем слуг антихристовых, завладевших ныне Россией, то как нам относиться к мелким исполнителям воли их? Апостол Павел дал заповедь молиться за власти — в то время, как власть была еще языческою. Может быть, нам следует установить различие между властью языческою, которая не понимала христианства, и повелителями, которые толкают на сатанинские дела и хотят свергнуть Царя Небесного. Один из ораторов указывал на то, что, по обязанностям своей священнической службы, он принужден иметь сношения с представителями власти. Нам, приходским священникам, действительно приходится быть в сношениях с властью. Например, комиссариаты присылают нам разрешительные свидетельства на погребение усопших, на основании которых мы совершаем погребения, доставляют для надписей паспорты и т. п. Собору необходимо указать образ поведения в таких случаях, чтобы не было сомнения в церковном обществе и среди пастырей. Затем требуется выработать общие положения об отношении к захватам церковного имущества.

Например, захватывают церковный дом. Как я должен поступить? Должен ли я доводить себя в защите его до расстрела? Впрочем, частное имущество может быть покинуто до времени. Но как поступить, когда входят в церковь, когда скажут „не служи“, станут всем распоряжаться и касаться того, до чего не должны касаться? Собор должен дать указания для поведения в подобных случаях. Мне кажется, что я должен встать в церковных дверях и умереть, защищая святыню. Вот те соображения, которые возникли у меня вчера и сегодня, в связи с посланием Патриарха и речами ораторов, о которых я счел нужным поведать собору.

По поводу событий, происшедших в Петрограде, я предложил бы послать туда если не телеграмму, что теперь невыполнимо, то живое посольство с выражением глубокого соболезнования и молитвенного пожелания, чтобы первое столкновение со слугами сатаны послужило началом спасения родины от гибели и церкви от врагов. Наконец, я предложил бы самый большевизм назвать „сатанизмом“, или антихристианством“.

(Голоса: Правильно!“)

45. Председательствующий: „Потрудитесь, о. протоиерей, изложить ваше предложение на бумаге для передачи его в комиссию, занимающуюся обсуждением мер, какие нужно принять в связи с современными событиями.

46. А. В. Васильев: „Возблагодарим Господа за то, что мы дождались, наконец, услышать подлинно церковный голос нашего Святейшего Отца и Патриарха. В первый раз в эту годину беспорядка, во время действительно сатанинского похода сказано истинно-церковное слово. Произнесено слово по поводу событий, о которых до сих пор ничего не говорилось, и произнесен пастырский суд над всеми теми, кто в этих событиях повинен. Я хочу высказаться по поводу сказанного отсюда о.о. протоиереями Хотовицким и Цветковым. Я нахожу, что нет возможности издать такое соборное послание, в котором до мельчайших подробностей было бы определено, как в каждом отдельном случае нужно поступать христианам и пастырям. Христианская совесть должна подсказать каждому из нас, в чем он может и не может уступить, и когда ему надлежит положить свою жизнь за истину. Недоумевают, на кого должно па-

дать запрещение, о котором говорится в послании Святейшего Патриарха. Ведь, настоящий сатанинский поход на церковь Христову, эти братоубийства, разбои и взаимную ненависть мы переживаем не со вчерашнего дня, не со времени прихода большевиков. В самом начале революции власть совершила богоотступничества (голоса: Правильно!"). Запрещена была молитва в войсках, знамена с христианским крестом были заменены красными тряпками. В этом повинны не только нынешние властодержцы, но и те, которые уже сошли со сцены. Будем уповать, что и нынешние правители, которые теперь льют кровь, сойдут со сцены. В послании отмечается, что нынешняя власть обманывает общество,—обещает одно, а делает другое,—осуждаются самосуды, расправы и братоубийство. Я уже прежде говорил, и еще раз повторю, что всемирная история не знает таких злодейств и таких преступлений, какие творятся у нас целый год. В составе нашего Собора есть члены того правительства, которое и начало разруху.

Это правительство издало приказ № 1, которым офицерство было отдано на растерзание несмысленной солдатской массе. Страшно не то, что там и сям случаются зверства. Отдельный человек и толпа могут совершать неистовства, но это явление скоропреходяще: они опамятуются, будут сожалеть о содеянном, и окружающие их станут их осуждать. Страшно то, что мы около года являемся свидетелями того, как повсеместно кучка негодяев, на глазах множества других людей, совершает злодейства, терзает, мучает, производит самосуды, и это ни в ком не встречает помехи. Затем все эти убийцы—члены христианских семейств, они возвращаются к своим родным, встречаются со знакомыми, и их принимают, с ними сохраняется общение. Вот к ним-то и должно относиться содержащееся в послании запрещение иметь общение с врагами Родины и Церкви. Если бы отец, мать, братья и сестры не принимали возвращающегося к ним злодея, изгоняли его и говорили ему: „Ты—негодяй, у тебя руки в крови, ты нам не сын, не брат!—то бесчинства прекратились бы. Но злодеи всеми терпятся. Я позволю себе высказать священному Собору пожелание, чтобы послание было прочитано в храмах не один раз, а читалось за каждым богослужением, по вся дни, пока не прекратятся эти грабежи, хи-

щения и братоубийства. Все пастыри должны разъяснять верующему народу обязанность его исполнять требования послания, призывать всех и каждого к исполнению своего христианского долга. В отношении того Соборного определення, которое уже состоялось, я высказал бы пожелание, чтобы в нем ясно было сказано, что призыв обращен не только ко всей Церкви, а и к каждому верующему, к каждой христианской семье, что все по христианской своей совести должны восстать против зла, против того сатанинского действа, которое творится на Руси".

47. Председательствующий: „Вы тоже представьте ваши соображения в письменном виде для передачи их в образованную комиссию.

Мы здесь делились впечатлениями с мест по поводу тягостных событий, переживаемых ныне. Другие могут сообщить еще более тягостные впечатления. Всех их не исчерпать. Полагаю, что сказанного достаточно. Важно указывать то, что следовало бы включить в предполагаемое Соборное послание. Я просил бы членов Собора представлять конкретные письменные предложения в комиссию, которая рассмотрит их и на основании сделанных заявлений выработает проект послания. Если же мы будем говорить вообще, то будем только терять время. Нужно делать дело, а не заниматься словопрениями и не излагать своих впечатлений. Слово принадлежит члену Собора А. М. Семенову".

(Голоса: Нет его!)

48. Свящ. В. И. Востоков. В этом зале слишком много было сказано о переживаемых ужасах, и если еще все их перечислять и описать, то можно было бы наполнить этот огромный зал книгами. Поэтому я уже не буду говорить об ужасах. Я хочу указать на тот корень, из которого создались эти ужасы. Я понимаю настоящее наше собрание, как совет духовных врачей над опасно больной матерью—родиной. Когда врачи приходят лечить больного, то они не останавливаются на последних проявлениях болезни, но смотрят вглубь, исследуют коренную причину болезни. Так и в данном случае нужно обнаружить корень переживаемой родиной болезни. С этой кафедры, перед алтарем просветителя России Св. Князя Владимира, свидетельствую священническою совестью, что русский народ обманут, и до сих пор никто ему не сказал полной правды.

Настал момент, когда Собор, как единственно ныне законное и действительно избранное народом собрание, должен сказать народу святую правду, не боясь никого, кроме Бога одного. В чем же правда? Здесь так много говорилось об ужасах, причиняемых стране большевизмом. Но что такое большевизм? Естественное, логическое развитие социализма.

Ведь, всякое движение и явление имеют свое логическое развитие и последовательно достигают полного расцвета. Высшим проявлением, например, христианства, является высокий христианский аскетизм. Социализм — антихристианское движение, в конечном выводе дает большевизм, свое высшее развитие, и порождает те совершенно противные началам христианского аскетизма явления, которые мы переживаем. Большевизм вырос на древе социализма. Он — яркий, зрелый плод социализма. Если мы будем бороться только с плодами дерева, а само дерево и корень его оставим нетронутыми, позволим плоду его полнеть из соков тучной русской нивы, то на древе социализма вырастут еще горшие плоды—беспощадный анархизм. Для ясности уложу свои мысли в сравнение. По беспредельному длинному пути шел громадный поезд; путь недостаточно внимательно охраняли, и руководители поезда не всегда стояли на высоте знания дела и добросовестности. Путь засорился, шпалы подгнили, рельсы местами погнулись, бригада вместо зоркого отношения к движению или дремала, или занималась разговорами и развлечениями. Крушение близилось. Можно было предупредить крушение, расчистив путь, переменив гнилые шпалы, призвавши умелых и честных руководителей поезда. Но у нас взяли да перебросили легкомысленно поезд, т.-е. жизнь нашей родины, на совершенно новый путь... Ну, поезд наш и слетел с рельсов, запрыгал по шпалам, потом, не имея прочных устоев, полетел под откос... Это сталкивание исторического поезда с пути произошло в конце февраля 1917 года, чему содействовала прежде всего еврейско-масонская всемирная организация, бросавшая в массы лозунги социализма, лозунги призрачной свободы. Массы народа, измученные и свободным кабаком, и пережитками крепостного права, и преступною войною, против которой, к сожалению, представители христианской Церкви и Православной, и католической, и лютеранской не возвысили голоса,

попали на эту дьявольскую удочку социализма, который, когда отрицает частную собственность и разрешает террор для своих целей, в сущности, вычеркивает две заповеди закона Божия: „не укради“, „не убий“. К сожалению, социализм многие наши профессора и писатели рядили в красивые одежды, называя его похожим на христианство, и тем самым они вместе с агитаторами революции приводили непросвещенный народ в заблуждение. Отцы и братия! Каких же плодов вы ожидали от социализма, когда не только не боролись с ним, но иногда его защищали, или почти всегда робко молчали пред его заразою? В Чудовом монастыре в марте месяце 1917 года на одном заседании Братства святителей Московских православный священник сказал, что Россию ждет анархия, и ей предстоит рабство или немецкое, или социалистически-еврейское. Немецкое рабство коснется главным образом тела экономики, а еврейское рабство, кроме экономического гнета, задавит и отравит душу народную. Анархия неизбежна, если не применить сейчас же разумных и решительных мер, не объяснить народу всего того, что в России произошло, и что такое социализм, к какому жизненному последствию он приводит народ. Священника выслушали с молчаливым равнодушием. А один из либеральных иереев в епархиальном органе назвал того священника за эту речь погромщиком. Но не буду вспоминать старое, не буду никого укорять. Нам нужно служить Церкви верно и спасать страну от разрушительных течений, а для этого необходимо сказать народу немедленно всю правду: в чем заключается социализм и к чему он приводит? Лучше сделать это поздно, чем никогда. Собор должен сказать, что в феврале—марте произведен насильственный переворот, который для православного христианина есть клятвопреступление, требующее очищения покаянием. Всем нам, начиная с Вашего Святейшества и кончая мною,—последним членом Собора, должно преклонить колена пред Богом и просить, чтобы Он простил нам наше попустительство развитию в стране злых учений и насилия. Только после всенародного искреннего покаяния умирится и возродится страна, и Бог возвысит нам свою милость и благодать. А если мы будем только анафематствовать, без покаяния, без объявления правды народу, то нам скажут, не без основания: „И вы повинны в том, что

привело страну к преступлениям, за которые ныне раздается анафема. Вы своим малодушием попустительствовали развиваться злу, и медлили называть факты и явления государственной жизни их настоящими именами".

Кто из нас не знал, что на репейнике не растет виноград? Кто не знал, что социализм явление противоположное христианству и что из волн его выявится свирепая морда антихриста? Кто не знал, что всякая революция есть организованный бунт и может ли она принести добрые плоды? Мы знали историческую идею, которая шестьсот лет ростила могучую Россию. И эту-то идею в марте прошлого года одни затоптали, заплевали; другие ее не защищали, а опасливо ее замолчали. Нам нужно было тогда же возвысить голос против ложного пути, на который масонство бросило несчастную страну, но мы этого не сделали, и вот мы дожили до кровавого крещения. Скорби—наше очищение, но народ, однако, пребывает во тьме. Скажем же народу: забудь свое, русский народ, новое идолопоклонство, поклонение форме, системе, ложной свободе, обращенной в полное дерзкое своеволие! Введены новые формы, но где же обновление жизни? Формы не спасут страны. Спасут личности. Историю и прогресс двигают талантливые и честные личности.

Теперь поставили народу еще новый идол — интернационал. Но было ли нами сказано народу, что за штука интернационал? Это ведь вытравление совести, сердца, всего святого из души народной. Мы возмущаемся захватом имущества церковного, но пусть отберут все имущества, лишь русскую народную душу оставили бы здоровой. Здоровая душа народная вновь скоро и мощно создаст все нужное для жизни культурной. Масонство, социализм и интернационал — все вместе стремятся ограбить народную душу. Пастыри Церкви, защитите душу народную! И если мы не скажем народу полной правды, не призовем его сейчас же к всенародному покаянию в определенных грехах, мы выйдем тогда из этой палаты Соборной изменниками и предателями Церкви и Родины. В том, что сейчас говорю, я так непоколебимо убежден, что не задумаюсь повторить то-же, если бы мне сейчас и умереть предстояло... Необходимо возродить в сердцах людей идею чистой, центральной власти, затушененную всероссийским обманом. Мы свергли царя и подчинились евреям!!..

(Голоса: Верно! Верно!..)

49. Товарищ Председателя Митрополит Новгородский Арсений: „Прошу соблюдать тишину. Здесь не митинг".

50. Священник В. И. Востоков. „Единственное спасение русского народа—православный русский мудрый царь. Только через избрание православного, мудрого, русского царя можно поставить Россию на путь добрый, исторический и восстановить добрый порядок. Пока же у нас не будет православно-мудрого царя, не будет у нас и порядка, а будет литься народная кровь, и центробежные силы будут разделять единый народ на враждующие кучки, пока исторический поезд наш совершенно разобьется, или пока народы чужие не поработят нас как толпу, не способную к самостоятельной государственной жизни.

Реальные выводы из всего сказанного мною следующие: необходимо сказать, что русский народ стал на ложный путь, называемый социализмом, что вере Православной грозит страшное гонение от масонской клики, что каждый православный христианин должен начать личный деятельный подвиг, жить по вере Христовой. Все мы должны объединяться в одну христианскую семью под знаменем Св. Животворящего Креста и под руководством Святейшего Патриарха, сказать, что социализм, призывающий будто бы к братству, есть явно антихристианское злое явление, что русский народ ныне стал игралищем еврейско-массонских организаций, за которыми виден уже антихрист в виде интернационального царя, что, играя фальшивою свободою, он кует себе еврейско-масонское рабство. Если мы это скажем честно и открыто сейчас, то я не знаю, что будет с нами, но знаю, что будет тогда жива Россия!"..

50. Проф. И. М. Громогласов. „Я постараюсь говорить коротко и сухо. И прежде всего, я решительно отказываюсь звать вас на путь каких-либо решений относительно политических форм, которые нас должны спасти. Единственная надежда наша не в том, что будет у нас земной царь или президент,—как угодно его назовите,—а в том, чтобы был Небесный Царь—Христос: в Нем одном нужно искать спасения. Вместе с вами я благоговейно преклоняюсь перед мужественным и суровым словом Патриарха, которое давно пора было сказать. Не скрою, что у меня был момент недоумения, вызванного тем, что патриаршее

послание появилось накануне возобновления соборных заседаний, как будто Патриарх желает отмежеваться от Собора, от всецерковного представительства. Но, вдумываясь глубже в это обстоятельство, я склонен видеть объяснение его в том, что Святейшему Патриарху угодно было лично на себя принять все последствия, какие могут произойти в связи с его посланием. Вследствие этого еще больше возрастает и увеличивается чувство благоговейной благодарности за подъятый им подвиг. Однако, не следует нам забывать, что по сознанию выдающихся вождей христианской мысли, даже Небесный Царь—Бог не может спасти нас без нас, т.-е. если мы сами не принимаем участия в совершении нашего спасения. И мы ошиблись бы, если бы полагали, что посланием Патриарха дело закончено, и нам нечего больше делать. Я полагаю, что мы должны надлежащим образом определить свое отношение к переживаемым событиям. Мера безумия и беззакония исполнена, и было бы неразумно воздерживаться от применения самого сильного средства, какое есть у Церкви. У Церкви нет другого, более сильного оружия, чем отлучение. Это—дело великое, но и последнее, что есть у Церкви, кроме надежды на беспредельную милость Божию, и горе нам, если слово отлучения повиснет в воздухе, не наполненное реальным содержанием. И вот, вслед за тем, как произвучало слово Патриарха, очередь за нами, как представителями Церкви, которые должны позаботиться, чтобы слово отлучения не осталось направленным в пространство, по неизвестному адресу. Нужно определить твердо и ясно, кто именно те враги Христа и Церкви, против которых поднято это грозное оружие, и—что самое главное, ради чего я и всходил на кафедру,—нужно, чтобы отлучение было реальным, действительным отчуждением, отделением тех, кто, всею душою предан Церкви, от ее врагов и гонителей. Настал момент нашего самоопределения; каждый должен пред лицом своей совести и Церкви решить сам за себя, сказать, кто он,—христианин или нет, остался ли он верен Церкви, или изменил Христу, верен он знамени Церкви, или бросил его, топчет ногами и идет за теми, кто попирает наши святыни. Робких не должно быть. Пусть везде на местах, после определенного указания врагов Церкви, будет предложено каждому исповедать, христианин он или нет, в Церкви он или вне Церкви.

Пусть каждый верный знает, что и на него отлучение возлагает определенные обязанности. Пусть каждый помнит, что тот, кто находится в общении с отлученным, уже есть предатель. Нужно, чтобы все верные Церкви собрались под одним святым знаменем, чтобы не было в этом отношении никакой неопределенности, дабы изменники этому знамени не имели возможности пользоваться благодатными средствами христианского общения.—Поэтому, мое конкретное предложение сводится к следующему: не только здесь, в комиссии или в Отделе, нужно определить конкретное содержание, которым должна быть заполнена общая формула Патриаршего послания, не только нужно сказать: „аще кто делает то-то, да будет отлучен", но и принить меры к тому, чтобы на местах надлежащим образом было выяснено, в чем именно должно выразиться отлучение, и как оно должно быть проведено в жизни, и чтобы мы сами, если это потребуется, отправились на места Божьими посланцами, чтобы возможно скорее осуществить этот акт самоопределения. Это мы должны сделать, если хотим спасения России. Если мы этого не сделаем, если мы будем уходить в неопределенность, будем успокаивать себя тем, что все нужное сделал Патриарх, что и в будущем он сделает все, что потребуется по обстоятельствам момента, то ничего не сделает и слово Патриарха, — оно бессильно повиснет в воздухе. Слово Патриарха мощно нашим содействием. Здесь неоднократно раскрывалась идея соборности, свидетельствующая о том, что сила Церкви в полноте единения. Собор является представителем всей Церкви Православной, и в полноте его содействия—залог творческого влияния Патриаршего слова. Ни Патриарх без нас, ни мы без Патриарха ничего не сделаем. Все церковное общество должно быть мобилизовано для спасения наших святынь, и если мы объединимся в этом, то спасение родины и Церкви будет совершено".

52. Епископ Селенгинский Ефрем. „Грозное послание Святейшего Патриарха, как гром среди разбушевавшейся бури, прогремело смелым словом прещения всем разрушителям родины и врагам Церкви Христовой. Так оно благовременно и столь по сердцу пришлось исстрадавшимся верующим людям, что нельзя его читать без слез, нельзя слушать без душевного потрясения.

Поэтому вчера за литургией и накануне за всенощной при оглашении этого послания храмы Москвы наполнились плачем, рыданиями и стонами верующего народа, исполненного чувства умиленной благодарности своему Святейшему Отцу, смело и мужественно выступившему на защиту матери нашей—Церкви Православной.

Но вот, в прошлое заседание Собора были сделаны попытки с этой кафедры уяснить благовременность сделанного Святейшим Патриархом этого столь решительного шага. Одни ораторы, основываясь на своих личных наблюдениях, говорили, что в народе заметен сдвиг к оздоровлению, но нет организованности, нет вождей, послание же Патриарха дает сильный толчок этому оздоровлению чрез силы церковные. Другие, напротив, также на основании своих наблюдений, делали вывод совершенно противоположного содержания: по их убеждению, в настоящее время не только нет никаких признаков оздоровления народного, но нависшая над родиной тьма продолжает сгущаться кольми паче прежнего, революция углубляется, и углублению ее не видно конца; но раз выступление сделано, надо принять меры к тому, чтобы грозное слово церковного прещения не повисло на воздухе: это—святой долг Собора.

Нам кажется, что в суждениях этих берется не тот критерий, не то основание, выкладка о благовременности и неблаговременности политики, как говорят, в целях тактики, Собор же есть голос Церкви, а потому наши суждения надо вести в плоскости церковной, во свете веры.

В самом деле: что представляют собою переживаемые события в глазах человека верующего? Это—кара Божия. Вспомните, что творилось в последние годы в жизни государственной, церковной, общественной: мы это отлично знаем, и нет необходимости пред этим собранием это изображать. Несомненно то, что виноваты в том целые классы людей служения общественного, государственного, церковного: гордыня, самомнение, неверие, отрицание, тупое стремление все святое вытравить, попрать, разрушить, богоборство, подкоп под власть, порок во всей наготе,—вот атмосфера, в которой протекала жизнь нашей родины. И вот гнев Божий: война. Слова императора Вильгельма, что он послан Богом для наказания и вразумления народов—сущая

правда. Но это оказалось недостаточным, чтобы русский народ одумался, вразумился и покаялся; даже напротив: обилие денежных средств, выброшенных в народное обращение войной, в конец нравственно растлило народ. Стоит вспомнить встречу Москвой несчастного 1917 года, по описанию местных газет, чтобы видеть, что в такой стихии зла и порока нет места покаянию! Тогда Божиим попущением—крах государственного строя и революция с ее беспредельным углублением. Что представляет в глазах верующего человека это углубление революции? Оно есть не что иное, как постепенное усиление кары Божией не желающему придти в покаяние русскому народу: наступит сознание вины и покаяние, прекратит Господь гнев ярости Своей; если же нет,—то впереди нас ждет еще углубление революции, а потом, как кара Божия, чисто физические стихийные бедствия—голод и мор, уже стоящие при дверях, а там, в зависимости от развития нашего нравственного состояния, смерть или воскресение!

Что же представляет в этом отношении настоящий момент, когда возвысил свой голос Святейший Отец Русской Церкви—Патриарх Всероссийский?

Не будем говорить о простом народе, именем которого хотят действовать все, кто желает руководить государственным устроением того народа, который теперь является орудием кары Божией: хочется верить, что этот, как стихия разбушевавшийся наш народ, когда кончится его миссия—быть бичем Божиим тем, кто в течение двухсот лет топтал его православную душу, старательно вытравляя из нее все святое, скоро обратится к Богу со смиренным покаянием—в том порука нам—его живая вера и доселе всегда бывшая глубокая преданность Матери-Церкви.

Но вот, пришла ли в покаяние наша интеллигенция, столь много потрудившаяся над созданием крушения государственного строя и теперь являющаяся единственной и главной виновницей позора и гибели нашей Родины? Мы видим, что ее прежде всего со всею яростью поразил гнев Божий, на нее опустилась со всею тяжестью карающая десница Божия, зовущая ее к сознанию вины и к покаянию.

Возьмем военную интеллигенцию: не она ли, не в меру и не

во время либеральничая в массе офицерства, в лице своих высших представителей, окружавших верховную власть, пошла на переворот, забыв присягу? И вот, за то самое сейчас она стерта с лица земли, а в живых остались лишь те лица высшего командного состава, которые в критическую минуту оставили верховную власть одинокой и сами стали против нее,—сохранены они в целости Провидением, надо думать, для того, чтобы собственными очами видеть плоды дел рук своих—тот ужас и позор, в который они ввергли Россию.

Возьмем, далее, интеллигенцию, творившую политику: где она теперь? Где ее сила, которой она кичилась? Где ее пресса, коею она творила разрушение? Сила ее, которой она грозила верховной власти, оказалась мифом, сама же она сокрушена, избивается самосудами, а в живых Рукой Божией оставляются лишь главные виновники гибели родины: Шингаревы и Кокошкины отправлены к праотцам, а „первые граждане", которым „Свободная Россия" собиралась ставить памятники, здравствуют (и дай Бог им здравствовать до глубокой старости!), без сомнения, на тот предмет, чтобы созерцать плоды трудов своих, своими глазами видеть, что они сделали с Россией своим беспросветным безумием... и горько каяться перед загубленной ими родиной!

Но все это привело ли нашу интеллигенцию к сознанию своих заблуждений, оказавшихся роковыми для жизни нашей родины?

Должны сказать, что нет. Нет даже признаков сознания своей вины, своей преступности, нет признаков и покаяния, если не считать письма А. В. Карташева, напечатанного в газетах на минувших святках. Об этом нам свидетельствует повседневная печать кадетского направления, наполненная горькой скорбью о том, что выпала из рук власть у тех, которые взяли ее переворотом, но та же печать, именуемая ныне буржуазной, совершенно молчит о грехах своих пред родиной и родной себе по духу интеллигенции: нет сознания того, что вся переживаемая сейчас горькая действительность есть созревший плод тех семян, кои так старательно сеяла сама интеллигенция в течение многих лет. А как относится эта интеллигенция к церкви теперь? Когда со всею силою опустилась над нею карающая десница Божия, идет ли она в церковь, к возрождающей силе

религии — к Богу? Нет! В эту сторону ее позиция та же, что ею принята была год, пять, десять и более лет тому назад: как тогда, так и теперь, несмотря на жалость и ничтожность ее настоящего положения, для нее церковь — пустое место, она не видит за нею никакого значения, с нею не считается, ее игнорирует, как по уговору замалчивая ее жизнь в таких крупных проявлениях, как настоящий Собор. Не характерной ли иллюстрацией сему будет то, что одна из трех—четырех еще влачащих свое существование этого рода газет помещает это, столь знаменательное послание Святейшего Патриарха на последней странице, среди последнестепенного хлама своего литературного материала, а другая таковая же газета, помещая вчера передовицу о воздвигнутом на церковь гонении, по заведенному шаблону твердит о том, что „за старой официальной церковью было много грехов", а вот-де за нами их мало или вовсе не водится. Нет, ни пресса, ни общественные организации, ни бывшие доселе съезды и собрания не дают нам и признаков духовного оздоровления нашего интеллигентного общества. А пока корни будут горьки, не видать нам плодов сладких: „не от терния богещут смоквы, ни от купины емлют гроздия". Не будет легче церкви, когда сойдут со сцены нынешние гонители ее, а ко власти вернутся те, кто это гонение начинал, имея в своей политической программе также задачу об отделении церкви от государства, лишения ее земельного имущества, — те, кто с неменьшей жестокостью в свое время уже выполнял эту задачу не изданием декретов, направляемых только к гонению на церкви, а самым делом — диким вторжением в церковь, путем того же насилия разгоняя законный состав церковной власти, целыми пачками арестуя епископов, десятками свергая их с кафедр, притом непременно стараясь их ошельмовать, опозорить, чего пока не позволили себе нынешние захватчики власти, те, скажем далее, кто, попирая божественные законы и церковные законы, по своему лишь личному „революционному" усмотрению начали законодательствовать и перестраивать строй и жизнь церкви, чего, опять-таки, не позволяют себе нынешние захватчики власти, те, кто за полгода своего стояния у власти так развалили церковь и такое причинили ей зло, какого не могли нанести ей все вместе взятые властные ее враги за двести лет

ее предшествующего существования, и от которого, как теперь уже видно, она не скоро оправится.

Не осталось в стороне от общего греха, от этого переживаемого теперь воистину сатанинского навождения и наше духовенство, являющееся в своем роде тоже интеллигенцией.

На минувших днях на страницах одной „буржуазной“ газеты публицист Белоруссов, выступив с обличением молчания церкви при виде гибели государства, с упреком подчеркивает, что церковь бездействует, имея у себя еще не разрушенный аппарат власти и силы, чего ни в государстве, ни в каких общественных организациях уже давно нет. Белоруссов, как типичный русский интеллигент, для которого церковь всегда была местом пустым, и за которую он теперь хватается, как утопающий за соломину, не мог знать того, что церковь в лице Собора сделала уже ряд выступлений политического характера, повисших в воздухе, так точно не знает и того краха церковного аппарата власти и силы, на который он возлагает свое последнее упование. Он, очевидно, не знает, в какое ничтожество приведены все органы церковного правления, в сколь немощное положение поставлена власть церковная буйством обер-прокурора от революции Львова, беснованием чисто разбойничьих и хулиганствовавших епархиальных съездов, он не знает, что духовенство в массе, как и жалкая по своему умственному и нравственному содержанию наша советская интеллигенция, легко поддалось революционному психозу, в котором продолжает оставаться доселе, не смотря на жестокие удары переживаемого времени, не взирая на явное проявление гнева Божия, карающего и зовущего к покаянию. Доселе в церкви творится то же, что и в государстве: попрание святынь, борьба за власть, стремление свести Церковь Божию с ее канонического основания, ввести в ней те же демократические порядки, обмирщить и поставить ее в ряд обычных человеческих учреждений. Мы видим, что переживаемая духовная эпидемия поразила наше духовенство не в меньшей степени, чем мирскую интеллигенцию. Буйствуя на своих собраниях и съездах, оно телеграммами приветствовало мирских разрушителей церкви и в то же время с бешеной яростью набрасывалось на носителей церковной власти—епископов, стремившихся охранить основные

устои и святыни церкви. А сколько духовных лиц оставило свое служение святой церкви и ушло на служение революции— в комитеты, кооперативы, милиции, на политическую деятельность в рядах социалистов до большевиков включительно, не снимая, на всякий случай, священного своего сана! Как характеризуют духовенство переживаемого времени такие факты, как насилие священника над своим епископом, факт ареста епископа священником, явившимся для сего „канонического" деяния в квартиру епископа с вооруженною бандою солдат и рабочих и с угрозой применения вооруженной силы в случае неподчинения или сопротивления! Или, что знаменуют такие факты, о которых вчера сообщалось с этой кафедры, как практикование „гражданской" хиротонии диакона во священника? Как отнесется к посланию Святейшего Патриарха духовенство таковой настроенности? Не повиснет ли в массе случаев это послание только потому, что оно больно бьет очень и очень многих отцов духовных, которые и на съездах, и на своих и чужих собраниях, и в органах печати, не исключая епархиальных ведомостей, сами гнали и гонят церковь, отделяя ее от государства, изгоняя Закон Божий из школы или вынося постановления о необязательности его преподавания в школах, в то же время разрушая внутренний строй церковной жизни, став в оппозицию к законной церковной власти, гоня и презирая верующих христиан, ставших к ним в оппозицию? Не требуется ли, поэтому, прежде всего оздоровление церковных сил: покаяние самого духовенства, доселе в своем большинстве шедшего рука об руку с революцией, той революцией, которая в порядке своего естественного развития завершилась букетом большевизма, против которого в существе и направлено послание Святейшего Патриарха?

Все это говорит о том, что Собор, вместе с Святейшим Патриархом, не мудрствуя о благовременности или неблаговременности решительного выступления, должен громко звать к разуму и покаянию..., но не тех только, кто сейчас явился орудием гнева Божия, а и тех, кто ни во что не вменил целование св. Креста и Евангелия, кто растлил народную душу, вызвав из нее зверя, кинувшегося теперь на Церковь. Пускай Церковный Собор, хотя бы теми силами интеллигенции, которые оказались

в его составе, призовет нашу интеллигенцию одуматься, сознаться в своих роковых заблуждениях, смириться, воцерковиться, придти в храмы с покаянием, познать ничтожество человеческое и силу Божию в судьбах царств и народов, как это благородно сказал А. В. Карташев, и, под молитвенным покровом и благословением Церкви, в тесном единении с силами церковными, оздоровленными и возрожденными, как это было встарь, вновь приступить к государственному устроению родины, крепко памятуя, что „аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущие“.

53. Председательствующий: „Есть еще несколько ораторов, но сегодня мы выслушаем только одного, так как он обещал говорить кратко“.

54. А. М. Черноуцан. „Я думал отказаться от слова после того, что было сказано священником Востоковым и проф. Громогласовым; я перейду прямо к конкретному предложению и буду говорить кратко. Надо, чтобы чаще раздавался голос Патриарха, чтобы было более тесное соприкосновение между православными и Патриархом, чтобы послания его появлялись чаще, и не только появлялись, но и читались. К сожалению, даже в Москве послание Патриарха читалось не везде; напр., в церкви Пимена Старого, где я был, оно не читалось. В провинции также не везде читались и соборные послания: то почему-то боялись их читать, то приходилось слышать нарекания, будто эти послания слабы и бесцветны. Я бы просил, чтобы Святейший Патриарх почаще взывал к верующим, хотя бы в самых коротких посланиях, даже в несколько строчек. Особенно это удобно в настоящий момент, когда наступают недели о Мытаре, о Блудном Сыне и о Страшном Суде. Затем нужно Патриарху выявить себя, поближе познакомить с собою общество верующих. Напр., можно было бы распространять портрет Патриарха“...

55. Председательствующий: „Вопрос о портрете, это — личное дело Патриарха... Еще осталось четыре оратора. Я полагал бы прения по общему вопросу прекратить: о многом уже высказались, и теперь следовало бы приступить к нашей прямой работе — рассмотрению положения об епархиальном управлении. Может быть, позволите этим ораторам высказаться в следующем заседании и тем закончить общие прения. Остались В. Г. Руб-

цов, С. П. Руднев, Н. М. Ореховский, А. В. Васильев во второй раз. Должен сказать, что по текущему моменту стали говорить за отсутствием законного состава Членов, а теперь этот состав есть и надо заняться работой".

56. Постановлено: предложение Председательствующего принять.

57. Председательствующий: „Следующее заседание в среду, в 10 часов утра. Предметы занятий—текущие дела и продолжение обсуждения доклада об епархиальном управлении. Что касается Отделов, то прошу использовать свободное время сегодня вечером и завтра утром, особенно те Отделы, которые должны спешно представить доклады, особенно о приходе: председатель его жалуется, что нет времени, но оно есть теперь. Равным образом и другие Отделы должны также приступить к работе. Завтра в 10 часов утра соединенное заседание Отделов об имущественном и правовом положении духовенства и о правовом положении Церкви в государстве".

58. Заседание закрыто в 2 часа дня".

ГЛАВА V.

Перед нами прошло одно из самых „откровенных“ заседаний собора...

Повидимому, от этого „распоясывания“ стало стыдно некоторым членам собора, в частности умному председателю.

В последнюю минуту председатель опомнился. Надо перейти к „текущей работе“, а то, что было, это так. Но, закрывая заседание 22 января, митрополит Арсений открывал простор контрреволюционной церковной свистопляске. Она началась повсюду и особенно в Петрограде. Здесь, впрочем, уже накануне знаменитого заседания 22 января была великая контр-революционная демонстрация. О ней собору, как штабу верховного главнокомандующего, делает доклад протоиерей Ф. Н. Орнатский.

Орнатский не был членом собора, не имел права делать доклады собору непосредственно, но для такого важного случая, как доклады о причинении неприятности большевикам, было, конечно, сделано исключение.

Итак, 24 января о. Орнатский делает следующий доклад собору: «Ваше Святейшество, достопочтимые архипастыри, отцы и братья. Я не подготовился к настоящему выступлению, так как в уставе собора есть статья, не позволяющая выступать с заявлениями лицам, не принадлежащим к составу священного собора. Лично на меня выпала великая честь, и я считаю долгом выразить радость мою, что я вижу священный собор лицом к лицу. Перед крестным ходом, который состоялся в воскресенье, в субботу за всенощной я имел в руках послание Его Святейшества. По субботам в Казанском соборе за всенощным бдением обыкновенно говорятся проповеди на текст утренних

воскресных евангелий. Первое чтение было на текст евангелия от Марка, повествующего о Марии и женах мироносицах, пришедших помазать покойника Христа. Когда они недоумевали, кто отвалит им камень от гроба, Ангел с неба сделал это. И у нас есть Ангел в Церкви, глава Российской Церкви — Святейший Патриарх, и за его послание, исполненное духа и силы, приношу от Петроградского населения и духовенства глубокую благодарность. Это—голос, который властно и могуче раздался в Петроградских церквах и на площадях Александро-Невской Лавры. Послание мы успели размножить в субботу вечером и раздать по церквам. Затем прошу позволения принести глубокую благодарность за восстановление поруганной правды и восстановление нашего кроткого и симпатичного Митрополита Вениамина в правах настоятеля и Священно-Архимандрита Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры.

Я буду краток в сообщении о событиях, переживаемых Петроградом. Конечно, вас интересуют петроградские события и воскресный крестный ход. Вы уже знаете о попытках со стороны правящей власти к захвату церковного достояния, об оскорблении его святынь и поругании Православной веры. 11 декабря состоялось собрание в здании Исидоровского епархиального женского училища. Выступления захватчиков позволяли предполагать, что может случиться в ближайшие дни. Протоиерей П. Н. Лахостский ознакомил собрание с делом о захвате Синодальной типографии, протопресвитер Дернов поведал о разгроме церкви Зимнего Дворца. Дворцовая церковь в Гатчине предназначена для устройства кинематографа. В Новом Петергофе власти потребовали передачи метрических книг, так как акты о рождении будут выдаваться из комиссариата. Церкви при учреждениях Министерства Внутренних Дел закрыты, а имущество и драгоценности должны быть переданы в ведение Министерства. Церковь в здании Министерства Внутренних Дел и церковь в здании Градоначальства закрыты. Протопресвитер Дернов поведал также о поругании Святыни — Образа Спасителя, помещающегося в часовне на Невском проспекте. По причине ли небрежного отношения к охране Святыни или по попустительству в часовню проникли воры, украли деньги. К счастию Святого Образа они не отняли, но оскорбили часовню,

заплевали ее и набросали окурков; некоторые окурки воткнули в подставки для свечей в подсвечниках. Такие обстоятельства и побудили Митрополита Вениамина составить собрание. На нем решили выступить с протестом против насилий; для окончательных решений по этому делу составлены были два собрания из пастырей и мирян в зале Общества религиозно-нравственного просвещения на Стремянной улице. На первом собрании я не был, а на втором, состоявшемся в присутствии Митрополита Вениамина и двух викарных епископов, я присутствовал. В первом собрании были приняты некоторые резолюции по поводу захвата. Во втором собрании резолюции эти были оглашены и приняты; постановление было: покрыть их подписями при церквах и послать их власти, а также напечатать их в газетах. Не ограничиваясь этим, решено было поддержать протест... если нужно, личным выступлением, хотя бы за это пришлось подвергнуться расстрелу. Говорили, что пора на деле показать, как должен относиться православный верующий народ к современным событиям. В воскресенье 21 января решено было устроить крестный ход. Было высказано два предположения: 1) пригласить народ к литургии в Александро-Невской Лавре, помолиться там перед ракою Св. Александра-Невского и затем крестным ходом итти к Казанскому собору и перед иконою Казанской Божией Матери помолиться о прекращении междоусобия и гонений на Православную Церковь; 2) крестным ходом выйти из всех храмов и направиться к Александро-Невской Лавре, пригласить народ в субботу по всем храмам, чтобы можно было организовать выступление всего верующего народа, во главе с духовенством, на защиту Церкви. Второе мнение восторжествовало, и крестные ходы были назначены в Александро-Невскую Лавру после поздней литургии с таким расчетом, чтобы крестные ходы прибыли в Александро-Невскую Лавру к часу дня. Почему принято было это мнение? Это находится в связи с событиями в Лавре. Преосвященный Вениамин после собрания в Исидоровском епархиальном женском училище обратился с посланием в Совет народных комиссаров, которое было напечатано в двух газетах: „Петроградский Голос" (бывший „Листок") и „Наш Век" (бывшая „Речь"). В письме Владыка предупреждал коммисаров, что когда речь пойдет о поругании Святыни, то-

гда народ станет стеной на защиту этой Святыни; он предупреждал, что власть на Руси забывает народное благо. Это обстоятельство отмечалось в письме, и об этом Владыка предупреждал народных комиссаров. Письмо составлено было в скромном тоне, но с твердостью. Повидимому, как ответ на это письмо, и последовало распоряжение о захвате Лавры, об обращении свободных помещений—самого Митрополита и других архиерейских помещений—под богадельню для призрения инвалидов. Распоряжение принимало характер благовидности: мы-де заботимся о благе народном, а монахи ничего для этого не делают. Но по связи с уже бывшими захватами ясно было, что вопрос стоял о нападении на Веру, на Церковь. Первая партия солдат и матросов осматривала все лаврские помещения. Вторая партия осматривала лаврские церкви, в собор входили в шапках, с ружьями. На замечания богомольцев, что здесь находятся святыни, отвечали: „для вас святыни, для нас не святыни". Были осмотрены помещения Митрополита и признаны были наиболее удобными для помещения богадельни. Назначено было определенное время для устройства богадельни. Я знаю о последнем налете на Лавру после решения о крестном ходе. Налет был совершен в пятницу 19-го января. Комиссаром в Александро-Невскую Лавру был назначен Иловайский; он прибыл в сопровождении 17-ти красногвардейцев и матросов, чтобы арестовать Митрополита Вениамина, потребовал дать им помещение и доставить описи лаврских помещений и имущества. Епископ Прокопий заявил, что не может разрешить этого. Тогда комиссар объявил его арестованным, его повели в его помещение, к которому приставили стражу. Внизу начали волноваться. Еще на собрании на Стремянной улице одна женщина подала хорошую мысль. Когда Митрополит Вениамин спросил: „что делать, если прикажут уходить из Лавры?" Послышались голоса: „не позволим, нельзя уходить!" Одна женщина посоветовала: „Нужно ударить в набат в лаврской и других церквах, и мы побежим защищать Митрополита", Так и сделали: ударили в набат в лаврских церквах, у Знамения и в церкви Бориса и Глеба. Прибежало много народа, особенно женщин. Набат продолжался. Комиссар Иловайский удалился: ему посоветовали уходить, взяли его под руки и проводили чрез Тихвинское

кладбище. Матросам и солдатам также посоветовали уходить, они побросали оружие и ушли. Была вызвана новая банда с пулеметом. Я был свидетелем того, как эта банда солдат стреляла из пулемета в воздух, желая напугать народ. Говорили, что они стреляли и на колокольню, где производился набатный звон. Искали иеромонаха Гурия, который обезоруживал красногвардейцев. Но народ прибывал. Красногвардейцы сняли караул и увезли пулемет. Когда я выходил, часа в четыре, пулемет еще стоял на площади, направленный на Лавру. Вот что произошло в пятницу. Каково же было наше настроение в субботу! Митрополит сделал распоряжение о совершении крестного хода. Этим исполнялось лишь требование верующего народа. И только в случае, если будут поставлены заставы, решили не брать народ в крестный ход и помолиться в соборе. Когда в субботу об этом говорили народу, народ говорил: „пойдем!" В некоторых храмах исповедывались и приобщались Святых Тайн. Говорили: „пойдем, хотя-бы и на расстрел". В „Вечернем Голосе" было напечатано, что крестный ход будет запрещен. Но, вероятно, власть учла народное настроение, и Бонч-Бруевич не только не запретил, но даже заявил, что они не противники веры, и сделал распоряжение об аресте нарушающих порядок во время крестного хода и отправлении в Смольный в комнату № 75. Эти распоряжения были напечатаны и разбрасывались из автомобиля параллельно крестному ходу. После ранней литургии было прочитано послание Святейшего Патриарха и начались крестные ходы. Я буду говорить о Казанском Соборе. Огромное количество богомольцев образовало крестный ход из Казанского собора и ближайших церквей. Соединенные крестные ходы шли с Петроградской стороны и с Васильевского Острова. Один из корреспондентов определял число народа в крестном ходе до полмиллиона. Во всяком случае богомольцев было несколько сот тысяч. Грандиозные крестные ходы направились на площадь Александро-Невской Лавры, так как Лавра не могла вместить такого количества богомольцев. В половине второго Митрополит взошел на особый помост на площади и здесь было совершено молебствие и прочитано Патриаршее послание. Весь народ пел молитвы Спасителю, Божией Матери и Ангелам. Масса народа была на крыше и на ограде Александро-Невской Лавры. Пошли

с крестными ходами обратно. Дорога была ужасная, сугробы, ухабы, но все обошлось благополучно, если не считать чрезмерное усердие богомольцев: на Аничковом мосту не снявшему шапки была дана пощечина, срывали шапки с неснимавших их при виде крестного хода. Этого, конечно, не нужно было делать. Когда мы с чудотворным образом Богоматери спускались с Аничкова моста, сзади нас шел Митрополит Вениамин. Передние богомольцы с хоругвями уже сворачивали к Казанскому собору, и весь Невский проспект был наполнен народом. Когда подходили к Казанскому собору, кого-то из богомольцев Господь осенил запеть „Христос Воскрсе", „Воистину Воскресе" было ответом многочисленной толпы. Когда вошли на портик собора, Владыка сказал небольшую речь, но с большим воодушевлением: „Когда мы подходили к собору, мы запели „Христос Воскресе" и народ на всей площади ответил нам „Воистину Воскресе". Эти слова и есть то основание, на котором мы стоим и на котором уставлена и вера и святая Церковь. Мы боялись тогда, когда устраивали крестный ход, что он закончится неблагополучно, но вот Господь, светящий и добрым и злым, послал нам солнышко, и все мы живы и здоровы. Поэтому будем теперь в вере до готовности пострадать даже до самой смерти, как завещал нам протоиерей Скипетров, убитый у порога своего архипастыря». Все пропели почившему „Вечная память", и Владыка продолжал: „Почивший пастырь был убит у порога своего архипастыря, и вы должны объединиться около своего архипастыря, в этом наша сила и победа". В ответ послышалось пение: „Да воскреснет Бог и расточатся врази Его", с этим песнопенеим народ стал расходиться.

Скажу несколько слов о митрополите Вениамине. В 9 часов утра он прибыл в Александро-Невский собор, в 5-м часу разоблачился, а в половине шестого, когда был назначен вынос почившего протоиерея Скипетрова, он вышел через Царские врата и стал благословлять народ. Удалось ли ему в 10—15 минут закусить что-нибудь, я не знаю. Не было 6 часов, он был уже в Скорбященской церкви и совершал парастас. В 10—11 часов окончился день его воскресных трудов.

В заключение я напомню, что в Москве тоже предполагается крестный ход; во Владимире обещал устроить крестный ход

митрополит Сергий. Пора выявить свою силу. Пора сказать, что разбойники взяли власть и управляют нами. Мы терпели, но терпеть далее невозможно, потому что затронуто Святое Святых русской души—Святая Церковь. Мы беседовали с иеромонахом Алексием, вынимавшим патриарший жребий, и он сказал: „пора говорить правду". На сознательное мученичество идти не следует, но если нам нужно пострадать и даже умереть за правду, это надо будет сделать. Крестные ходы докажут всем, что верующий народ объединяется. Духовенству надо проповедовать народу не по праздникам только, а всегда и везде, где можно. Все должны говорить, что необходимо защищать святую веру, надо кричать об этом в трамваях, кинематографах, на железных дорогах, где встречаются неверующие люди, что это ведет к развалу, к погибели нашей родины. Пора духовенству объединиться с народом. Если Лавра получила защиту, это ее защитил народ. Если отвоюем церковь, это сделаем при содействии народа. Еще раз приношу благодарность Вашему Святейшеству и Собору за честь, которой вы меня удостоили".

Товарищ председателя: „За интересное сообщение по поводу печальных событий в Петрограде благодарим вас и благословляем возвратиться в Петроград".

Протоиерей Ф. Орнатский: „Печаль ваша да будет в радость. Мы в Петрограде после совершения крестного хода испытали великую радость".

„Великая радость" о. Орнатского, поведать которую он срочно был командирован из Петрограда в Москву, не заразила собор, но, несомненно, придала бодрости и духу в изыскании собором новых контр-революционных выпадов.

Любопытное заседание 25 января. На этом заседании, после вопроса о выборном епископате, не решив этого вопроса, собор, по предложению председательствующего м. Арсения переходит к текущему моменту. Вот протокол:

Председательствующий: „Сейчас прошу обратиться к текущему моменту. Собор на одном из предшествующих заседаний поручил соединенному заседанию отделов об отношении Церкви к государству и о церковном имуществе и хозяйстве обсудить вопрос о захвате Петроградской Синодальной типографии. На другой день был обнародован декрет об отделении Церкви от

государства. Тогда задача этих двух отделов расширилась: Отделы занялись обсуждением декрета, чтобы от имени собора так или иначе отозваться на этот декрет. Были устроены три соединенных заседания этих отделов. Теперь отделы предлагают нашему вниманию редакцию соборного постановления, которое является плодом обстоятельного, серьезного обсуждения. Так или иначе Собору нужно высказаться, и нашему вниманию предлагается проект, который прочтет кн. Е. Н. Трубецкой."

Князь Е. Н. Трубецкой: „Рассмотрев декрет совета народных комиссаров об отделении Церкви от государства, отделы в соединенных заседаниях пришли к единогласному заключению, что мы имеем акт открытого гонения на православную Церковь, за каковой акт виновники и исполнители его, по силе 13 правила VII Всел. Собора и 73 Апостольского правила, навлекают на себя кару отлучения от Церкви. Отделы согласны в том, что отлучение должно быть наложено, но при этом указывалось, что отлучение может быть применено только к православным, должно касаться определенных лиц и производиться по церковному суду. После того выработано было постановление, с которым согласились оба Отдела. Признать в обнародованном декрете акт открытого гонения против Православной Церкви, и заявить, что этот акт навлекает на лиц, приводящих его в исполнение тяжелую кару, вплоть до отлучения от Церкви. Позвольте перейти к самому проекту Соборного постановления:

„В переживаемые Россией дни скорби и смуты народной со всех концов земли русской приходят вести о неслыханных насилиях, причиняемых Церкви отдельными общественными организациями и лицами, ныне стоящими у власти.

Дело не ограничивается отдельными случаями захвата, кощунства, издевательства над пастырями, их ареста и даже убийства. Лица, власть имеющие, дерзновенно покушаются на самое существование Православной Церкви. Во исполнение этого сатанинского умысла, ныне советом народных комиссаров издан декрет об отделении Церкви от государства, коим узаконяется открытое гонение как против Церкви Православной, так и против всех религиозных обществ христианских и нехристианских. Не гнушаясь обманом, враги Христовы лицемерно надевают на себя личину ревнителей полной религиозной свободы.

Приветствуя всякое действительное расширение свободы совести, Собор в то же время указывает, что действием упомянутого декрета свобода Церкви Православной, а равно и свобода всех вообще религиозных союзов и общин, превращаются в ничто. Под предлогом „отделения Церкви от Государства“ совет народных комиссаров пытается сделать невозможным самое существование церквей, церковных учреждений и духовенства.

Под видом отобрания церковных имуществ упомянутый декрет стремится уничтожить самую возможность богопочитания и богослужения. Он провозглашает, что „никакие церковно-религиозные общества не имеют права владеть собственностью“, „все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ являются (согласно декрету) народным достоянием“. Тем самым православные храмы и монастырские обители, где покоятся почитаемые всеми православными мощи святых, становятся общей собственностью всех граждан без различия вероисповедания — христиан, евреев, магометан и язычников, самые священные предметы, предназначенные для богослужения—святой крест, святое Евангелие, священные сосуды, святые чудотворные иконы—поступают в распоряжение государственной власти, которая может либо передать, либо не передать этих предметов церквам для пользования.

Пусть же поймет православный народ, что его хотят лишить храмов Божиих с их святынями. Раз уничтожается всякая собственность Церкви, нельзя и жертвовать чего-либо в ее пользу, ибо все пожертвованное, по замыслу декрета, у нее отнимается. Содержание монастырей, церквей и духовенства становится тем самым невозможным.

Но этого мало. Вследствие отобрания типографий стесняется самая возможность самостоятельного издания Церковью святого Евангелия, всех вообще священных и богослужебных книг в должной чистоте и неповрежденности.

Рядом с этим декрет посягает и на пастырей Церкви. Объявляя, что „никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от своих гражданских обязанностей“, он тем самым обрекает их к несению воинской повинности, воспрещенной им 83-м правилом Св. Апостол. Вместе с тем служители алтаря устраняются от воспитания народа. Самое преподавание

Закона Божия в школах не только государственных, но и частных не допускается; тем самым все духовно-учебные заведения обрекаются на закрытие. Церкви пресекается самая возможность воспитывать пастырей.

Объявляя, что „действия государственных или иных государственно правовых и общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами и церемониями", декрет тем самым кощунственно разрывает связь государства с какой бы то ни было святыней веры.

На основании всего вышеизложенного Священный Собор постановляет:

1) Изданный советом народных комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собою, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни православной Церкви и акт открытого против нее гонения.

2) Всякое участие как в издании сего враждебного Церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к Православной Церкви и навлекает на виновных кары вплоть до отлучения от Церкви (в последование 73 правилу Св. Апостол и 13 правилу VII-го Вселенского Собора).

Памятуя о молитвах святых подвижников, коими неоднократно в дни тяжких испытаний народных спасалась Россия, Собор призывает весь народ православный ныне, как и встарь, сплотиться вокруг храмов и монастырских обителей для защиты попираемой святыни. Терпят поругание и пастыри и овцы стада Христова, но Бог поругаем не бывает. Да совершится же праведный суд Божий над дерзновенными хулителями и гонителями Церкви. И пусть помнят все верные ее сыны: нам приходится вести борьбу против темных деяний сынов погибели за все то, что нам, православным и русским, дорого и свято, за все то, без чего и самая жизнь не может иметь для нас цены".

Постановлено: принять проект постановления в изложении Отделов.

Председательствующий: „Итак, историческое постановление принять, и дальше пусть будет, что Богу угодно".

Собор воспевает кондак праздника Успения Божией Матери: „В молитвах неусыпающую Богородицу".

В 11 часов 45 минут объявляется перерыв.

Заседание возобновляется в 1 час 10 мин. дня.

Председательствующий: „Объявляю заседание открытым. Прошу посторонних лиц оставить зал заседания. Слово предоставляется князю Е. Н. Трубецкому".

Кн. Е. Н. Трубецкой: „Прежде всего, докладывая о постановлении соединенного заседания Отделов о правовом положении Церкви в государстве и о церковном имуществе и хозяйстве по вопросу об отношении Собора к декрету об отделении Церкви от государства, я упустил из виду сказать еще, что в этом заседании было постановлено, помимо означенного постановления, издать особое воззвание для народа. Постановление и воззвание преследуют разные цели. Постановление, это—акт правосудия, акт суда. Оно должно быть строго логически обосновано и вместе с тем кратко и сжато. Поэтому оно может быть не вполне понятным народу. Нужно дополнить его воззванием. В заседании Отделов были предлагаемы проекты воззвания. Но едва ли нужно их оглашать здесь: в Отделах они не были одобрены. Нужно сейчас же образовать особую для этого комиссию и назвать лиц, которые должны войти в эту комиссию".

Председательствующий: „Прошу назвать лиц, которые должны составить комиссию по изданию воззвания к народу". (Архиепископ Тамбовский Кирилл, с места: „Эта комиссия уже образована в Отделах"). Да, в эту комиссию назначены были прот. П. А. Миртов, прот. П. Н. Лахостский, кн. Е. Н. Трубецкой, проф. С. Н. Булгаков, П. И. Астров, С. П. Руднев. (голоса: „Нужно включить кого-нибудь из крестьян"). Комиссия может кооптировать и других лиц. Предлагаю включить еще Н. Д. Кузнецова. (Н. Д. Кузнецов с места: „Я просил бы меня освободить, потому что я очень занят другим делом". Голоса: „Просим включить И. М. Громогласова").

Постановлено: образовать комиссию в составе Членов Собора П. А. Миртова, прот. П. Н. Лахостского, князя Е. Н. Трубецкого, проф. С. Н. Булгакова, С. П. Руднева, П. И. Астрова, Н. Д. Кузнецова для составления воззвания к народу о декрете.

Князь Е. Н. Трубецкой: „Позволю себе огласить поступившее в связи с экстренными переживаемыми нами событиями предложение за подписью 36 лиц. Работами Отдела о высшем церков-

ном управлении не предусмотрен был один пункт, всю важность и значение которого вы усмотрите сами: не говорилось о местоблюстителе патриаршего престола, т.-е. о таком лице, к которому, за отсутствием Патриарха, временно переходила бы вся полнота патриаршей власти. Я не стану говорить о необходимости разрешения вопроса о местоблюстителе в теперешний момент. Об условиях выбора, а потом о самом избрании, о правах местоблюстителя сейчас нет никакой возможности говорить: об этом хорошо рассуждать в мирное, спокойное время. Но представьте, что Церковь останется без Патриарха и не будет Собора! Местоблюститель заменил бы в этом случае Патриарха. Очень много думали по этому поводу и в Синоде, и в Соборном Совете. Казалось бы, что впредь до нормального разрешения вопроса, лучше всего было-бы предложить самому Патриарху указать ряд местоблюстителей, чтобы власть от одного, в случае надобности, автоматически переходила бы к другому, временно— впредь до издания особых правил о местоблюстителе. Важно, чтобы эти лица были указаны Патриархом, а не Собором. Почему Патриархом, а не Собором? Да лицо, избранное Собором, оглашается, становится известным. Между тем, это лицо не должно быть никому известно: оно будет обладать только грамотой Патриарха, которая даст ему возможность бесспорно заместить Патриарха. Я предлагаю принять это предложение без дальнейших прений. Некоторые высказывали сомнение в необходимости такой меры. Говорили, что за отсутствием Патриарха его права могут перейти к старейшему члену Св. Синода; с другой стороны, предполагалось, что есть Управляющий Московской Епархией. На это можно ответить следующее. Председательствующий в Синоде не есть местоблюститель: он не обладает всей полнотой партиаршей власти. То же нужно сказать и об Управляющем Московской Епархией. Нужно немедленно принять меры, чтобы Церковь ни на один момент не оставалась без высшей центральной власти. Вот заявление 36 Членов Собора:

„Необычайные условия переживаемого времени требуют немедленного замещения должности местоблюстителя патриаршего престола, к коему на случай отсутствия Патриарха временно переходит полнота патриарших прав. В виду отсутствия о сем правил, изданных Собором, и невозможности ждать до их из-

дания и производства самых выборов, на что потребовалось бы много времени, нижеподписавшиеся предлагают Собору:

Просить Святейшего Патриарха незамедлительно назначить самому временного местоблюстителя и лиц, заменяющих его в случае отсутствия, впредь до установления Собором самого порядка избрания и производства самых выборов на означенную должность. Означенное наше заявление просим обсудить спешно в закрытом заседании Собора."

К этому присоединяю, что эта мера уже предлагалось Патриарху, Патриарх отвечал, что он не уполномочен на это Собором. Мы предлагаем Собору принять наше заявление и просить Его Святейшество о назначении местоблюстителей".

32. Председательствующий. „Согласен ли Собор с предложением 36 Членов о том, чтобы Патриарх немедленно назначил себе ряд местоблюстителей"?

(Голоса: „Просим, просим"!)

33. Постановлено: „принять предложение о немедленном назначении местоблюстителей самим Патриархом".

ГЛАВА VI.

От резолюций, от контр-революционных речей, собор хочет перейти к „действу“. Лавры Петрограда не дают покоя Москве. И вот высокое собрание посвящает заседание вопросу о Крестном ходе в Москве. С докладом выступает архиепископ Коломенский Иоасаф, которому отвечает Кузнецов, и дальше разворачивается любопытная картина, которую я привожу по подлиннику.

Н. Д. Кузнецов: „Преосвященный Иоасаф справедливо сказал, чтобы в деле оповещения о крестном ходе приняли участие Члены Собора. Но я думаю, что мы должны принять участие не в оповещении только, но и более широкое участие в устройстве крестного хода. Опыт показал, что на народ производит большое впечатление, если разъяснить ему в понятных выражениях, к чему приводит декрет. Я получил от Святейшего Патриарха предложение выступить в одном из многолюдных приходов на Смоленском рынке после всенощной с выяснением значения декрета. Я предлагал бы и другим Членам Собора, рассеявшись по московским церквам, выступить с таким разъяснением. Это поддержит настроение народа и будет содействовать успеху крестного хода“.

Н. Н. Медведков: „Я хотел бы возвратить наше внимание к Соборному посланию. Нам известно, что Совет комиссаров ассигновал 5 миллионов рублей на новую противоцерковную литературу, чтобы волнами ее залить сердце и душу народа, путем обмана переубедить народ и безболезненно привести его к повиновению декрету. Одного Соборного послания, чтобы противодействовать этому, мало; нужно подвергнуть этот декрет бес-

пощадной критике и издать об этом брошюру, которую и распространить всюду в миллионах экземпляров. Поверьте, что народ и пастыри, когда хлынет струя этой противоцерковной литературы, будут беспомощны, не имея ничего в руках. И вот эта брошюра, составленная опытными и знающими людьми в простых и понятных выражениях и написанная обстоятельно, обезопасит народ от влияния вредной литературы. Это мое первое предложение: поручить составить в спешном порядке, но основательно, брошюру с критикой декрета. Второе мое предложение касается разработки протеста против декрета. Борьбу против врагов Церкви нужно вести в том же направлении, в каком ведут ее нападающие на Церковь. Нужно устраивать внушительные манифестации, называемые на церковном языке крестными ходами. Я предлагаю Собору, чтобы епископами был выработан проект устройства повсеместных крестных ходов в городах губернских и уездных и густо населенных местностях. В сельских приходах это неосуществимо. Приурочивать крестные ходы нужно к праздничным дням, и устраивать их по образцу Петроградского и Московского, если и последний будет удачным. Нужно, чтобы в них принимали участие и рабочие заводов и фабрик. Это второе мое предложение: в спешном порядке разработать проект устройства повсеместных церковных манифестаций, с раздачей листков, воззваний и, может быть, посланий и брошюр.“

Н. Д. Кузнецов: „Относительно брошюры должен сказать, что мне было сделано предложение составить такую, и я начал ее составлять. Была подыскана типография для ее издания. Но из вчерашней статьи „Утро России“ стало известно, что эта типография захвачена“.

Председатель: „Предлагаю просить Н. Д. Кузнецова составить брошюру с критикой декрета“.

(Голоса: „Просим, просим!“).

Протоиерей П. Н. Лахостский: „Я хочу сказать относительно одной маленькой подробности речи Преосвященного Иосафа. Он сказал, что не решено еще, куда направится крестный ход, при чем про Красную площадь заметил, что некоторые признают, что это место является как-бы неподходящим для крестного хода, ибо здесь теперь могилы большевиков, похороненных без

церковного отпевания. Эта маленькая подробность в речи Преосвященного Иоасафа меня взволновала. Мне кажется, что необходимо крестный ход направить именно на Красную площадь. Сдавать так легко свои позиции не следует. Уже теперь говорят, особенно женщины, что неотпетые и похороненные у Кремлевской стены стонут. Я очень желал бы, чтобы на этот раз крестный ход направился именно к этому месту, священному для всякого православного русского человека. Может-быть, это будет поворотным моментом в настроении москвичей; может-быть, тогда поймут, как недопустима такая узурпация этого священного места для революционных целей. Я не хочу умалять значения храма Христа Спасителя, но желаю напомнить, что с Лобного места на Красной площади оповещалось о всех великих актах нашей религиозно-патриотической жизни. Мы должны твердо стоять на своих вековых позициях".

Л. К. Артамонов: „Нужно подойти несколько проще и реальнее к тому делу, которое нам нужно делать сейчас. Вот вы слышали, что даже оповестить население о крестном ходе трудно: типографии захватывают, печатать не позволяют. Членов Собора собралось мало, едва образовался законный состав для заседаний. Если бы и все мы разошлись по столице для оповещения, нас все-таки было бы мало. Нужно еще заметить, что солдаты и рабочие, к которым придется в особенности обращаться с словом убеждения, проповеди нашей обычной церковной не понимают, да и не желают слушать; народу нужно говорить его языком, живым и образным, а это не все умеют делать. Отсюда одною из ближайших задач является подготовка проповедников для народа. Ведь, чем берут большевики и солдаты? Они захватывают для митингов школьные здания и здесь сообщают слушателям свой катехизис—несколько необходимых мыслей, изложенных самым ясным языком, и как бы гвоздем вбивают их в сознание темной массы людей. В вагоне я наслушался этих трафаретных рассуждений в спорах большевиков и меньшевиков. Из разговоров было ясно, что в особых школах натаскивают специалистов-ораторов, и результат получается блестящий. Вы слышали, что Совет народных комиссаров ассигновал 5 миллионов на издание брошюр противорелигиозного содержания; я думаю, что значительная часть этих денег будет употреблена и

на подготовку ораторов. И у врагов можно поучиться тому, что полезно. Нам безусловно необходимы школы или собрания в церквах, в которых можно было бы под руководством пастырей и Членов Собора воспринять в простой форме мысли, которые необходимо затем проводить в толщу народную. Церковь сделала ошибку, пренебрегая помощью женщин в деле благовестия. Теперь настало время, когда женщина может оказать нам большую помощь, может явиться надежной защитой дорогой всем нам веры православной. Кто защитил Александро-Невскую Лавру? Женский голос, самоотверженная вера женщины, а мы, мужчины, оказались трусливее. Они, женщины, храбро и как львицы защищали то, что дорого для них, истинно верующих. Я не буду здесь приводит мест из Св. Писания для подтверждения своей мысли. Я стою на практическом пути и настаиваю, что во всех случаях, где дело касается сердца и чувства, а следовательно веры, необходимо обратиться к женщине. Это уже и делается, но далеко не всюду. Мне пришлось быть в одной из церквей в г. Пскове, где собирались каждое воскресенье на беседы после вечерни; священник умно, доступно и с полным успехом поучал о том, что женщина должна знать, как христианка-мать, чтобы наставлять своих детей и вообще нуждающихся в утверждении в вере. При настоящих обстоятельствах необходимо выяснить женщине важность переживаемого времени, сущность изданного декрета, как тяжкого удара, нанесенного нашей Церкви. Когда я зашел в магазины и стал разговаривать с женщиной-продавщицей о декрете, она заплакала, услышав истинное его толкование. Мужчины не отозвались так, как сердце женщины. И теперь необходимо в приходе объяснять женщинам, в чем сущность дела, и подготовлять кадры проповедниц, которые понесут правильное толкование этого декрета в толщу народа. В Петрограде женщины ходили по казармам и убеждали солдат стать на защиту Церкви, и результат получился огромный: в числе сотен тысяч людей, участвовавших в крестном ходе, было очень много солдат. Я уже говорил неоднократно и теперь настойчиво повторяю, что нам необходимо привлечь женщин в приходах к делу благовествия в народе, подготовлять под руководством пастырей, и мы все должны помочь этому крайне важному делу".

Прот. П. А. Миртов: „Сюда, на эту кафедру, я несу не свою мысль, а мысль, которую просил меня высказать здесь Московский епархиальный миссионер Н. Ю. Варжанский. Он предлагает, чтобы те проповедники, которые будут в своих выступлениях освещать последние события, разъясняли народу необходимость заявлять конкретные требования, напр., об освобождении Синодальной типографии, храмов и т. п. Так делалось и в Петрограде. Может быть, благодаря этому, народная воля относительно освобождения Алесандро-Невской Лавры и была выявлена там так настойчиво, что советская власть принуждена была отказаться от захвата этой обители. Примыкая, с своей стороны, к этому предложению, я бы просил Собор привлечь к организаций крестного хода уже существующие здесь разнообразные просветительные общества и братства. Члены этих организаций, несомненно, явятся самыми надежными агентами, способными провести в народную толпу всякое начинание нашего Собора".

Прот. А. П. Рождественский: „Я просил позволения воспользоваться закрытым заседанием для того, чтобы сделать одно предложение Собору. Все наши занятия рассчитаны на длительную и мирную работу. Но очень может быть, что заседания Собора будут прекращены независимо от нашей воли, а между тем Священному Собору предстоит рассмотреть еще много таких вопросов, решения которых ждет от него наша Церковь, особенно при настоящих обстоятельствах, каковы, например, вопросы об епархиальном управлении, о приходе. Не следует ли поручить Соборному Совету указать порядок спешного решения важнейших дел для надлежащего направления дальнейшей церковной жизни, с тем, чтобы Собор, если представится потом возможность, мог возвратиться к рассмотрению этих дел в обычном порядке?"

Председательствующий: „Прошу внести соответствующее предложение в установленном порядке".

А. Д. Самарин: „Я хочу сказать несколько слов, чтобы поддержать предложение относительно живого и деятельного участия Членов Собора в крестном ходе. Здесь указывалось, что почин в этом деле шел отсюда, из Собора, и естественно, что и ответственность за успех его ляжет и на Членов Собора. Здесь указывали на необходимость оповещения населения г.

Москвы о крестном ходе, о целях и смысле его в связи с декретом комиссаров. Желательно, чтобы приняли на себя этот труд оповещения все, чувствующие себя способными это сделать, желательно, чтобы они сегодня написали свои имена и передали список на Пастырское собрание, которое состоится сегодня, и чтобы на этом собрании, куда пастыри приглашают всех желающих, было возможно больше Членов Собора. Председатель собрания, протопресвитер Любимов мог бы использовать этот список при распределении приходов для оповещения населения в предстоящую субботу за всенощной. Это первое мое предложение. Второе предложение касается распространения популярного издания, которое уже предпринял Н. Д. Кузнецов. Я, думаю, не оскорблю его, если скажу, что, при всем уважении к его авторитету, желательно для большего успеха и большей авторитетности брошюры, чтобы она была издана по благословению Собора, была бы не частным трудом Н. Д. Кузнецова, а голосом Собора, поэтому я предложил бы Н. Д. Кузнецову передать свой труд на рассмотрение комиссии, которая образована для составления воззвания; брошюра эта краткая, как говорил Н. Д. Кузнецов, и не затруднит комиссии, а комиссия рассмотрит брошюру, дополнит, где найдет нужным, и доложит собору, и тогда эта брошюра будет издана по одобрении и с благословения Священного Собора".

Председательствующий. „Угодно ли собору принять предложение А. Д. Самарина?"

Постановлено: принять предложение А. Д. Самарина.

В. В. Богданович: „Будет положен список членов собора, на котором и будут делать пометку члены собора, желающие принять участие в оповещении населения о крестном ходе и разъяснении его значения с указанием церкви, куда они желают отправиться".

С. П. Руднев: „Указание церкви необходимо для того, чтобы внести определенный порядок в это дело".

Заседание закрыто в 2 часа дня.

Столько разговоров о крестном ходе, такая тщательная детализировка всего вопроса показывает, какое колоссальное значение имели крестные ходы в арсенале церковного оружия для борьбы с советской властью.

Чудны дела собора!..

Но все это было покрыто тайной. Это именно секретный отдел церкви по борьбе с революцией—несомненно в это превратился собор после октября. Чрезвычайно характерны слова м. Арсения на заседании 26 января: „Некоторые члены собора выражают смущение по поводу того, что в органах печати появляются сообщения о том, что делается на частных и даже закрытых совещаниях собора; они полагают, что авторами этих сведений являются некоторые члены собора, страдающие невоздержанностью языка. Я думаю, что существуют правила приличия, обязательные для всех людей, но здесь и по существу необходимые для пользы дела. Если есть такие члены собора, которые не знают цены слова, то я от лица, надеюсь, целого собора выражаю им порицание. Так поступать нельзя: мы должны работать серьезно. Я лично возмущен подобным явлением, и если это касается и членов секретариата, то и к ним также относится наше порицание и возмущение. Прошу впредь быть более осторожными. Конечно, на вчерашнем заседании не было ничего особенного, но раз признано неудобным открытое заседание, то и нужно было держать все в тайне, а не распространять. Недаром сказано: слово только серебро, а молчание—золото. Смолчать часто бывает гораздо труднее, чем сказать, и как часто приходится сожалеть, что сказал в известном случае, а не смолчал. Эту мудрость народную и надо иметь в виду. Выразив это возмущение, перехожу к очередным делам".

Вопрос о крестном ходе снова всплывает в соборном заседании 27 января 1918 года. Вот протокол:

„Протопросвитер Н. А. Любимов: „С благословения Его Святейшества Патриарха, я прошу позволения выступить с внеочередным заявлением относительно устраиваемого в это воскресенье крестного хода. До 3 часов дня не будет еще решен вопрос о том, будет ли открыт кремль или нет.

Патриарх благословил поступить следующим образом. Не имея возможности оповестить, какое последует решение вопроса, я прошу членов Собора поступить таким образом: завтра в назначенное время направляться к кремлю; если кремль будет закрыт,

продолжать шествие к храму Христа Спасителя; Патриарх будет служить в храме Христа Спасителя, оттуда следует направляться на Красную площадь, если бы даже кремль оказался закрытым. Но я думаю, этого не будет. Затем, Патриарх изъявил свое согласие и на то, чтобы наряду с главным крестным ходом на красной площади были устроены молебствия и в других местах, напр., у Казанского собора. Но в одно и то же время устраивать много молебствий на Красной площади неудобно; эти молебствия перебивали бы друг друга и мешали бы друг другу. Такие молебствия можно было бы устроить в двух пунктах: одно у памятника Минину и Пожарскому, а другое у Казанского собора. Таким образом, всего будет совершено три молебствия: одно совершит Патриарх, а два—другие Архипастыри, и я прошу их заявить о своем желании принять участие в совершении молебствий, чтобы заранее заготовить облачения. Затем во время всенощной предполагается вести в известных храмах беседы о значении крестного хода. Желательно, чтобы проповедники взяли с собой послание Патриарха для раздачи народу, часть оставили бы у причта прихода для раздачи во время крестного хода. Послание будет раздаваться и членами Варнавинского Общества трезвости. Начало молебствия будет в половине 12-го. К этому времени крестные ходы должны прибыть на место. В этом смысле оповещены Консистория, Пастырское собрание, приходы, об этом оповещаю и членов собора.

Епископ Вятский Никандр: „Может случиться, что у Казанского собора и у памятника Минину и Пожарскому не окажется архиерея. Я предлагал бы точно определить крестный ход, который должен стоять у собора или у памятника, и имя преосвященного, который будет благословлять этот ход и служить молебен в упомянутом месте стоянки".

Протопресвитер Н. А. Любимов: „Каждому благочинию и каждому приходу уже указаны места; иначе и невозможно,—вышел бы беспорядок. Они становятся на определенные места. Теперь предлагается преосвященным добровольно избрать себе тот или другой пункт. Это пусть преосвященные благоволят сделать сами. Облачения будут заготовлены в Казанском соборе. Всех остальных о. о. членов Собора прошу пожаловать в Успенский собор и облачиться вместе с Патриархом, если крестный ход на-

правится из Кремля, или в храме Христа Спасителя,—если из этого храма. Судя по настроению населения, крестные ходы будут сопровождаться громадным количеством народа. Для совершения моления мною составлена особая молитва—краткая,—а Митрополитом Сергием—особое прошение. Если угодно будет заслушать эту молитву и прошение, я прошу".

И. П. Николин (с места). „Я хотел бы спросить: в Успенский Собор будет особый вход"?

Протопресвитер Н. А. Любимов: „Никакого особого входа не будет. Кто пораньше придет, тот свободно и пойдет. Прочитаю молитву.

„Молитва о спасении Церкви Православной.

Господи Боже Спасителю наш. К Тебе припадаем с сокрушенным сердцем и исповедуем грехи и беззакония наша, ими же раздражихом Твое благоутробие и затворихом щедроты Твоя. Сего ради праведный суд Твой постиже нас. Господи: раздоры и настроения объяша нас, убийства и кровопролития, вражда и злоба умножася до зела, еще же и на Церковь Твою Святую воздвижеся лютое гонение, во еже уставы ея разрушити, учение Закона Твоего оскорбляти и изгоняти.

Но, Премилосердный Господи, призри с высоты Святыя Твоея на слезныя мольбы нищих и скорбных людей Твоих, преложи гнев Твой на милосердие и даждь нам помощь от скорби.

Вемы, яко от лет древних в годины искушений страна наша токмо верою Христовою от гибели спасашеся, токмо молитвою и слезами покаяния от козней и сетей вражиих избавляшеся. Сего ради во умилении сердца вопием Тебе: охрани и ныне Отечество наше от врагов, губящих е, воспламени в сердцах наших любовь к Церкви Твоей Святей и научи нас крепко даже до смерти стояти за Святую веру и за славу Имене Твоего Святаго и тако утверди и воспрослави Церковь Твою всесильною крепостию Твоею и от всякого злаго обстояния избави ю.

О распенших Тя моливыйся, милосерде Господи, и рабом Твоим о врадех молитися повелевый, ненавидящих и обидящих нас прости, не воздаждь им Господи по делом их и по лукавству начинания их: не ведят бо, что творят, но к братолюбному и добродетельному настави жительству, да обратятся к Тебе,

Своему Владыце, и купно с сынами Церкви Твоея прославят Тебе, единого в Троице славимого Бога во веки веков".

Председательствующий: „Прошу заслушать проект воззвания к народу".

Протоиерей П. Н. Лахостский.

„Воззвание Священного Собора к Православному народу (по поводу декрета народных комиссаров о свободе совести).

Православные Христиане! От века неслыханное творится у нас на Руси Святой.

Люди, ставшие у власти и назвавшие себя народными комиссарами, сами чуждые Христианской, а некоторые из них и всякой веры, издали декрет (закон), названный ими о свободе совести, а на самом деле устанавливающий полное насилие над совестью верующих.

По этому закону, если он будет проводиться, как местами и проводится уже в исполнение, все храмы Божии с их святыми и достоянием могут быть у вас отняты, ризы с Чудотворных Икон станут снимать, священные сосуды перельют на деньги, или обратят во что угодно, колокольный звон тогда смолкнет. Святыя Таинства совершаться не будут, покойники будут зарываться в землю не отпетыми по-церковному, как и сделано в Москве и Петрограде, на кладбища православные понесут хоронить кого угодно. Было ли когда после крещения Руси у нас что нибудь подобное? Никогда не бывало. Даже татары больше уважали нашу святую веру, чем наши теперешние законодатели. Доселе Русь называлась святою, а теперь хотят сделать ее поганою. И слыхано ли, чтобы делами Церковными управляли люди безбожные, не русские и не православные. По приказу, подписанному неправославною женщиною, на Святую Александро-Невскую Лавру в Петрограде, как на какой-то вражеский лагерь, наехали вооруженные люди и произвели неслыханное бесчинство и даже убили священника (о. Петра Скипетрова), желавшаго вразумить словами обезумевших людей. И совсем захватили бы эту святыню, если бы народ не защищал ее—без оружия, только своею грудью, воплями и рыданиями.

И по другим местам происходит и, наверно, еще будет происходить подобное поругание Святыни и попытки ее ограбить, ибо корысть к наживе способна на всякое зло.

Объединяйтесь же, православные, около своих храмов и пастырей, объединяйтесь все, мужчины и женщины, и старые и малые, составляйте союзы для защиты заветных святынь. Эти святыни—ваше достояние. Ваши благочестивые предки и вы создали и украсили храмы Божии и посвятили это имущество Богу. Священнослужители при них только—духовная стража, которой святыня эта вверена на хранение. Но пришло время, когда и вы, православные, должны обратиться в неусыпных ее сторожей и защитников, ибо правители народные хотят отнять у православного народа это Божие достояние, даже не спрашивая вас, как вы к этому относитесь. Оберегайте же и защищайте веками созданное лучшее украшение земли Русской — храмы Божии, не попустите перейти им в дерзкие и нечистые руки неверующих, не попустите совершиться этому страшному кощунству и святотатству.

Если бы это совершилось, то ведь Русь святая Православная обратилась бы в землю антихристову, в пустыню духовную, в которой смерть лучше жизни. Громко заявляйте всем, забывшим Бога и совесть, и на деле показывайте, что вы вняли голосу Отца и Вождя своего духовнаго, Святейшего Патриарха Тихона.

В особом послании он зовет вас последовать за собой, итти на подвиг страдания, в защиту святынь, повинуясь голосу Апостола: „вам дано ради Христа не только веровать в него, но и страдать за него“ (Филип. 1,29). Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную врагам на поругание.

Мужайся же. Русь Святая. Иди на свою Голгоѳу. С тобою Крест Святой, оружие непобедимое. На помощь тебе притекут невидимо: Матерь Божия, Пресвятая Богородица, Стена нерушимая, Заступница Усердная рода Христианского, умягчающая сердца всех злых людей. С тобою воинства небесные, ревнители славы Божией. С тобою все святые, вместе с псалмопевцем Давидом, сладкозвучно воспевшим красоту селения славы Божией, взывающе: „Господи, ревность о доме Твоем спасает нас“ (Псал. LXVIII 10). А Глава Церкви Христос Спаситель вещает каждому из нас: „Буди верен до смерти, и дам ти венец живота“. (Апок. 11, 10)“.

Постановлено: проект воззвания принять.

Собор воспевает молитву Пресвятой Богородице „Заступнице усердная“.

И в одном из следующих заседаний заслушивают донесения из Орла. Вот выдержка из протокола:

„Председательствующий“. На имя Его Святейшества получен доклад Епископа Орловского Серафима следующего содержания:

„Долг имею почтительнейше донести Вашему Святейшеству, что 2-го сего февраля, в день праздника Сретения Господня состоялся торжественный крестный ход из всех церквей города Орла, в виду воздвигнутого на Святую Православную Церковь гонения. В крестном ходе приняли участие все духовенство и почти все православное русское население г. Орла. Начался крестный ход литургией в 8 час. утра в одной из окраинных церквей города, совершенной викарием вверенной мне Епархии, Епископом Елецким Амвросием, по окончании которой крестный ход, возглавляемый Преосвященными викарием, двинулся по магистрали главных улиц в Кафедральный Собор. На пути следования к нему присоединились крестные ходы приходских церквей. В 12 час. на площади Кафедрального собора было совершено мною молебствие „о вразех ненавидящих и обидящих нас“, после чего крестный ход, возглавляемый мною, увеличенный святынями и богомольцами из прилегающих к Кафедральному собору церквей, отправился обратно. Закончился крестный ход в начале 6-го часа вечера.

О крестном ходе заблаговременно было оповещено все население г. Орла как по церквам, так, кроме того, и следующими объявлениями за моей подписью:

„В виду воздвигнутого гонения на святую Православную Церковь, все православные русские люди приглашаются встать грудью на защиту ее святынь. 2-го февраля, в день праздника Сретения Господня, будет устроен из всех церквей г. Орла крестный ход к Кафедральному Собору. Все от мала до велика должны принять участие в этом крестном ходе; тем мы покажем, что любим святую Церковь и не дадим ее на поругание. В этот день во всех церквах города будет совершена поздняя литургия, непосредственно после которой крестный ход из каждой приходской церкви направится к Кафедральному Собору“.

Губернский Совет Народных Комиссаров, в заседании 1-го

сего февраля, накануне крестного хода, вынес постановление, которым просил все население не участвовать в крестном ходе, назначенном „провокатором“. Объявление о сем вечером 1-го февраля было расклеено по всему городу, а в самый день крестного хода, утром 2-го февраля, раздавалось по улицам и у приходских церквей города. Во все церкви советом народных комиссаров были командированы особые лица, которые требовали от духовенства и церковных старост не участвовать в крестном ходе, но, несмотря на это, крестный ход состоялся.

Ко мне в Кафедральный Собор был прислан комиссар по милиции, который пытался во время службы говорить со мной, при чем в разговоре с низшими членами клира, которых просил о докладе мне, выразился: „Даю две минуты срока, иначе прекращу богослужение“. Мне о нем доложили в первый раз во время чтения Апостола, но я не отошел от Св. Престола до причастного стиха, несмотря на нервозность сослуживших мне священнослужителей. Во время причастного стиха г. комиссар подошел ко мне и сказал, что он именем народных комиссаров требует отмены крестного хода, иначе будет кровопролитие. Я ответил, что крестного хода отменить не могу. „Бог милостив, мы стрелять не будем“, сказал я, после чего смущенный комиссар удалился. Крестный ход прошел весьма благополучно. Стояла ясная зимняя погода. Народ пел „Христос Воскресе“ и другие пасхальные песнопения. Мною, законоучителем Орловского кадетского корпуса, протоиереем Андреем Миловидовым, и настоятелем Болховского Троицкого-Оптина монастыря, иеромонахом Даниилом, на площадях были произнесены соответствующие поучения.

Послание Вашего Святейшества встречает живой отклик среди всего православного русского населения. Отпечатанное с большим затруднением в местных типографиях в количестве 10.000 экземпляров, оно разбиралось на-расхват. Народ сам от себя написал особое воззвание ко всему городу, которое также раздавалось. Местные газеты в течение нескольких дней посвящали крестному ходу и посланию Вашего Святейшества особые заметки.

Во время крестного хода производился сбор в пользу „Союза увечных воинов“, чтобы показать, что православные русские

люди, и не прибегая к реквизиции храмов и монастырей, найдут, чем помочь жертвам войны.

1-го и всю ночь на 2-е сего февраля по городу шла стрельба не только из ружей и пулеметов, но и из орудий, Население было терроризовано. Тем не менее, как один, оно приняло участие в крестном ходе.

Вашего Святейшества, Милостивейшего Владыки и Архипастыря, смиренный послушник Серафим, Епископ Орловский и Севский".

Вскоре собор обеспокоился декретом о гражданском браке. В ближайшем заседании Собора со следующей речью выступил проф. прот. А. П. Рождественский: „Учрежденная в прошлом заседании Собора Комиссия вчера рассмотрела проект Соборного определения, который был уже предложен Священному Собору, а теперь предлагается вам снова в исправленной и измененной редакции. Комиссия, по обсуждении проекта, предлагает Собору сделать следующее постановление по поводу декрета о браках: „Советом так называемых народных комиссаров распубликованы декреты о расторжении браков и о гражданском браке (газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства 1917 г. № 36 и 37). В этих постановлениях, изданных не только без сношения с Православной Церковью, но и с полным пренебрежением к требованиям христианской веры, вводится расторжение брака чрез гражданский суд, только по одной просьбе обоих супругов или даже одного из них, и тем открыто попирается святыня брака, который может лишь в определенных, исключительных случаях быть расторгнут церковною властью, но по общему правилу является нерасторжимым, согласно учению Спасителя нашего (Матф. XIX). Между тем, по смыслу этих новых гражданских постановлений, разведенные получают возможность вступать в новые гражданские браки, заключаемые простою записью в суде, при чем нет запрещения каждому вступать в брак сколько угодно раз. В заботах о спасении чад Православной Церкви, Священный Собор призывает их строго различать законы гражданские от церковных и объявляет, что декреты эти никогда не будут признаны Церковью.

А посему Священный Собор определяет: 1) церковный брак не может быть расторгнут гражданской властью; такое растор-

жение Церковь не признает действительным, а совершающие расторжение церковного брака простым заявлением у светской власти повинны в поругании таинства брака; 2) лица, состоящие в браке, не расторгнутом Церковью, и вступающие в новый гражданский брак, повинны в многоженстве и прелюбодеянии; такие браки не только никогда не получат церковного признания и освящения, но составляют тяжкий грех, за который по правилам церковным налагается епитимия и отлучение от Св. Таин. (87 прав. VI-го Всел. Собора, 77 прав. св. Василия Великого); 3) запись в гражданских учреждениях (или так называемый гражданский брак) для желающих вступить в брак не может заменить церковного брака; все гражданские браки православных, не стоящие в противоречии с каноническими правилами, должны быть освящены благословением церковным.

Церковный Собор призывает чад Православной Церкви не вступать в широкий путь греха, ведущий к погибели, и памятовать, что они навлекут на себя гнев Божий и Церковное осуждение".

ГЛАВА VII.

В связи с дектретом об отделении церкви от государства, декретом, который не принят сознанием собора, начинается усиленная агитация и организация в целях, если не ликвидации, то смягчения последствий декрета,—начинается церковная пропаганда. В это время церковная печать весьма оскудела—издается официальный орган собора „Церковный Вестник" и еще „Петроградский Церковно-Епархиальный Вестник". Последний ведется очень талантливо, привлекая к себе лучшие раакционные церковные силы.

В номере первом этой газеты (27 февраля 1918 года) мы читаем в бесцветной статье проф. Гр. Прохорова, специалиста по св. Амвросию Медиоланскому, после революции превратившегося в „заправского" публициста по всякого рода церковным и нецерковным вопросам, оценку декрета. Не то, чтобы автор был против декрета определенно, до конца, но вместе с тем он пишет следующие строки: „что касается запрещения церкви приобретать имущество и недвижимость, непризнания за церковью прав юридического лица, то это нельзя рассматривать иначе, как факт гонения на церковь в некогда св. Руси. Не теперешние ли политические деятели еще во времена царизма требовали свободы слова, печати, собраний, союзов? И что же? Получивши власть, они лишают церковь прав всякого союза. Всякий союз имеет права юридического лица, имеет право приобретать имущества и недвижимости; никакой, а тем более громадный, союз немыслим без капиталов. В противном случае он должен умереть или, в лучшем случае, влачить жалкое суще-

ствование. Мы знаем, как учили столпы научного социализма смотреть и относиться к религии. Теперь теория находит свое завершение в соответствующей практике. А практика такова, чтобы всячески разрушать всякую религию. Одно только и утешение, что большинство русского народа остается верующим, и оно не позволит меньшинству глумиться над его святынями. Но пока гонение. Что ж? Оно, быть может и нужно, нам. Пусть гонение освежит и оживит церковь, которая, по выражению славянофилов, лежит в параличе. И тогда она снова будет сиять светом невечерним".

Это слова возмущения и протеста.

А вот и дела.

Об этом пишет талантливый молодой реакционер, священник Н. Платонов.

„В защиту веры и церкви!"

Читайте эти любопытные строки. „В деле отстаивания церковных интересов в условиях современного положения церкви и религии большое значение могут и должны иметь приходские советы, объединяющиеся в своей деятельности в защиту веры. Сейчас повсюду говорят ревнители нового строительства жизни о „народных достояниях", о „народном" контроле, о „народном" управлении. Для церкви не новость народное участие в делах церковных. Хранителем веры является сам народ православный, церковный в единении с пастырями и архипастырями. Все имущество церковное создано любовью и трудами верующего народа, все оно из тех копеечек, которые нес на дело церкви русский православный человек. Истинно христианскую жизнь в церкви устроит сам народ православный, потому что сила практического влияния христианства на жизнь людей определяется всей жизнью верующей массы церковного общества. Наконец, и управление в церкви православной принадлежит всему народу церковному, так как, если управителями и являются архипастыри, то и они получают свое поставление по избранию всего верующего народа или представителей его.

Если самая мысль о „народности" так близка духу православной церкви, то сейчас, по условиям момента, нужно со всею ясностью и определенностью выявить эту народническую стихию в церкви. Нужно не столько для церкви самой, сколько для „внешних".

Эти „внешние“ (читай—большевики) сейчас стараются свои мероприятия в отношения церкви объяснить, как заботу о благе народном: „имущество церковное объявляется народным достоянием“. Но о каком же народе идет речь? Если о всяком, то в какой мере, спрашивается, „всякий“ народ участвовал в создании имуществ церковных?

Если же имущество это передается в распоряжение народа русского, то нечего передавать ему то, что он всегда имел при себе и что своими трудами создал. Не для священников, не для епископов церковное достояние; оно для самого народа церковного, который своими силами пусть и управляет им.

Эта мысль о свободе в церковных делах, о праве церковного народа на самоустроение и самоуправление в церковной области надо громко и определенно заявить через приходские советы. Если священник один только будет отстаивать церковное достояние и церковное достоинство—его не будут слушать. А если „миром“ скажет свое слово церковный народ—к этому прислушаются. И православные миряне каждой церкви, в каждом селе, в каждой деревне должны стоять на защите прав свободной церкви. В каждом приходе можно выбрать опытных, верных и любящих церковь людей, которые и составят приходский совет при данной церкви, он и будет хозяином всего церковного дела в данном приходе. Но понятно, если в каждом селе, в каждом приходе приходский совет будет действовать по своему, не считаясь с тем, что у соседа делается, всегда могут быть ошибки и малая польза (а то и вред) для дела. Нужно, чтобы в одном центре знали те силы, которыми располагают православные, знали бы те настроения православных, которые господствуют на местах, чтобы можно было отстаивать перед властью интересы миллионов православных без различия партий.

Опыт такого объединения уже дан в „Братстве приходских советов Петрограда и Епархии“. В „Братство“ вошли весьма многие советы, и работа „Братства“ видимо приносит плоды, объединяя и тем самым укрепляя силы православных. Братство не борется с властью советов, но оно стремится, чтобы и в области жизни церковной была предоставлена „вся власть советам“! Через приходские советы православный народ сам

сумеет управиться с церковным достоянием на пользу веры и церкви. Братство стремится к выработке единой тактики на местах, чтобы повсюду православный народ одинаково знал, что и как ему нужно делать. Обогащаемое опытом лиц, работающих на местах и поддерживающих связь с Братством, оно может предпринимать и предпринимает наилучшие способы защиты прав церкви.

Создавайте приходские советы, объединяйтесь в уездные „Братства приходских советов", объединяйтесь через них и с Петроградским Братством. Немедленно вступайте, приходские советы, в братства объединенных приходских советов Петрограда и Епархии, присылая на имя председателя правления прот. Н. С. Рудинского свои заявления о присоединении и, если возможно, делегатов (по три от совета) в совет Братства.

Братство имеет за собой сейчас сотни тысяч православных людей и оно будет работать на защиту веры и церкви. Кто хочет усилить его голос и помочь в его работе—присоединяйтесь к нему. Все многочисленные приходские советы Петрограда и Епархии пусть явятся одной дружной семьей, братски связанной в защиту церковного дела.

Подумайте об этом и священники, и все православные, и мужчины и, женщины.

Берегите церковь!"

Такова прокламация одного из организаторов широко задуманного дела. И дела, конечно, не религиозного, не христианского. Ибо где же и когда же Христос учил „защищать" церковное имущество и тому подобные, с религиозной точки зрения, пустяки? Не объявил ли Христос все внешнее неценным? Здесь определенно государственное, земное подставляется вместо духовного единого, по евангелию, на потребу.

Но—таково задание верховного штаба церковно-государственной контр-революции—собора.

Желание подменить идеологию социализма идеологией чисто церковнической (ничего, конечно, общего не имеющей с настоящим христианством). Об этом рассуждает священник Н. Смирнов, мечтающий о противопоставлении интернационалу союза приходов-трудовых общин, сливающихся во вселенскую церковь.

Но это теории. А вот практика.

11 марта открывается Петроградский епархиальный съезд духовенства и мирян. Он разрешает ряд вопросов чисто-церковных, но от них немедленно переходит к вопросам политическим и, конечно, прежде всего к декрету об отделении церкви от государства. Председатель съезда прот. Н. Ф. Орнатский предлагает присоединиться к суждению собора об этом декрете, что, конечно, принимается без всяких споров.

Но в добавление к этому было еще высказано, что „голос верующего народа по поводу декрета должен быть бодрый и сильный". Не надо забывать, что церковь—не только попы и несколько ханжей около них, как это стараются представить некоторые, а есть весь верующий церковный народ. Духовенство должно объединиться с народом, должно стать ближе к нему и народ сам станет защищать веру и церковь.

Между тем центр дает новые директивы, углубляет пропасть между советской властью и церковью.

Таково постановление патриарха и священного синода от 28 февраля 1918 г. за № 65.

Это знаменитое послание, поставившее всю церковь на военное положение в буквальном смысле слова, имевшее своим последствием, согласно статистическим данным, 1414 кровавых столкновений с Советской властью.

Вот это послание целиком:

„Святейший Патриарх и Священный Синод имели суждение о преподании духовным пастырям и всем верным чадам православной Христовой церкви указаний в отношении к обстоятельствам нынешнего времени.

Постановлено: новые условия церковной жизни требуют от церковных деятелей, особенно местных, чрезвычайного внимания и напряженных усилий для того, чтобы надлежаще и с добрым успехом совершать духовное делание, не взирая на встречаемые препятствие и даже гонения. Священным Собором и Святейшим Патриархом указано общее направление, в каком должна идти ныне деятельность духовных пастырей. Ныне, призывая их к самодеятельности в настоящих трудных обстоятельствах, преподать им, в предупреждение возможных с их сто-

роны, по неведению, ошибочных действий и для руководства в недоуменных случаях, нижеследующие указания:

Призыв к пастырям.

1. Пастыри призываются крепко стоять на страже Святой Церкви в тяжкую годину гонений, ободрять, укреплять и объединять верующих в защите попираемой свободы веры православной и усилить молитвы о вразумлении заблудших.

2. Пастыри должны идти навстречу добрым начинаниям верующих, направленным к защите церкви.

Организация мирян.

3. При всех приходских и бесприходных церквах надлежит организовать из прихожан и богомольцев союзы (коллективы), которые должны защищать святыни и церковное достояние от посягательств.

4. Союзы эти должны иметь просветительные и благотворительные задачи и именования, они могут быть под председательством мирянина или священника, но не должны называться церковными или религиозными, так как всякие церковные и религиозные общества лишены новым декретом прав юридического лица.

5. В крайних случаях союзы эти могут заявлять себя собственниками церковного имущества, чтобы спасти его от отобрания в руки неправославных или даже иноверцев. Пусть храм и церковное достояние останутся в руках людей православных, верующих в Бога и преданных церкви.

О монастырях.

6. Настоятели, настоятельницы и братия монастырей, монастырских скитов и подворий организуют подобные союзы (коллективы) из окрестных жителей и постоянных богомольцев обители и всех преданных обители лиц.

Об учебных заведениях.

7. Начальствующие и учащие в духовно-учебных заведениях должны тесно сплотиться с родителями учащихся и служащими в союзы (коллективы) для защиты учебных заведений от

захвата и для обеспечения дальнейшей их деятельности на пользу церкви и православного народа.

8. Эти союзы должны настойчиво требовать и всемерно добиваться того, чтобы строй учебных заведений оставался неизменным вплоть до особых распоряжений церковной власти.

9. Законоучители светских учебных заведений должны всемерно воздействовать на педагогические и родительские советы, чтобы они твердо отстаивали преподавание Закона Божия в учебном заведении, и идти навстречу всякому доброму начинанию их в пользу религиозному воспитанию и обучению.

О насилиях над духовенством.

10. Насильственное удаление священников и членов причта с прихода или монашествующих из монастырей отнюдь не должно быть допускаемо. В случае насильственного удаления прихожанами или посторонними лицами духовных лиц от занимаемого ими места, епархиальная власть не замещает их мест и требует восстановления удаленных в их правах и на их местах. Всякое недовольство священником или членом причта должно быть заявлено духовному начальству, которое одно только и имеет право, по разборе дела, удалить пастырей и церковнослужителей от приходской паствы.

11. Если будет обнаружено, что насильственное удаление состоялось по проискам кого-либо из членов клира, виновный в этом подвергается епископскому суду и строгому наказанию: священнослужитель запрещается в священнослужении, а псаломщик извергается из клира.

О захвате церковного имущества.

12. Священные сосуды и прочие принадлежности богослужения должно всеми мерами оберегать от поругания и расхищения, и для сего без нужды не вынимать их из церковных хранилищ, а последние устроить так, чтобы они не могли быть легко открыты грабителями.

13. В случае покушения на захват священных сосудов, принадлежностей богослужения, церковных метрик и прочего имущества церковного, не следует добровольно отдавать их, так как: а) священные сосуды и принадлежности богослужения

освящены церковным употреблением и мирянин не должен их даже касаться; б) метрические книги необходимы для чисто-церковных целей, светская же власть должна сама озаботиться их изготовлением, если в них нуждается; в) церковное имущество принадлежит святой церкви, а клир и весь православный народ является лишь его охранителями.

14. В случаях нападения грабителей и захватчиков на церковное достояние, следует призывать православный народ на защиту церкви, ударяя в набат, рассылая гонцов и т. под.

15. Если все-таки отобрание состоится, то непременно следует составить о сем акт, за подписью свидетелей, и подробную опись отобранного, с указанием поименно лиц, совершивших отобрание, и немедленно доносить о сем епархиальному начальству.

О церковных наказаниях.

16. Все восстающие на святую церковь, причиняющие поругание святой православной вере и захватывающие церковное достояние подлежат, не взирая на лица, отлучению церковному.

17. Отлучение от церкви налагается на виновных по суду высшей церковной власти или епископскому.

18. Отлучение налагается или на отдельных лиц, или на целые общества, на селения за их беззаконные деяния.

19. Если отлучению подвергнуты определенные лица, общества или селения, то о них объявляется священником в церкви в один из воскресных или праздничных дней.

20. Если же в акте отлучения не упомянуты поименно определенные лица, а указаны лишь враждебные церкви действия, влекущие за собою отлучение на совершителей их, то на священнике лежит обязанность строго разбирать, на кого именно из его прихожан падает отлучение.

21. Ко всем лицам, совершившим деяния, влекущие отлучение от церкви, а также ко всем лицам, поименно подвергнутым сему наказанию, должны быть применены все прещения, налагаемые церковью на отлученных.

22. Отлученные от церкви не могут быть допущены лично ни к святым таинствам, ни к церковным молитвословиям и тре-

бам. Они не допускаются к св. причастию, для них не может быть совершаемо таинство брака, не может быть совершаема и домашняя молитва священника. Они лишаются всех вообще церковных прав, не должны быть допускаемы ни на какие бы то ни было церковные или религиозные собрания. В случае нераскаянной смерти они лишаются и христианского погребения.

23. Верующие не должны входить в общение с отлученными от церкви, за исключением случаев крайней необходимости и неведения.

24. В отношении лиц, отлученных от церкви, священники ни в коем случае не должны ослаблять наложенных церковною властью прещений, памятуя, что за послабление и нерадение сами подпадают церковному наказанию.

25. В случае раскаяния отлученного и обращения его к священнику, последний не должен тотчас же снимать отлучение, но должен предварительно удостовериться в чистоте и искренности раскаяния и затем, сделавши донесение о сем своему епископу, ожидать от него решения.

26. Чтобы возвращение отлученного в лоно св. Церкви было не лицемерным, а действительным, необходимо соблюдать крайнюю осторожность и не спешить разрешением.

27. Лишь в случае болезни, угрожающей жизни отлученного, священник, по своей пастырской совести, может удостоить его, по его личной усиленной о том просьбе, таинства покаяния и причащения св. таин, но с непременным донесением о сем Епископу.

О браке и разводе.

28. Церковный брак может предваряться или сопровождаться, по желанию брачущихся, записью в гражданских книгах (что ныне называется гражданским браком): эта запись не препятствует церковному браковенчанию, если нет к нему канонических препятствий.

29. Но если предшествующий так называемый гражданский брак не расторгнут, или если расторгнут, но был уже третьим браком, то таковому лицу должно быть отказано в освящении его нового, как бы четвертого, брака церковным таинством.

30. Для удостоверения в беспрепятственности к бракосочетанию, священник обязан требовать подписку жениха и невесты, а также четырех свидетелей, удостоверяющих отсутствие канонических препятствий к браку; при чем ими могут быть представляемы и письменные доказательства, которые в подлиннике или копии остаются при деле. Все вступающие в брак предварительно исповедуются, независимо от очередного говения.

31. При соблюдении означенных условий причт не несет ответственности за совершение незаконного брака; таковая ответственность падает всецело на самих брачущихся и свидетелей, подписавших акт.

Церковное делопроизводство.

32. Впредь до особых распоряжений церковной власти, надлежит неукоснительно вести записи в метрические книги актов рождения, бракосочетания и смерти, по принятому порядку.

33. Собирание причтами статистических сведений и сообщения справок гражданской власти для причтов не обязательно. Но вместе с тем представители гражданской власти должны быть допускаемы к обзору церковно-метрических книг для выписки необходимых им справок, под наблюдением кого-либо из членов клира".

Этот декрет стоит не только в полном, буквальном противоречии с декретами Советской власти, против которых он направлен, но и содержит план организации физического сопротивления этой самой ненавистной власти. Если принять во внимание авторитет патриарха, то нисколько не удивительны те 1414 кровавых эксцессов, о которых говорит статистика, как о следствиях патриаршей грамоты.

Слава Богу, кровь льется не всюду. Но приходы начинают организовываться во-всю, при чем эта организация строится на далеко не вполне чисто религиозных началах. Я привожу ниже очень характерную, с этой точки зрения, статью, в № 6 „Петроградского Епархиального Вестника". Здесь нет жажды возврата к старому строю, но великая непримиримость к тем, кто свершил Октябрьскую революцию, и кого автор называет „безбожниками и христоубийцами", призывая относиться к ним „с осторожностью", не давая им сведений о своих церковных и приходских делах, так как „нужно помнить, что объединение и

воскресение православного народа страшно всем отступникам от веры".

Эту руководящую статью одного из главных деятелей Братства приходских советов привожу далее полностью: она глубоко характерна для того момента. Статья озаглавлена „Что делать в приходе православному мирянину" и гласит: „В настоящее время происходит образование новых приходских соединений, замечается сочувствие к жизни приходов и вероятно у многих православных мирян является вопрос: что каждый верующий христианин может сделать на пользу и во благо своего прихода и через это всей церкви православной?

Нас, православных, очень много, есть верующие среди нас всех общественных классов и положений, но мы плохо чувствуем и сознаем нашу взаимную связь друг с другом, а потому все слабы, и люди, отступившие от Бога и презирающие церковь Христову, делают, что только хотят. Перед всеми вместе и каждым в отдельности православными христианами—одна великая задача: сговориться друг с другом, найти своего собрата, сблизиться с ним и соединиться с ним. Для этого каждый, кому дорога его вера и кто желает, чтобы его родина стала вновь „Святой Русью", должен разузнавать в доме, где он живет, на службе, в мастерской, вообще, где он зарабатывает свой хлеб, кто православный, а кто иной веры, в особенности—кто посещает храм, кто соблюдает праздники и посты, кто старается жить по вере своей. С такими людьми нужно всеми мерами сводить знакомство и дружбу, оказывать им внимание и помощь в их делах, выдвигать и выбирать их на все должности и дела, вообще всеми добрыми средствами создавать связь между верующими людьми. К тем же, кто иной веры, особенно кто хулит нашу веру, нужно относиться с осторожностью, дружбы с ними не заводить, сведений о своих церковных и приходских делах им не давать, и вообще и непременно предпочитать им людей верующих и церковных.

Всем людям верующим нужно собраться вместе в своих храмах и устроить жизнь свою по учению своей веры. Безбожники и христоубийцы отвергли нашу святую веру и церковь, им она противна. Поэтому все те, кому тяжела современная безбожная жизнь, должны отделиться от них и устроить сами свою жизнь, не пу-

ская в нее врагов веры и церкви Божьей. Для этого нужно православным мирянам просить свое духовенство устраивать собрания, где бы люди верующие могли вместе встретиться и сговориться во всех своих делах. Нужно научиться всем церковным людям видеть братьев друг в друге, независимо от того, в какое платье одет наш брат, в какой квартире он живет, образованный он или простолюдин, ученый или неграмотный. Только соединением всех мы можем укрепиться и восстать от того великого падения и всеобщего разрушения, в каком мы все находимся.

Православные люди, объединяющиеся в приходах, должны устроить самую широкую взаимопомощь во всех своих делах.

Нужно создать приходские продовольственные кооперативы, где бы членами были только православные люди, богомольцы одного своего храма, нужно создать свои школы, которые находились бы в полном ведении родителей, православных людей, где бы наших детей учили тому и учили так, как мы сами пожелали бы, и не терпели бы мы тех издевательств, которые переживаем ныне. Православному народу нужно создать свой приходский суд, где бы всякий прихожанин мог бы найти правду при недоразумении со своим собратом. К этому приходскому суду всякий православный мирянин мог бы обратиться в случае обиды от своего собрата православного, который воспользовался во зло своим служебным и имущественным положением. Перед этим судом все действитемьно были бы равны. Этот суд был бы истинно братским и милостивым блюстителем правды в человеческих делах.

Мы не желаем возвращения к старому строю, когда православный русский человек был рабом и нищим на своей родной земле. Мы хотим свободы, равенства и братства православных русских людей. Мы хотим, чтобы православный русский человек стал хозяином на своей родной земле, освященной молитвами его предков и отбитой их кровью от внешних и внутренних врагов. Но нужно помнить, что объединение и воскресение православного народа страшно всем отступникам от веры, всем холодным к вере, всем тем, кто оторвался от родной своей почвы.

Много еще предстоит верующему народу за жизнь свою, за свою душу, за свою родину. Но объединяйтесь в своих храмах

люди добрые, во имя Христа Спасителя. Объединяйтесь для устроения всей жизни по учению Господа нашего Иисуса Христа. Отступите от безбожников и над ними совершится суд Божий, как над Дафаном и Авироном, которых поглотила земля за восстание на пророка Божия Моисея. Подайте друг другу братскую руку, простите друг другу обиды во имя своей веры, соединяйтесь в одно братство во имя Христа Спасителя, и Его сила поможет нам во всех делах наших и научит нас во всех путях наших".

Здесь дается программа организованного противодействия власти. Революция признается, но не большевистская, последние—безбожники и христоубийцы. Поэтому нужно всю жизнь построить вне их строя. У большевиков своя школа,—церкви нужно, в противовес им, свою школу (и вовсе не чисто религиозную); нужно создать свой наркомпрод—православные кооперативы; нужно создать свой суд—в противовес народному суду; и при такой организации—революция рухнет, ее поглотит земля, т.-е. мобилизовавшаяся церковь.

Таковы отчасти замыслы этой организации, Братства Советов, к работе в котором тщательно избегали приглашать прогрессивное духовенство.

Статья появилась 13 апреля.

В этом месяце в Петрограде происходит напряженная контрреволюционная работа церковников.

7 апреля реакционное духовенство устраивает в Калашниковской бирже собрание по вопросу о церкви и обществе.

К. К. Черносвитов говорил о положительной роли церкви, ее заслугах в прошлом России, особенно в эпоху татарщины и смутного времени. Моральный авторитет таких святителей, как митрополит Филипп, патриарх Гермоген, стоял высоко. Начавшаяся с Петра бюрократизация церкви умалила ее авторитет и значение. Декрет 21 января стремится подорвать жизненные силы церкви, лишая ее прав юридического лица. Церковь не может не защищаться, она борется за свои права и свободу с достоинством, и сочувствие общества на стороне церкви.

Прот. М. П. Чельцов говорил о пробуждающейся церковной общественности. Церковь перестраивается на широко-общественных, соборных началах—участие интеллигенции, которая в Рос-

сии всегда была верующей, хотя по-своему (богоискательство), здесь особенно желательно. Патриарх, иерархи могут теперь говорить с властью с авторитетом, поскольку за ними общество, народ. Свящ. Н. В. Чепурин в своей речи развивал мысль о тех высоких идеях, которые несет церковь для оздоровления нашей общественности: идея креста, жертвы и служения, в противоположность классовой идеологии захвата, наживы, вражды. Церковь не чуждается земли, не отрывается от земных интересов; ей всегда близки интересы национальные и государственные.

А. С. Судаков говорил, что силою вещей церковь и общество отброшены в один стан. Перегородки рушатся,—не два лагеря, а один. Одно дело, одна задача: религиозно-моральное, а вместе общественное и гражданское оздоровление и спасение разбитой, истерзаной России. Залог этого оздоровления в союзе просвещенного разума и крепкой совести. За печальными страницами нашего позора и поражения в небывало тяжелой войне, должна быть написана новая глава истории: возрождение России. Пусть Голгофа, страстная седмица еще впереди,—все же есть радость Благовещения и надежда воскресения.

На этом диспуте невидимой центральной фигурой был патриарх Тихон, этой новый реставрационный центр для всех тех, кто ненавидел революцию.

Идеология эта прозрачна и понятна; русский народ привык видеть неразрывный союз монарха и церкви. Когда монарха не стало, естественно, что патриарх, глава церкви, приковал к себе все внимание этих реакционеров, пытавшихся продолжать использование церкви в своих черных политических замыслах.

Но интересен факт, что к патриарху православной русской церкви начинают тянуться лица, вовсе не принадлежащие к православной церкви.

В субботу 31 марта к митрополиту Вениамину явились представители последователей протестандского вероисповедования, обитающих в России—прокурор лютеранской генеральной консистории Ю. Гентнер и светский член консистории барон Рейнгольд-Мирбах и представили митрополиту приветственный адрес патриарху Тихону, пояснив, что они затруднены переслать его почтой или доставить в Москву лично, а потому утруждают митрополита просьбой—препроводить адрес по назначению.

Вот дословное содержание адреса:

„Ваше святейшество,
Святейший Владыка.

Последователи протестандского вероисповедования, обитающие в России, где их церковь, найдя с конца XVI века гостеприимный приют и процветая под сенью Российской державы, ныне насчитывает до четырех миллионов духовных чад, с душевным и все возрастающим прискорбием переживали постигшие за последнее время великую нашу страну несчастия: злополучную войну, потрясение основ государственного строя и, наконец, посягательства на свободу всей христианской церкви нашего отечества и прежде всего церкви православной.

В дни столь тяжких испытаний более, чем в другое время, сознавая единство всей Христовой церкви и тщету всяких, идущих против нее, попыток государственного строительства, нижеподписавшиеся последователи протестантского исповедания испытывают сердечную потребность выразить российской православной церкви, в лице Вашего Святейшества, чувства глубокого возмущения творимым над нею насилием и, вместе с тем, твердое упование на скорое избавление от постигшего ее преследования, согласно евангилиста Иоанна: „Яко всяк рожденый от Бога побеждает мир—и сия есть победа, победившая мир: вера наша".

В течение веков, сквозь все ужасы и все тьмы русской истории—удельных войн, монгольского ига, смутного времени, крепостного права—единственным утешением и поддержкой, единственным светом всемирной культуры для русского народа был свет, который вносила в него церковь, по своему же слову: „Свет Христов просвещает всех".

Нет сомнения, что и ныне началом истинного возрождения России и плодотворного развития ее культуры может быть только воскресение в сердцах ее сынов животворящей веры в Христа Спасителя, единой незыблемой основы всех союзов людских, от семьи и до государства.

Передавая Вашему Святейшеству выражения всех чувств этих и горячие пожелания всемерного успеха трудам всероссийского собора православной церкви, мы заключаем словами Апостола: „Основания иного никто не может положить паче лежащего,

еже есть Иисус Христос. Адрес подписан президентом евангелическо-лютеранской генеральной консистории, светскими членами ее, многочисленными представителями церковных лютеранских советов французско-реформатских приходов, а также и пасторами лютеранских церквей.

Все эти явления давали уверенность церковным реакционерам в том, что большинство русских людей за соединение церкви с государством и что „на церкви большевики сломят себе голову". Это было всеобщее мнение и его поддерживают руководители церковно-общественного мнения. В соответствующем направлении „обрабатывает" мнение церковников гр. Прохоров, который в своей статье: „Наша самая первая задача" пишет в это время: „Положение православной церкви в теперешней России, особенно по последнему декрету, объявлявшему об отделении церкви от государства и переходе церквей и церковного имущества во владение государственной власти, не может не вызывать скорби и смущения ни с точки зрения религиозной, ни с точки зрения государственного разума.

С точки зрения религиозной скорбно то, что наше искони православное государство отказывается от христианства, наша некогда святая Русь открыто объявляет себя языческой, т.-е. она отказывается от идеального строительства жизни, поскольку хочет следовать такому только рабскому служению не высшим идейным ценностям непреходяшего значения, а лишь самой прозаической, самой грубой действительности—сытому желудку. Гибнет идеал и торжествует Ваал, отказывается от Бога, чтобы служить мамоне. Для православного сознания, как и вообще для христианского, это неприемлемый факт, почему церковный собор и высказался так решительно против декрета и декретствующих. Не может не вызывать декрет смущения и с точки зрения государственного разума.

В светской печати уже было указано на то, что войны, которые государства объявляли религии, никогда не приводили инициаторов к победе—это, так сказать, принципиальный тезис. Что касается фактического положения дела, то мы решительно не допускаем мысли, чтобы большинство русского народа, искони верующего и православного, стояло на стороне тех, кто ратует за отделение церкви от государства. Косвенное подтверж-

дение этого мы видим в том, что декрет не проводится строго в жизнь и попытки, например, отобрать у церкви Александро-Невскую лавру, встретив дружный отпор со стороны народа, больше уже не повторялись". И далее автор говорит о необходимости сорганизоваться в единое приходское целое, что явилось, как мы видели, ударной задачей церковников, согласно распоряжению Тихона и его штата. Вопрос этот бесконечно обсуждается на страницах духовной прессы (высказываются, кроме духовных, и мирские: Кравец, Михайлович и др.). А Братство приходских советов ведет свою работу.

Продолжается и политическая агитация отдельных духовных лиц.

Так, в зале общества распространения знаний в духе религиозно-нравственного просвещения свящ. П. Поляков читает в марте месяце на темы: „Православная религия и современный политический момент" и другую: „Политические лозунги при свете Евангелия".

Иеромонах Николай Ярушевич читает доклад „Думы о России" в гимназии принца Ольденбургского.

В этом направлении не отстают и некоторые миряне. Так, например, некто К. Ф. Павлов 31 марта читает в помещении консистории доклад на невинную тему „Под великопостный звон", где излагает однако свои мысли о политике, о революции.

В это же время епархиальным съездом духовенства и мирян избран и митрополитом Вениамином утвержден „комиссар по общенациональным делам" И. М. Ковшаров, который должен был ведать „защиту имущественных интересов церкви".

Собор продолжал свою работу, но, однако, уже мало привлекал внимания со стороны верующих, на это жалуется гр. Прохоров—маленький церковный М. О. Меньшиков. Но эти ламентации, как будто, оставались втуне. Между тем собор, до перерыва своих занятий (20 апреля) принял любопытное, с политической точки зрения, „Положение о православном приходе".

Согласно § 1 „Положения"—„приходом в православной церкви называется общество „православных" христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающее на определенной местности и объединенное при храме, составляющее часть епархии, находящееся под каноническим управлением своего епархиального епископа под

руководством поставленного последним священника-настоятеля". В приходе (§ 28) „управление приходскими делами в православном приходе совершается, под руководством епархиального епископа, настоятелем прихода, совместно с другими членами причта, церковным старостой или лицом его заменяющим и при содействии прихожан". Наряду с этим, существует „приходское собрание", в коем участвуют „прихожане обоего пола, достигшие 25-летнего возраста и внесенные в приходскую книгу". Согласно § 47, „приходским собраниям принадлежит обсуждение и решение всех приходских дел и вопросов, распоряжение приходскими капиталами и имуществом, надзор через доверенных и избранных лиц: членов приходского совета, попечителей и заведующих приходскими учреждениями за всеми исполнительными органами, установление самообложения для содержания своих благотворительных и других учреждений". В § 60 читаем: „для ведения церковно-приходских дел и заведывания приходским имуществом избирается церковно-приходскии совет... сроком на три года" и в § 100: „для большей успешности в деле достижения религиозно-нравственных и церковно-общественных целей, приходы той же епархии могут объединяться в союзы". „Делами союзов ведают: общее собрание союза, как распорядительный орган, и союзный совет, как орган исполнительный" (§ 103).

Анализируйте эти данные положения. Приход считает себя собственником и распорядителем приходского имущества. Между тем, согласно декрету власти Советской, все церковное имущество принадлежит государству, а, по договорам, группы верующих получают их лишь в долгосрочное пользование, и таким образом не могут являться распорядителями приходского имущества, как это понимает соборное „Положение", совершенно игнорирующее советский декрет. В организации же союза советов мы видим осуществление идей знаменитого распоряжения (февральского) о неподчинении декрету об отделении церкви от государства.

Декрет этот не нравился не только реакционным церковникам, но и некоторым социалистам. В Петрограде 14 апреля была устроена дискуссия на тему „Церковь и социализм". Выступали Кубиков, Потресов, Мейер, Аксельрод и В. Соколов. Ораторы утверждали, что сейчас церковь—это жертва нашей классовой

борьбы. Ее гонит ложно понятый социализм, но перелом в настроении уже наступил. Революция—катастрофа морали, цинизм темных масс, но близок день, когда „жажда жгучая святынь", которая все громче и настойчивее начинает звучать в душе обманутой большевиками, окончательно восторжествует.

По словам социалиста Потресова, отделение церкви от государства есть издевательство над социализмом. Есть реформы, которые не вводятся декретами, а нужна последовательность. Отношение большевиков к церкви полно человеконенавистничества.

18 апреля собор издает определение „о мероприятиях", вызываемых происходящим гонением на православную церковь". Вот это определение: „1. Установить возношение в храмах за богослужением особых прошений о гонимых ныне за провославную веру и церковь и о скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках.

2. Совершить торжественные моления: а) поминальное об упокоении со святыми усопших и б) благодарственное о спасении оставшихся в живых.

> Примечание: Таковые моления совершены соборным служением: заупокойное в храме духовной семинарии 31 марта и молебное в храме Христа Спасителя 1-го апреля.

3. Установить по всей России ежегодное молитвенное поминовение в день 25-го января, или в следующий за ним воскресный день (вечером) всех усопших в нынешнюю лютую годину исповедников и мучеников.

4. Устроить в понедельник второй седмицы по Пасхе во всех приходах, где были скончавшие жизнь свою за веру и церковь исповедники и мученики, крестные ходы к местам их погребения, где совершить торжественные панихиды с прославлением в слове священной их памяти.

5. Преподать благословение от священного собора всем исповедникам.

6. Обратиться к святейшему патриарху с просьбой о выдаче благословенных патриарших грамот пострадавшим за веру и церковь.

7. Напечатать и раздать членам священного собора к их отъ-

езду из Москвы краткое сообщение о пострадавших в нынешние дни гонений за православную веру и церковь для распространения среди православного народа.

8. Просить святейшего патриарха, чтобы в случаях ареста гонимых за веру и церковь и впредь, согласно уже применяемому ныне порядку, его святейшеством были делаемы непосредственное сношения с местными властями об освобождении арестованных и одновременно о сделанных сношениях были извещаемы местные епархиальные архиереи.

9. Поручить Высшему Церковному Управлению сообщать сведения и оповещать православное население посредством печатных изданий и живого слова о всех случаях гонения на церковь и насилия над исповедниками православной веры.

10. Издать отдельно соборное определение о правовом положении церкви в государстве с необходимыми разъяснениями для широкого распространения среди населения правильных понятий о взаимоотношении церкви и государства, особенно необходимых в переживаемое смутное время враждебных церкви течений.

11. Принять меры к возвращению всех отобраных имуществ церквей, монастырей, церковных учреждений и организаций,—в том числе зданий духовно-учебных заведений и консисторий.

12. Призвать от имени собора приходские и епархиальные организации к защите гонимых и освобождению заключенных за веру и церковь и к принятию мер для возвращения отобранного имущества церквей, монастырей, церковных учреждений и организаций,—в том числе зданий духовно-учебных заведений и консисторий.

13. Призвать всех православных, в целях ограждения от расхищения церковного достояния, возвращения уже отобранного и защиты гонимых: а) образовать при приходских храмах и монастырях особые братства из преданных церкви людей, со включением в их состав членов приходских советов; б) составлять на братских собраниях- приходских, окружных, благочиннических, уездных и специальных соответствующие письменные, за собственноручными подписями участников собраний, приговоры (в 4 экземплярах) в защиту церкви и ее достояния и представить эти приговоры Высшему Церковному Управлению, местным и центральным органам советской власти, при чем, в случае необхо-

димости непосредственных сношений с последними, в виду явного преследования священно-служителей и церковных старост, братчикам-мирянам, а где нет братств—членам приходских советов из мирян; в) лишать доверия и права представительства предателей из клира и мирян, сознательно действующих на пользу врагов церкви и г) учредить при патриаршем престоле всероссийский совет приходских общин, который бы объединял все местные церковные силы и планомерно направлял их деятельность по защите церкви.

14. Членам Священного Собора выдать особые удостоверения с предложением от имени собора епархиальной власти оказывать им содействие в деле осведомления ими православного населения с деяниями собора и в деле оказания ими с благословения епархиального архиерея и в единении с местными церковными деятелями помощи и руководства при устройстве приходских и других братств, союзов и содружеств для защиты интересов церкви.

15. Поручить Высшему Церковному Управлению изыскать способы к оказанию материальной помощи пострадавшим от гонений и их семьям.

16. Поручить образованной Священным Собором комиссии для сношения с народными коммиссарами заявить последним требование об освобождении захваченных центральных и местных типографий духовного ведомства с тем, что они впредь будут обслуживаемы церковно-народными организациями, а не наемным трудом.

17. От имени священного собора оповестить особым постановлением, что Священный Собор православной российской церкви, возглавляемый патриархом и преосвященными иерархами, состоящей из избранников всего православного народа в том числе и крестьян, есть единственный законный высший распорядитель церковных дел, охранитель храмов Божиих, святых обителей и всего церковного имущества, которое веками составлялось главным образом из добровольных приношений верующих людей и является Божиим достоянием. Никто, кроме священного собора и уполномоченной им церковной власти, не имеет права распоряжаться церковными делами и церковным имуществом, а тем более такого права не имеют люди, не исповедающие даже

христианской веры или же открыто заявляющие себя неверующими в Бога".

Это чрезвычайное по политической важности определение Собора не достигло, однако, своей цели. Его отказались распубликовать на местах. Собора не послушались. Даже Петроград, такой преданный Тихону, замолчал этот документ. Дело в том, что всегда в церкви были люди не контр-революционной окраски. Наличие таких элементов срывало в значительной мере тихоновщину. И это гневило Собор до последней степени. В своем „определении о мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни" от 19 апреля Собор постановляет: „рассудив о некоторых епископах, клириках, монашествующих и мирянах, не покоряющихся и противящихся церковной власти и обращающихся в делах церковных к враждебному церкви гражданскому начальству и навлекающих через то на церковь, ее служителей, ее чад и достояние многообразные беды,—Священный Собор сим оповещает верных чад церкви, во ограждение их веры и благочестия, а оторвавшихся от истины церковной или колеблющихся в ней во увещание к покаянию, что таковых непокорников и противников церковных Священный Собор, последуя велениям утешителя Духа истины, предложенным в Слове Божием и в правилах апостольских, соборных и святых отец, осуждает, как богопротивников". Далее идут наказания. Суровые наказания: запрещение, лишение сана и даже отлучение от церкви.

В этом же „определении" находится знаменитый параграф третий: „священнослужители, состоящие на службе в противоцерковных учреждениях, а равно содействующие проведению в жизнь враждебных церкви положений декрета о свободе совести и подобных сему актов, подлежат запрещению в священнослужении и, в случае нераскаяния, извергаются из сана" (Ап. 62; VII Вс. 12, 13; Петр. Ап. 10).

Таким образом все лойяльные священники, подчиняющиеся декрету советской власти, собором извергаются! Религиозное запрещение быть честным гражданином!

Тихон не посмел провести в жизнь этот безумный выпад собора.

В конце мая в Петроград приходит ответ патриарха Тихона на вышеприведенное послание лютеран, озаглавленный: „Последователям протестантского вероисповедания в России", в кото-

ром Тихон пишет: „С душевным умилением восприяли мы и священный Собор Православной и Российской Церкви исполненное глубоким христианским чувством послание последователей протестантского вероисповедания в России по поводу постигшего русскую землю лихолетья и угнетающих церковь православную „тесноты и гонения“ (Рим. 8, 35); по выслушании в заседании 26 марта сего послания священный Собор постановил благодарить вас через наше смирение. Повинуясь велению сердца, выражаем вам и вашим братьям по вере искреннюю благодарность за любовь и пожелание успеха трудам священного Собора Православной Российской Церкви и молим Господа, да не оставит вас благий человеколюбец без небесной награды за сострадательный отклик на скорби чающих Христова утешения. В печалях и бедах постигшего православную церковь гонения мы непрестанно памятуем о Христе Иисусе, ублажающем, „плачущих и изгнанных за правду“ (Матф. 51, 4, 10), и твердо уповаем, что Небесный Пастыреначальник „не попустит нам быть искушаемыми сверх сил“ (I Кор. 10, 13), но „сам искушен быв, может и искушаемым помощи“ (Евр. 2, 18). В совершенном с вами единомыслии исповедуем, что на всем протяжении своего, нередко скорбного, исторического пути русский народ лишь под знаменем креста и сению церкви мог достигать духовного развития и исполнять свое мировое призвание; и ныне мы несокрушимо уверены, что лишь положив в основу своего возрождения духовного и государственного животворные начала Христова евангелия, русский народ преодолеет тяжкие испытания, навлеченные им на себя отступлением от исторических заветов веры и правды. Православная церковь, всегда отдававшая свои силы и достояние на спасение своих чад и благо родной земли и теперь не останавливается даже до мученической крови своих служителей и впредь не остановится ни пред какими жертвами для возрождения родины и для обновления в сознании в сердцах русских людей духа Христова. Труды священного Собора, основанные на слове Божием, как на краеугольном камне, полагают твердое основание устроению и укреплению жизни церковной, и объединяя в ограде церкви верных чад ее, окажут могучее содействие воссозданию единства и мощи родины. В вашем любезном послании мы желали бы видеть также верный

залог того, что христиане всех вероисповеданий вместе с нами положат свои силы во благо родины и подвигнутся заедино противостать „во всеоружии Божием" (Еф. 16, 11) „вратам ада" (Матф. 16, 18) и светом Христовым разогнать обуявшую Россию тьму Христоборчества, дабы, „в лето Господне благоприятное" (Лук. 4, 19) на общей пажити единого стада Христова (Иоан. 10, 9, 16) совершать свое спасение во славу Божию. Аминь. Тихон, патриарх Московский и всея России".

Продолжается энергичная работа братства приходских советов Петрограда и епархии. Возникшие с благословения и понуждения Москвы, о чем мы говорили выше, этот штаб Тихоновщины начинает переходить на положение верховного для Петрограда и административно-духовного центра. Оно, это братство, начинает вмешиваться открыто в епархиальные дела, посылая на епархиальное собрание наиболее видных своих представителей: Прот. Вл. Ан. Покровского, Н. В. Никанорова и А. А. Островского. Более того, в виду того, что „Братство является непрерывно действующим представительством церковного народа епархии", оно потребовало, „чтобы представители органов епархиального управления в потребных случаях могли быть приглашаемы Братством для совместного обсуждения возникающих вопросов и осведомления о ходе работы епархиального управления. По этому самому основанию Братству должно быть дано право представлять епархиальному собранию свои соображения по проектам, вносимым на обсуждение епархиального собрания". Наконец братство постановило, что „так как деятельность Братства обнимает все стороны епархиальной жизни, то Братству должно быть предоставлено право иметь своих представителей во всех общеепархиальных учреждениях, например, духовно-учебных заведениях, благотворительных учреждениях, свечном заводе и пр." Такие постановления, ставящие Братство на чрезвычайную высоту, были приняты 20 мая в связи с приездом в Петроград Тихона, каковой приезд ожидался к 30 мая. Братство должно было организовать этот приезд и подготовить к нему церковно-общественное мнение. Это мнение обрабатывалось и представителями из других областей, вовсе до сих пор не церковных.

Так 12 мая в Тенишевском училище Д. С. Мережковский

прочитал лекцию под заглавием „Россия будет" (интеллигенция и народ). В программу лекции, между прочим, входили следующие вопросы: „Мгновенное атеистическое сумасшествие народа; парень, стреляющий в причастие; поклонение народа царю, как Богу; поклонение интеллигенции народу, как Богу,—два кощунства. Кризис христианства и социализма. Религиозная предпосылка национального возрождения России".

Основная идея лекции—уставовление несомненной связи между общественными и религиозными началами в жизни народов и необходимость предпосылки религиозной для национального возрождения России: по словам Мережковского, народ—это тело, а отечество—душа. Русский народ потерял свою душу, забыв о своей религии, и стал врагом своей души и своего отечества. Пришел адвокат Шпицберг и сказал: Бог—буржуй! И наступило атеистическое сумасшествие народа, представители которого в припадке религиозного помешательства стреляют в причастие, иконы, духовенство... Главнейшим источником, регулирующим жизнь и направляющим общественную и государственную жизнь, должна быть религия. В религии только разрешение всех вопросов жизни человечества. В русском народе, в большинстве некультурном, обитает религиозный инстинкт, но нет у него религиозного сознания. Интеллигенция, мозг народа, была атеистична и в таком духе стремилась воспитывать народ, подрывая устои религии. Внимание интеллигенции было устремлено на свержение самодержавца, монарха, чтобы сделать потом таким самодержцем народ, переменить одно рабство на другое. Нельзя количество заменить качеством и нельзя забывать, что Христос был осужден большинством голосов... Интеллигенция, обожествляя народ, теперь осталась без своего божка-народа и не знает, куда ей преклонить свою усталую и израненную главу... Русская катастрофа есть часть катастрофы всемирной, катастрофы христианства, кризиса религии. И только в воспринятии неизбежности обращения к религии и в создании новой интеллигенции видит Мережковский залог национального возрождения России.

Привлек общее внимание и вечер докладов на тему „Церковь и общество" на Высших Женских Курсах (Бестужевских). Здесь выступает ряд ораторов. Прот. Ф. Д. Филоненко говорит

о пробуждении жизни в церкви, которая до недавнего времени была скована, находилась в параличе. Теперь ничто не мешает интеллигенции идти в церковь. Но и церковь должна расширить свои задачи. Церковь, согласно С. Н. Булгакову, должна вместить в себе не один только дом для инвалидов и богадельню, но и рабочую мастерскую, и рабочий кабинет, и художественную студию. Как Дмитрий Карамазов из тюремного застенка, верующие русские люди при всех обстоятельствах будут воспевать гимн духу и возглашать „Осанна Христу". Профессор Иван Михайлович Гревс отметил, что наша революция совершилась без Бога, без молитвы, без колокольного звона. Она оказалась и без идеалов свободы, равенства, братства... Интеллигенция наша мало религиозна. А надо больше ценить веру. Выше надо поднять стяг религии во имя спасения нации. Безбожие, безумие, беспутство тесно связаны между собою. Религия не порождение невежества, не выдумка,—она душа культуры. Она душа и нации, живой нации, имеющей свое лицо. Церковь—хранительница единства нации. Не механический интернационал, а органическое единство нации и всего человечества возможно только через религию и церковь. Интеллигенция должна идти к религии, помочь церкви.

Профессор О. А. Добиаш-Рождественская подчеркнула, что интеллигенция все же как-то была связана с церковью. Нельзя выбросить из жизни, например, церковного брака, забыть пасхальные колокола. Многие незаметно для себя питались вещей мудростью и вечной красотой религии и церкви. Достоевского можно причислить к отцам церкви. Силы небесные невидимо служат в художественных созданиях Нестерова, Врубеля, Римского-Корсакова. Все же интеллигенция мало давала церкви мало ее ценила. Вместо того, чтобы работать внутри церкви, устраняя недостатки церковной жизни, она уходила из церкви, как уходила она и от государства. Между тем церковь была всегда с народом в трудные минуты его истории. И теперь она с нами в страстную неделю русской жизни. Надо беречь церковь, защищать остатки нашего культурного богатства.

А. С. Судаков отметил те высокие ценности, которые несет церковь для оздоровления нашей больной гражданственности: сознание долга, чувство совести, идею жертвы и братской любви.

Русь строилась вокруг алтаря. Безрелигиозная революция оказалась беспочвенной, изжила себя в кровавом тумане произвола, убийств, грабежей, корысти. От боли и скорби, от великой, от великой печали наших дней люди идут в церковь. Горьким опытом приходят к сознанию, что без веры, без алтаря не может строиться ни жизнь личная, ни общественная, ни гражданская. Около стен церковных разбиваются демонические разрушительные силы. Надежда возрождения России в крепком союзе совести и разума, церкви и общества, религии и культуры.

Петроград с нетерпением ожидал приезда Тихона.

Тихон в Москве продолжает тем временем проводить свою контр-революционную политику. Так, депутации рабочих гор. Дмитрова Тихон предложил назначить особый день молитвы, когда он сам вместе с ними будет просить у Бога прощения за грехи сынов России, высказав полную уверенность, что великая наша родина через Христа и его церковь непременно должна возродиться и воскреснуть к новой свободной жизни.

Церковная пресса с удовлетворением отмечает тот факт, что 29 апреля 1918 года на Украине избран гетман Скоропадский, который, приветствуемый народом, отправился на площадь перед Софийским собором, где состоялось торжественное молебствие, совершенное епископом Никодимом и городским духовенством с провозглашением многолетия гетману Павлу. В выпущенном к украинскому народу манифесте гетманском провозглашается „государственной религией православие, но всем другим вероисповеданиям предоставлена полная свобода".

В это же время в России начинаются еврейские погромы. Как отмечает „Красная Газета" в № 68: „холопы капитала, побежденные революцией, калединцы, дутовцы, предатели народа и обманщики—попы пробуют использовать старое испытанное средство царских опричников—натравливание темных несознательных масс на евреев". И „Новая Жизнь", устами Десницкого (№ 94) упрекает духовенство „в освящении им какой угодно реакции, в благословении каких угодно погромов". Часть духовенства—прот. Н. И. Егоров, прот. Н. Дроздов и я—протестовали против этих печальных фактов. Политические вопросы неустанно приковывают внимание церковников.

Так, 17 мая в Князь-Владимирском соборе в Петрограде К. И. Федюшин делает доклад на тему „Мысли и впечатления о февральской революции в связи с вопросом о положении церкви и ее отношение к революции".

Наконец, наступает день первого (и последнего) посещения Тихоном Петрограда. Общественное мнение подогревалось все время. Идея патриаршества, совершенно чуждая русскому религиозному сознанию, мало трогала сердца и после восстановления патриарха. И не из чисто-религиозных побуждений устраивается грандиозная, стоившая громадных сумм, встреча Тихона. Лучше всего можно об этом судить по передовице „Петроградского церковно-епархиального вестника"—„Торжество из торжеств" (№ 16): „Церковное торжество ширится и растет... И дни пребывания патриарха останутся незабываемым праздником для Петрограда, который пережил так много ужасных, кошмарных моментов. Среди окружающей тьмы показался просвет. Среди исступленных криков сатанинской вражды и злобы, стонов отчаяния, среди отовсюду несущихся вздохов уныния и скорби раздались так ясно слова братской любви, утешения, ободрения. Для измученных, исстрадавшихся, безутешных пронеслись апостольские слова, такие нужные, такие бодрящие: „стойте в вере, мужайтесь, крепитесь!" Словно влага живительная на землю иссохшую падают они на сердца истомленных людей. Утешают. Ободряют. Обновляют. Прочитайте речи патриарха. Одумайтесь. Вникните в них. Сколько радостной надежды пробуждают его слова. Какая глубокая, крепкая вера слышится в них. „Хмара жизни пройдет,— говорит первосвятитель церкви русской,— темное облако рассеется", „священный огонь веры спасет родину" и „снова засияет свет Христов и осветит страдающую матушку Русь", „встанет русский народ, как Иов из гноища своего"... Сейчас нет необъятой, растянувшейся на тысячи верст от моря до моря единой, великой, могучей Руси. Она повержена в прах. Руки свои и чужие разодрали ее на части. Вместо России—Сибирь и Украина, Дон и Кубань, Кавказ и Волынь. Все от единой России отпавшие части. Но в далекой, суровой Сибири, благословенной Украине, в богомольной Волыни, на берегах Кубани и Дона, в горах и долинах Кавказа—жива еще вера. Единая эта вера когда-то совершила великое чудо: раз-

дробленную, разрозненную и без конца враждующую Русь собрать воедино. И верим—чудо повторится. И если не мы, то „новая, будущая Россия“, как сказал в одной из своих речей святейший патриарх, увидит это чудо. И оно уже начинается теперь. Его признаки показались. Прозревает народ. Сползает постепенно с глаз его пелена. Снова среди бурного житейского моря тянется к церкви, как к пристани тихой, на яркий свет маяка. И „в том самом обстоятельстве, что верующие люди здесь и повсеместно,—говорит святейший,—объединились около храмов и не дают их в обиду—в этом великое будущее нашей церкви и всей нашей родины“.—„В борьбе обретешь ты право свое“,—кричат вожди социализма. „В вере найдешь ты спасенье свое русский народ“,—вот что сказал нам своим приездом, своими речами единый вождь церкви православной, святейший патриарх всероссийский Тихон“.

Тихона торжественно встречали. Но это официально. Народ не был затронут. Народу чуждо патриаршество. Я был на служении Тихона в Исаакиевсхом соборе. Никакого подъема. Тщетно священник Платонов в длинной и трескучей речи разогревает несуществующие религиозно-патриотические чувства верующих. Как литургия, так и крестный ход вокруг собора лишены всякого массового одушевления. Да, консервативное духовенство было радо. Да, светские контр-революционеры, патриоты и националисты в Тихоне видели начало политического реванша. Но народ, несмотря на многочисленные впрыскивания патриотизма и любви к патриарху, как носителю патриотической идеи, „безмолствовал“... Правда, были инсценировки. Но сколько для этого было затрачено усилий! И какая агитация! Вот речь Тихону кафедрального протоиерея Н. Г. Смирягина: „Ваше святейшество, Христос воскрес! Благословен грядый во имя Господне. От всей петроградской епархии имею высокую честь приветствовать ваше святейшество с прибытием в нашу столицу для утешения и ободрения всех здесь живущих православных христиан в переживаемое ныне нами тяжелое время гонения на православную церковь и ее священнослужителей. Уповаем, что ваша святыня ободрит и побудит нас в эти тяжелые дни еще более и более бороться с гонителями церкви православной. За время существования на Руси патриархов вы, святейший владыко, пер-

вый из патриархов посетили богоспасаемый град св. Петра. Грядите же с миром, святейший избранник Божий, в сию обитель покровителя нашего града, св. благоверного великого князя Александра Невского—обитель в недавнее время пострадавшую от врагов православия и даже обагренную кровью одного из священно-служителей Божих. Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!"

Патриарх несколько раз служил. Патриарха чествовали в знаменитом братстве приходских советов. Здесь произносятся реакционные речи и епископами, и протоиереями, и мирянами. На все это Тихон отвечает соответствующими репликами и речами Наиболее интересна речь патриарха Тихона в соборе Александро-Невской лавры, по прибытии его в Петроград: „Устроением промысла Божия первый приезд мой к вам, как патриарха, совпадает с днями конца светлой Пасхи. Святая церковь надолго собирается отложить дивные и чудные пасхальные гимны. Сегодня мы еще слышим ее победный зов: „Христос воскрес", но уже завтра вечером в наших храмах иные песнопения, торжественные, но вместе с тем с ноткой какой-то грусти—песнопения, прославляющие вознесение Господне, и в совпадении сих событий, в этой смене переживаний и настроений наши сердца полны радости с оттенком тихой грусти, которой были объяты сердца святых аппостолов, когда они расставались с своим божественным учителем. В этом совпадении нам урок того, как всякая радость „печали бывает причастна". И когда я вступал в сей священный град, когда видел великое множество встречавших меня людей—в сердце моем была радость, что не оскудела вера православная среди русских людей. Но, с другой стороны, видя умиленные лица, я замечал и некие слезы на них. И в самом деле. Град сей давно мне известен. Я знал его, когда учился в здешней академии, но я всегда привык его видеть несколько иным. И теперь при посещении этого града невольно вспомнились мне слова пророка Иеремии, как он некогда оплакивал Иерусалим, называя его „вдовицей, видевшей лучшие дни, но испытывающей принижения". Нельзя не заметить увядания этого града. Вместе со всею матерью родиной нашей большие терпит он скорби и поношения. Великая Россия, удивлявшая весь мир своими подвигами, теперь лежит беспомощная и терпит унижения

И, конечно, не может не испытывать скорби всякий русский верующий человек. Однако, скорбь наша не может быть безмерной. Как апостолы, расставшись с учителем своим, выступили на проповедь с радостью, так и мы не должны унывать, не должны падать духом, не должны отчаяваться. В том самом обстоятельстве, что верующие люди повсеместно объединились около своих храмов и не дают их в обиду, как это было и у вас, в этом залог великого будущего нашей церкви православной и всего нашего народа. Когда в приветствиях, которыми встречали меня здесь, у врат этой святой обители прозвучали слова: „Благословен грядый во имя Господне"...—я припомнил слова Иисуса Христа, обращенные им к Иерусалиму: „о, если бы град сей хотя теперь познал бы, что служит ко спасению его". Но я взираю на вас с утешением, потому что вы знаете, в чем заключается наше спасение. Спасение в церкви Божией, в вере нашей в Бога. Она только может нас спасти и избавить от тех несчастий, которые всюду облегают нас. Конечно, нужны и преобразования, нужны и реформы. Но главное не в этом. Главное—это возрождение души нашей, об этом надо позаботиться прежде всего. Как Иов многострадальный потерял все, что имел, был терзаем, страдал, мучился, но не потерял веры в Бога и вера эта спасла его и возвратила ему все потерянное и утраченное, так и нам Господь попустил переносить великое страдание, поношения и обиды, попустил потерять многое из того, что мы имели раньше. Но была бы только крепка вера православная, только бы ее не утратил русский народ. Все возвратится ему, все будет у него и восстанет он, как Иов от гноища своего. Пока будет вера—будет стоять и государство наше. Воспламеняющий огонь ревности Божий спасет родину нашу, но только спасение это надо искать не в захватах, не в обогащении на счет другого, а напротив, стремиться с любовью помогать друг другу, „честью друг друга больше творяща". Пример для нас—небесный покровитель этой святой обители и всего града—благоверный великий князь Александр Невский. Он жил в тяжелые времена. Защищал отечество свое и веру православную от натиска на нее со стороны неверных. Принужден был ездить в Орду, переносил там и унижения, и поношения, и всякие невзгоды, но мужественно противостоял всем вражеским козням и,

крепкий духом, он сам одерживал блестящие победы над врагами здесь же, на этих самых местах, где мы с вами находимся. Помолимся же ему, помолимтесь с верой и надеждой на его святую помощь и защиту. „Познай свою братию, Российской Иосифе, не в Египте, но на небеси царствуяй“... Вспомни землю нашу, когда-то обильную, текшую „медом и млеком“, а ныне оскудевшую. Спаси, угодник Божий, своим предстательством перед престолом Божиим всех верных рабов твоих, уповающих на тя и прибегающих под кров твой святой“.

Эта речь—политическая платформа Тихона. Произносится она в Петрограде, где после революции, несмотря на пребывание патриарха в Москве, продолжал быть идейный и фактический центр церковной жизни. Поэтому программная речь приобретает особое значение. Но смысл тот же, что и всех выступлений церкви после революции вообще, после Октября в особенонсти: церковь возвратит старое. Подновленное, может быть, еще как-нибудь, но вернет. Реванш через церковь—таков лозунг реакции. Таково поведение церковных контр-революционеров.

Тихон уехал в Москву, и после его приезда открывается третья сессия собора, от которой не сохранилось доступных для меня документов (по слухам, они хранились у одного из секретарей собора, но у меня их не было при написании этой книжки). О работе приходится судить по отрывочным документам и сообщениям отдельных членов собора. Так, по сообщению члена собора Михаила Глаголева, „третья сессия началась под Дамокловым мечом; работать приходится только по сознанию важности и необходимости работы“. Дамоклов меч Глаголев видел в утверждениях советской прессы, что собор „очаг контр-революционной деятельности“. Одним из первых вопросов, которые обсуждались на соборе в третью сессию, была оценка постановления совета народных комиссаров о том, что иконы, находящиеся в Кремле, согласно декрету, есть народное достояние. Исходя из этого прецедента, собор посвящает особое закрытое заседание с присутствием патриарха для разработки вопроса об ограждении святынь в храмах.

Работы собора совпадают с лево-эс-эровским восстанием, когда, при его ликвидации, Советская власть переходит к репрессиям в отношении контр-революционеров. Пострадали и церков-

ные контр-революционеры: епископ Адроник Пермский (перед смертью проклявший свою епархию за то, что она его не защитила), Гермоген, епископ Тобольский, Ефрем, епископ Селенгинский, священник Кудрявцев, миряне Бялыницкий-Бируля, и Г. И. Полонский и нек. др. Это очень встревожило собор. На Тихона возлагают надежды освободить их. На Тихона возлагаются именно в это лето, в связи с вспышкой контр-революции, и большие надежды. Так, Федор Парнау, в статье „Наши ближайшие задачи" (в „Петроградск. Церк. Вестнике", № 20) пишет: „Нам необходимо во чтобы то ни стало вернуть отечество—в этом наша первая и основная задача. Вы спросите: „по силам ли церкви такая задача?"—Да, безусловно по силам, если только ее дети захотят помочь ей в этом великом строительстве. Раз навсегда отделенная от государства, руководимая единым своим вождем—патриархом Московским и всея Руси, Церковь образует свое государство—государство Божие... В настоящее смутное время сам Бог велит патриарху Московскому стать собирателем и об'единителем земли русской".

В это же время в зарубежном стане, в стане контр-революции, у всех этих Колчаков, Деникиных el tutti quanti духовенство выступает, как активное, того более—аггрессивное политическое, контр-революционное начало.

Достаточно вспомнить работу Андрея, епископа (в мире князя Ухтомского) Уфимского у Колчака и все эти многочисленные полки Иисуса, Богородицы и т. д., где священники вели массы во имя Христа сражаться с большевиками.

Это уже крайний предел контр-революционных выступлений забывших Христа батюшек.

30 августа собор издает „определение об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания": 1. Святые храмы и часовни со всеми священными предметами, в них находящимися, суть достояние Божие, состоящее в исключительном обладании святой Божией церкви в лице всех православно верующих чад ее, возглавляемых Богоучрежденной иерархией. Всякое отторжение сего достояния от церкви есть кощунственный захват и насилие.

2. На каждом православном христианине, по самому званию его, лежит долг всеми доступными для него и не противными

духу учения Христова средствами защищать церковные святыни от кощунственного захвата и поругания.

3. Никто из православных христиан под страхом церковного отлучения да не дерзнет участвовать в из'ятии святых храмов, часовен и священных предметов, в них находящихся, из действительного обладания святой церкви.

4. Церковно-приходские собрания и прочие хранители священного церковного достояния, не имея права передавать церковное имущество из обладания церкви, могут передавать по требованию мирских властей лишь описи храмов и находящихся в них предметов. В случае назначения проверки церковного имущества по наличности, они должны строго наблюдать, чтобы проверка совершалась при участии клира и членов приходского совета или монастырского братства, и чтобы отнюдь не было допускаемо при этом прикосновения к священным предметам со стороны лиц, не имеющих священного сана, и вхождения в алтарь лиц иноверных, что было бы кощунством.

5. В святых храмах, подвергшихся насильственному захвату или кощунству, отправление службы Божией распоряжением местной епархиальной власти может быть прекращено.

6. В случае явного небрежения или безразличия прихожан к захвату и поруганию своих святынь, храмы таковых приходов закрываются распоряжением местного епархиального архиерея, и отправление общественного богослужения, а в исключительных случаях и некоторых частных треб в приходе, прекращается впредь до полного раскаяния виновных.

7. Святые храмы и прочие священные предметы, взятые мирскою властью в свое обладание, могут быть принимаемы от нее на хранение и соответственное пользование не случайными соединениями лиц, именующими себя православными, а лишь православными приходами, братствами и иными церковными организациями, с разрешения епархиального архиерея, на общих церковно-канонических основаниях.

8. Приходы и другие церковные организации, принимающие на вышеуказанных условиях (ст. 7) в свое обладание святые храмы и священные предметы, могут в письменном, по требованию мирской власти, заявлении взять на себя ответственность только: а) за целость и сохранность принимаемого церковного

имущества и б) за пользование им лишь соответственно его религиозно-церковному назначению.

9. В случае хотя бы временного перехода православного храма в фактическое обладание чуждых и враждебных православной церкви лиц, соединенное с прикосновением их к священным предметам, прежде возобновления богослужения в таком храме и обращения священных предметов к их употреблению необходимо освящение их по установленному церковному чину.

10. Лишившаяся храма и его святынь община православных христиан объединяется около своего пастыря, который, с разрешения епархиального архиерея, может совершать божественные службы, не исключая и литургии, в частном доме или ином приличествующем помещении.

11. Необходимые для богослужения предметы приобретаются в таких случаях на добровольные даяния верующих, при чем священные сосуды могут быть без всяких украшений на них, а облачения из простой ткани: да будет ведомо всем, что церковь православная дорожит своими святынями по их внутреннему значению, а не ради материальной ценности, и что насилия и гонения бессильны отнять у нее главное сокровище—святую веру, залог ее вечного торжества, ибо „сия есть победа, победившая мир, вера наша" (I Иоан. 5,4).

Это определение явилось как дополнение определения Собора „о церковном имуществе и хозяйстве" от 24 августа 1918 г., которое гласит так:

„1. Имущество, принадлежащее установлениям православной российской церкви, составляет общее ее достояние.

2. Высшая власть в распоряжении церковным имуществом принадлежит всероссийскому священному церковному собору.

3. Отдельные церковные установления, владеющие имуществом на праве собственности, распоряжаются им в согласии с правилами церкви, постановлениями всероссийского церковного собора и распоряжениями высшего церковного управления, под надзором последнего.

4. Церковные правила о церковном имуществе и хозяйстве издаются священным собором православной российской церкви и, по его уполномочию, Высшим Церковным Управлением в пределах предоставленных последнему прав.

5. Заведывание церковным имуществом и хозяйством и контроль над ними священный собор православной российской церкви осуществляет через устанавливаемые им учреждения, действующие на основании особых о них положений, утверждаемых священным собором.

6. Священный собор и высшее церковное управление, в пределах предоставленных ему прав, могут облагать имущество и доходы отдельных церковных установлений и устанавливать иные виды сборов и обложений на общецерковные нужды.

7. Определение на церковные нужды сборов и иных видов обложения предоставляется также и отдельным церковным установлениям в пределах присвоенных им прав.

8. Принадлежащее церковным установлениям движимое и недвижимое имущество, в том числе и денежные суммы, могут быть употребляемы только на цели, соответствующие назначению владеющего имуществом церковного установления.

9. Средства, ассигнуемые на нужды православной церкви из государственного казначейства, расходуются по прямому своему назначению: счетоводство и отчетность по этим суммам ведутся на основании существующих на этот предмет общих государственных правил.

10. Означенные в статье 5 учреждения ежегодно представляют отчеты о церковном хозяйстве и имуществе Высшему Церковному Управлению; отчеты эти сообщаются во всеобщее сведение.

11. Отчеты о церковном хозяйстве и имуществе за междусоборное время представляются Высшим Церковным Управлением на рассмотрение всероссийского священного церковного собора“.

Сухой документ... Но расшифруйте его. Каждая его строчка есть отрицание существующей государственной власти.

Церковная контр-революция действует не только путем погромных воззваний, но и путем таких сухих, деловых постановлений. Оба приведенных „определения“ в корне отрицают декрет об отделении церкви от государства. И это не что иное, как практическое обсуждение и предписание, как обходить этот ненавистный декрет: по декрету все имущество церкви принадлежит государству.

По соборному определению—самой церкви. По декрету, исключается единая церковная касса. По соборному определению—ведется даже церковно-государственная отчетность этой кассы. Словом, совершенно вопиющее, явное, антигосударственное выступление—вот что представляют из себя эти по виду скучноватые, как будто не имеющие большого значения, соборные определения.

Но—это уже последние „труды“ собора.

Левс-эсэровское восстание отчасти заставило задуматься церковников. То, что оно так легко было ликвидировано, это обстоятельство заставило церковников сбавить тону, но в то же время продолжается работа по укреплению уже занятых контр-революционных позиций. С замиранием церковной жизни в Москве она с интенсивностью бьет в Петрограде.

Братство приходских советов перестраивает свои ряды, выравнивается. Избирается новый штаб братства—совет его. В него входят уже испытанные борцы против советских начинаний: Ковалевский, Троицкий, Судаков, прот. Рудинский, прот. Кедринский, Вишняков, Ковшаров, Молчанов, Засыпкин, Никаноров и Панчулидзева. Напоминаю, что основной задачей этого братства было—противиться декрету об отделении церкви от государства. В председатели правления был избран прот. Н. С. Рудинский, который и подтвердил снова эту задачу братства в следующих выражениях: „нас обвиняют в том, что братство стремится к власти. Нет! Это глубокое заблуждение: никакой власти братство не ищет. Наша главная задача в том, чтобы оживить приходскую жизнь и деятельность на местах, спаять всех приходских деятелей узами тесного братского единения, оказать взаимную поддержку друг другу не только моральную, но, если потребуется, то и материальную. Времена теперь тяжкие и для жизни церковной опасные. Необходимо единение всех ревнителей веры и церкви, всех радеющих о ее благе. Необходима общая, дружная защита церковного достояния, а это всего лучше достигается путем такой мощной организации, как братство приходских советов. И мы верим, что рано или поздно, но все пастыри и миряне поймут великую идею братства, как поняло и одобрило ее чрезвычайное епархиальное собрание, принявшее намеченные братством предположения, и братство, под мудрым

водительством и попечением нашего архипастыря, сослужит свою службу на пользу епархии и родной нашей церкви"

Новый штаб повел новую кампанию. 29 июля он открывает чрезвычайное собрание приходских советов. Предметом собрания был вопрос о мерах защиты веры и церкви в виду циркуляра комиссариата просвещения северной области об изъятии из школ предметов религиозного почитания. Собрание было необычайным. На нем присутствовали не только православные, но и представители церквей англиканской, римско-католической, евангелическо-лютеранской и реформатской, мусульманский имам и иудейский раввин. Как пишет об этом собрании официальный епархиальный рецензент: „общая опасность подсказала общий язык и создала общий фронт, который объединяет всех, кому дороги вдохновения веры и на знамени которого написана борьба, неустанная, энергическая, против религиозного насилия, против безумной попытки отнять Бога у измученного и истерзанного народа. Опасность пройдет, рассеются тучи, так низко и так грозно нависшие над нашей страной; однако не рассеется очарование братского общения всех чтущих единого Бога.

Друзья, соратники в борьбе, не могут уже быть врагами в мирной работе. Так печаль превращается в радость, и среди скорбей настоящего раскрываются, светлыми зарницами вспыхивают надежды бодрого, радостного в будущем. Причудливые пугающие тени обычно бродят в предрассветном мраке".

Собрание открывает епископ Геннадий, заявивший: „Наше собрание является необычным. Нам предлагают веровать не так, как хочется. Это есть лишение свободы веры. Открытое посягательство на веру нашу заставило нас собраться для того, чтобы вынести решение—как мы должны относиться к самым важным святыням нашего сердца, как мы должны ответить на него".

Слово предоставляется прот. Рудинскому, который заявляет, что невозможно было молчать в виду этого циркуляра и что необходимо суждение по этому распоряжению с точек зрения педагогической, юридической, общественно-социальной и вероисповедной. „Пусть Господь Бог даст нам единство в мыслях, даст дерзновение поднять свой голос на защиту веры", закончил прот. Рудинский.

Следует ряд ораторов. Говорит Ковалевский, говорит Ковша-

ров, утверждающий, что циркуляр противоречит декрету об отделении церкви от государства. Засыпкин жалеет, что у нас нет Наполеона, который мог бы бороться с большевиками. Представитель старообрядцев Комарницкий заявил, что старообрядчество твердо решило „костьми лечь“, но икон не выносить, отказаться от всех казенных субсидий, от всех прав и преимуществ, но школу сохранить в прежнем виде. После речи англичанина Ломбарда говорит представитель римско-католического исповедания, почетный каноник о. Мациевич. „Мы собрались, сказал между прочим Мациевич,—чтобы сообща обсудить меры, как надо действовать. Резолюции—это бумажный материал. Нам нужно обдумать способы и методы действования. Мы представляем из себя мощную организацию церковную и, если будем действовать одним духовным соединением, то можно многое породить и создать. Мы рождены в церковной организации, но не учитываем ее силы. У нас есть свое непобедимое оружие— это огонь любви Христовой, огонь преданности Христу. У нас есть меч—слово церковное и слово Божественное, которым побеждаются народы. Необходимо сейчас организовать большие собрания верующих людей, надо идти на фабрики, на заводы, разъяснять всем истинный смысл всех безрелигиозных мероприятий и начинаний“. Пастор Виллегероде, магометанский имам ахун Девлеканов, раввин Айзенштадт говорят в подобном же первым ораторам духе и смысле. К ним присоединяется и пастор Теман. Интересна речь второго римско-католического священника, прелата Буткевича. Он говорит, что дело „не в том, что соберутся и будут говорить. Нет, надо придти к конкретному, определенному решению. Я человек более практик, чем философ. И поэтому полагаю необходимым создать особый комитет для распространения идей нравственной силы. Нужно войти в психологию людей, которые занимаются реформами. Сейчас провозглашен лозунг демократизма. Вот мы и войдем в психологию демократизма. Пусть голос народный раздастся везде, и тогда все должны будут прислушаться к этому голосу“.

Принимается резолюция к Советской власти, заканчивающаяся следующим абзацем: „чрезвычайное собрание единодушно выражает свой горячий протест против возможности насильственного удаления из школ предметов религиозного почитания и едино-

гласно постановляет: обратиться к подлежащим советским властям с требованием о немедленной отмене незаконно изданного товарищем областного комиссара по просвещению Гринберга циркулярного распоряжения от 12 июля 1918 года, за № 45".

Но, памятуя слова о. Мациевича, что „резолюция—это бумажный материал", собрание заслушивает прот. Ф. Н. Орнатского, который, ссылаясь на крестный ход в защиту Александро-Невской лавры, рекомендует снова такую же церковно-политическую демонстрацию. „Речь о. Орнатского,—сообщает официальный корреспондент,—вызвала общий, вполне понятный энтузиазм и бодрое настроение".

После о. Орнатского говорит свящ. Н. Чепурин. „Нас ожидает борьба,—говорит председатель миссионерского совета.—Я не знаю, чего страшиться. Стихия церковной жизни—есть стихия борьбы. Было мучительно видеть, как прежде настроение ведомства православного исповедания зависело от улыбки цезаря. Благословен тот час, когда наша церковь, захваченная борьбой, „станет на свои ноги и в правовых подпорках не будет нуждаться"... Говорят еще и еще. Конкретного, однако, кроме резолюции, ничего не придумали.

Церковная пресса отметила это собрание как „историческое", но ему обрадовались[1] и кадеты в „Нашем Веке", квалифицировавшие устами Д. Философова это собрание, как „незаметное чудо".

Между тем политические событие шли своим чередом. После лево-эсэровского восстания последовал ряд покушений: Володарский, Урицкий, Ленин. После этого круто изменяется государственный режим. Правительство на насилие отвечает организованной репрессией против всех врагов рабоче-крестьянской власти. Испытала и церковная контр-революция эту тяжкую карающую руку государства. Прекращает свое существование собор, закрываются контр-революционные церковные органы печати, пострадали и некоторые активные антисоветские церковные деятели.

Правда, и после этого Тихон и его штаб при каждом удобном случае пытаются играть роль защитников реакции национализма в противовес большевикам, но все это уже так скромно, тихо, незаметно.

Государство, задавив видимую церковную контр-революцию, оставляет церковь в покое. Оно лишь разоблачает церковные обманы—всю эту бесстыдную торговлю около обманных нетленных мощей,—да преследует отдельных церковников, забывавших свое назначение служить Христу и променивавших Его на подслуживание отечественной и международной реакции.

ГЛАВА VIII.

Мертвый период.

После окончания собора церковь вступает в период мертвого штиля. По внешности все благополучно. Государство не теснит церковь. Придерживаясь принципа невмешательства во внутреннюю, чисто религиозную, жизнь церкви, государство предоставляет церкви полноту раскрытия чисто-религиозных возможностей. Но церковь не только не учла, но и не захотела учесть этого. Тихону и собору было благоугодно стать на точку зрения гонимой церкви.

Церковь сжалась. Когда активное сопротивление церкви государству было могучим государственным аппаратом сломано, тогда церковь накапливает свои силы в тихой, незаметной, казалось, работе внутри церкви. В церковной жизни увеличивается религиозность. Массы новообращенных заливают дворы Господни. И отчасти здесь вспыхивает подлинное религиозное состояние духа. Появляется забота о нравственности, возрождении души чему крайне способствует благодать таинств. Но, на ряду с этим глубоким и серьезным процессом, мы видим именно в этот период торжество в церкви тех сил реакции, которые влились в церковь „не ради Иисуса“, а ради „скверных прибытков“, ради сохранения сил страны для реставрации прежней государственности в том или другом виде.

Церковники очень умело начинают использовывать консервативную настроенность религиозного человека вообще. Ложно понятое христианство в виде священных собраний никому ненужных

церковных окаменелостей весьма способствовало такому намерению политиканствующих церковников. Что в период 1919—1921 гг. церковь была политическая контр-революционная партия, этого, утверждать нельзя. Но, что церковь именно в этот период была концентрационным контр-революционным лагерем, церковно-контр-революционным клубом, куда стекались все ущемленные советским режимом больные и обломленные души— это, тоже, конечно, факт.

Штурм Советской власти с высоты колоколен не удался. Все анафемы не помогли. Враг оказался много сильнее, чем предполагалось. Надо переменить тактику. Вместо прямого наступления—антисоветская агитация; сеяние недовольства, путем проповеди, через устные наставления при требах, при епархиальных объездах архиреями.

Каждая почти праздничная приходская, скажем себе, трапеза была контр-революционным сходом церковных сил. Невинно? Нет, церковь продолжала совершенно определенно вести ту линию, которую она вела на соборе. „Большевики сломят себе голову о церковь“ вот сердечное убеждение церковных людей. Широкая церковная масса жадно впивает всю ту провокаторскую работу, которую в это время проделывают как ответственные вожди церкви, так и рядовое духовенство. Говорю „провокаторскую“— ибо духовенство, посвятив себя Христу Спасителю, конечно, провоцирует свое дело, если вместо утверждения на земле Правды Христовой занимается подготовкой (хотя бы психологической) свержения неугодного государственного строя. Интеллигенция в этот период наносит особенный вред церкви.

Именно она, лживо ко Христу подошедшая, является виновницей всех тех многочисленных бед, которые обрушились на церковь в 1922 году. Эта новая церковная интеллигенция (есть, конечно, превосходные исключения) занимается организацией церковных сил, понуждает робких и нерешительных батюшек браться хотя, может быть, и за привычное, но, несомненно, несвойственное им политиканство, подготовляет народ к открытому выступлению против Советской власти при первом удобном случае. Интеллигенция и кулачество проникают в церковно-приходские советы, которые являются в этот период опорными пунк-

тами для проведения тихоновской политики. Здесь, именно здесь, согласно тихоновскому замыслу, концентрируются все наиболее активные консервативные силы. По внешности, повторяю, в этот период все более чем благополучно, никаких сколько-нибудь определенных лозунгов, призывов, понуждений,—ничего этого не делалось в это время. Церковь как будто с головой ушла именно в свою прямую чисто-религиозную работу. У многих действительно-религиозных людей даже могла создаться (и создавалась, сужу по себе) иллюзия, что церковь поняла свое назначение, что властная жизнь заставила церковь идти действительно-церковным путем. Это были прекрасные иллюзии, грубо оборванные трагической историей с церковными ценностями.

Однако, история эта была еще далека. В 1919, в 1920 годах, несомненно на ряду с притаившейся, забившейся глубоко в землю струей контр-революции, в церкви шумели весенним побегом воды подлинной религиозности. Кто начинал питаться этими водами, тот терял вкус к контр-революции. Некоторое религиозное творчество, в сущности более чем незаметное, убивало, однако, ту консервативную основу религии, которая является основой и консервативизма политического, т.-е. контр-революционности. Подлинная религиозность, внутренне, психологически, есть революция духа и как таковая, неприемлема, опасна для церковных политиков. Вот почему штаб Тихона встревожен всем эти вольномыслием и вольнодействием некоторых церковников. Реакция тихоновщины больно ударила по той прогрессивной части духовенства, которое некогда объединялось в демократический союз духовенства и мирян. Начинается персональное гонение на наиболее видных священнинико в этого направления. Так, протоиерей Егоров лишается прихода и принужден для молитвенных собраний нанять залу на Верейской в Петрограде. Так он и умер, отторгнутый официальной церковностью. Другие деятели союза уцелели. Более того, по местам они стали приобретать чисто-религиозное влияние на массы. Но—это было против планов тихоновской клики. И вот замышляется в Москве осенью 1921 года грандиозный план удушения этого вольного, но именно потому и не контр-революционного движения. Под влиянием епископа Петра Полянского Тихон подписывает декрет, запрещающий какие-бы то ни было новшества в церкви под угрозой самых крайних мер цер-

ковного взыскания. Декрет рассылается по всей России и особый отклик находит в Петрограде. Здесь почти поголовно всем духовенством этот декрет приветствуется, как кладущий, наконец, предел неугодному реакционерам явлению. Однако, этот же декрет, являющийся апогеем тихоновского консерватизма, явился и переломным моментом в истории тихоновщины. Он оказался психологически неприемлемым для многих. В Москве протестует в лицо самому Тихону священник Иоанн Борисов. В Петрограде к митрополиту Вениамину с протестом против действий Тихона и его отправляется депутация из архимандрита Николая Ярушевича, протоиереев Боярского, Сыренского, Белкова, Кремлевского и меня. Мы насторожились. Дальше идти нельзя. Идти назад? Это значит рухнуть в бездну отречения от живого и подлинного Христа. В Вениамине сочувствия мы не встретили. Более того, он отнесся к нам враждебно, не поняв нас. Но, в разговоре, когда мы выяснили ему весь ужас, который несет за собой декрет Тихона, все же получили его благословение служить и работать попрежнему, не взирая на волю Тихона. Это был своего рода революционный шаг со стороны Вениамина. По другим епархиям декрет Тихона принимается к сведению и исполнению. Некоторых охватывает отчаяние—сознание бесплодности пастырского делания, лишенного творчества и инициативы, как того требовал дух и буква тихоновского циркуляра. Прот. Боярский хочет уйти от активной работы, другие решаются не подчиняться ни за что, утверждая, что этот декрет затрагивает их религиозную совесть. А, в общем, все это единицы. Мрачные оо. протоиереи и черносотенцы епископы торжествуют. Тягостно даже вспоминать этот период.

ГЛАВА IX.

Изъятие церковных ценностей.

Совершенно неизвестно, чем бы кончилось это тягостное состояние, если бы не голод, не ужас невиданного ужаса. Летом еще 1921 г. на помощь государству приходят всевозможные общественные организации. Отчасти приходит и церковь. Патриарх Тихон пишет очень красивое послание к народам мира и к православному человеку, призывая его к жертвенному подвигу. Но помощь церкви была невелика и не существенна. А голод растет. Размеры его достигают чудовищного. Кошмар, которого еще никогда не переживала Россия, а, может быть, и весь мир. Массовое людоедство. И так естественно, религиозно-психологически, казалось бы, неизбежно должна была бы церковь, мать всех скорбящих и обиженных, поделиться от щедрот многоценных сокровищ своих, чтобы ими накормить голодного. В сентябре 1921 г. я отправил, при посредстве о. Евг. Хр. Белкова, воззвание в „Красную Газету", где просил церковных людей поделиться церковными ценностями с голодными. Это воззвание не было напечатано. Прот. Боярский также предлагает эти же мысли. Волжские епископы: Иов, Досифей, Евдоким, и др., видя, так сказать, своими глазами ужасы бедствия, понуждают свои епархии отдавать церковные ценности для голодных. 20 февраля 1922 г. на страницах „Петроградской Правды" я помещаю свое воззвание к христианам всего мира и к православным в частности, умоляя их, во имя лучших заветов нашей веры, отдать ценности церкви голодным. И тотчас же поднялся вой, крик злобы.

Я был объявлен врагом церкви, продавшимся большевикам. В течение месяца я был обсолютно одинок. И лишь потом ко мне примкнули мои друзья, еще 11 священников. Составилась группа двенадцати священников, которая решила стоять друг за друга и за свое дело даже до конца. Это была большая религиозно-моральная сила, влияние которой сказалось не только в Петрограде, но и по всей России. Между тем, Тихон издает декрет, запрещающий помогать голодным: основываясь на неверных канонах, Тихон не позволяет реализировать церковные богослужебные ценности. Конечно, каноны говорят как раз обратное тому, что о них утверждал Тихон. И много честных священников и богословов имели мужество противостать Тихону, несмотря на то, что Тихон грозил за неподчинение ему максимальной угрозой, находившейся в его распоряжеиии: священников лишать сана, а мирян отлучать от церкви.

Декрет Тихона возымел свои действия. Духовные лица, по слепой привычке подчиняться всякому московскому капризу, не посмели ослушаться Москвы и тогда, когда в ней прозвучала настоящая уже неправда. Даже добрые сердца не всюду умели найти в себе необходимое мужество противостать злобе тихоновского декрета, продиктованного не любовью к умирающим от голода, а ненавистью к правящим большевикам. С осени 1921 г. церковь в отношении большевиков пытается занять уже не обороняющееся, а наступательное положение. Агрессивность церкви вызывается русской политической эмиграцией, духовной и мирской. Дело в том, что черносотенные русские архиереи, видя, что Советская власть существует и существует прочно, бегут за границу. На них сбывается слово Спасителя: „а наемник, видя волка грядущего, оставляет стадо и бежит; наемник бежит, потому что он наемник и не заботится об овцах". Если эти черносотенцы считали действительно большевиков за волков, то, по Евангелию, они должны были не бежать все же, а остаться и умереть со своим стадом. Того же требуют и каноны, которые они так уважают!

Эти бежавшие за границу епископы, вместе с мирскими представителями церкви, живут и там, вдали от родины, той же ненавистью, которая заставила их бежать из России. Мечты о реванше, о реставрации преследуют этих священнослужителей.

Они наблюдают процесс, как им кажется из прекрасного далека, распада большевистской власти. Но они недовольны медленностью этого процесса. В этом они готовы винить церковь.

Поздней осенью 1921 года церковные деятели собираются в г. Карловицах на всезаграничный церковный собор. Председательствует знакомый нам Антоний Храповицкий, бежавший со своей киевской кафедры. Собор на повестке дня ставит вопрос о большевиках. Антоний утверждает, что одна лишь церковь есть та реальная сила, которая может их сбросить. Но между тем эта сила пассивна, а не активна. Надлежит перейти к делам, прежде всего к агитации. Наиболее удобной „лойяльной" формой агитации является богослужение, молитва, которая в искусных руках может иметь чрезвычайно определенное воздействие на массы. Так, в годы революции, особым успехом среди известной части верующих начинает пользоваться икона „Державной Божией Матери". Богородица изображена в короне, со скипетром, с державой. Символика здесь, конечно, более чем прозрачна: Божья Матерь восприняла державу благочестивых царей российских, выбитую из их рук дерзкою рукой, и правит невидимо страной. Молитва этой иконе, составленная дерзким и неверующим анонимом, есть сплошное издевательство над подлинной, полной беззаветной любви, сущностью Христова учения. Но она дышет безудержной, слепящей злобой и ненавистью к большевикам... и пользуется (пользовалась) „большим успехом"... Карловицкий собор постановил, чтобы в церквах возносились моления о восстановлении самодержца из дома Романовых!

Карловицкий собор был открыт Антонием, уполномоченным патриарха Тихона для заграницы, именем „великого господина и отца святейшего Тихона, патриарха московского и всея России".

Влияние Карловицкого собора на русскую церковь — несомненно, хотя официальные представители церкви всемерно его отрицали. Ведь там сказали то, что здесь не смели даже про себя думать. Вся работа церкви, вся ее тихая сапа, была тонкой попыткой низвергнуть ненавистную власть. В связи с Генуэзской конференцией, относительно которой в церковных кругах ходили определенные слухи, что она кончится крахом Советской власти, активность церкви начинает повышаться. Существует

определенное убеждение, что если церковь не отдаст своих ценностей, то большевикам не справиться с теми затруднениями, которые перед ними поставил голод, и Советская власть ходом вещей уйдет.

Вот та психология, вот та философия, которая заполняла сердца, забывшие Бога и Его заповедь бесконечной любви, но ненавидящих брата своего за то, что у него иные политические взгляды, нежели у них.

Руководимые этим настроением, ответственные церковники не отдают и не позволяют отдавать ценности. И вспыхивает по России ряд процессов по сопротивлению в изъятии ценностей. Процесс в Шуе, Иванове-Везнесенске, Москве, Смоленске, Петрограде, Старой-Руссе, Симферополе и др. местах. Всюду проходит одна и та же картина. Получается декрет патриарха Тихона. Епископ обсуждает его в своем совете (будет ли это епископский совет или общество приходов и т. п.). Декрет передается благочинными. Благочинные рассылают его настоятелям. Настоятели оглашают народу. Для религиозного, вернее сказать, для религиозно-суеверного человека декрет этот ужасен. Ведь, он кончается угрозой отлучения от церкви, анафемой. Это предел возможной, мыслимой церковной кары. Поэтому декрет на церковную толпу производит, конечно, ужасающее впечатление. Не надо отдавать. Является жажда мученичества. Надо пострадать за церковь, за Христа, за золотые и серебряные чаши! Толпа была одурачена. Подлинное учение Христово, подлинные слова Господа—нужно всем поделиться, все отдать близкому—толпа не знала. Духовные и мирские агитаторы весьма ловко поддерживали, подогревали это настроение. И в проповедях, но чаще, больше, вернее—келейно, с глазу на глаз, в одиночной беседе. И, по призыву настоятеля, епископа, приходского совета, а иногда случайного человека, экзальтированной женщины, собирается толпа, мешает представителям Советской власти в их работе, буйствует, бесчинствует, избивает, ломает черепа. Ломает черепа во имя Христа—вот последнее достижение, вот апофеоз тихоновской церкви! И случилась реакция. Ломая черепа Советской власти, тихоновская церковь переломила свою шею. Ибо все религиозно честное, чистое, чуткое, нравственное и правдивое не могло пойти этим путем

ненависти к ближнему во имя политической ненависти. И стали для этих лиц так называемые „священные“ каноны, не позволяющие помощь в нужде, не священными, а преступными, и „святейший“ патриарх потерял всякую святыно в их глазах. Запрещение помощи голодному во имя Христа — вот что убило тихоновщину. Вот что окончательно оторвало от нее тех, кто давно только внешне, только формально был с ней связан.

Тихоновцы с гневом, с клеветой, с ненавистью отнеслись к обновленцам. Не было той грязи, которую они, в гнусном воображении своем, не бросили бы в то движение, которое решительно осознало необходимость разорвать не с церковью, а с ее неправдой, не с Христом, а мерзким прикрыванием Его именем темноты, дел братоненавистнеческих, братоубийственных.

Изъятие ценностей погубило церковь патриарха Тихона.

ГЛАВА X.

Уход патриарха Тихона.

Положение стало совершенно невыносимым. Тогда прогрессивная группа петроградского духовенства определенно решила действовать. На заседании комитета группы было решено отправить в Москву представителей группы для беседы с патриархом Тихоном, чтобы выяснить ему всю невозможно тяжелую атмосферу, в которую поставила церковь его контр-революционная политика. Были командированы священник Евгений Христофорович Белков, псаломщик Стефан Яковлевич Стадник и я.

По приезде в Москву мы застали о. Владимира Дмитриевича Красницкого, бывшего в это время там по своим частным делам. Он присоединился к нашей компании и мы совместно с священником Сергием Калиновским 12 мая 1922 года добились аудиенции у патриарха Тихона. Указав на только что закончившийся процесс московского Губревтрибунала, коим по делу о сопротивлении изъятию ценностей вынесено одиннадцать смертных приговоров, наша группа моральную ответственность за эту кровь возлагает на патриарха, распространившего по церквам свое послание-прокламацию от 28-го февраля. Это послание на местах явилось сигналом для новой вспышки руководимой церковной иерархией гражданской войны церкви против Советской власти.

Священником Красницким в беседе было указано, что с именем Тихона вообще связано вовлечение церкви в контр-революционную политику, конкретно выразившуюся, между прочим: а) в демонстративном анафематствовании патриархом большевиков

19-го января 1918 года; б) в выпуске патриархом послания от 15/28 февраля 1918 года, призывавшего к сокрытию в потайных местах церковного имущества, к набатным звонам и к организации мирян в целях сопротивления Советской власти (это послание, по словам свящ. Красницкого, на местах вызвало 1.414 кровавых эксцессов); в) в посылке патриархом Николаю Романову в Екатеринбург через епископа Гермогена благословения и просфоры; г) в рукоположении в священный сан и в приближении к высшим иерархическим должностям целого ряда лиц, определенно выявивших себя в качестве приверженцев старого, монархического строя; д) в превращении церкви вообще в политическую организацию, прикрывшую своей ризой и впитавшую в свои приходские советы те безответственные элементы, кои хотят именем церкви и под знаменем церкви свергнуть Советскую власть.

Указав на то, что под водительством патриарха Тихона церковь переживает состояние полнейшей анархии, что всей своей контрреволюционной политикой и, в частности, борьбой против изъятия ценностей она подорвала свой авторитет, наша группа просила у патриарха немедленного созыва для устроения церкви поместного собора и полного отстранения патриарха, до соборного решения, от управления церковью. В результате беседы патриахр написал о передаче своей власти до поместного собора одному из высших иерархов.

Отречение патриарха от власти было совершенно неожиданным для церковников событием. Между тем оно было подготовлено всем предшествующим ходом вещей. Патриарх Тихон должен был уйти для спасения церкви. Иначе погибла бы церковь. Здоровый церковный инстинкт, правильное понимание существа дела, ненависть к смешению задач политических, контрреволюционных, в чем и заключается существо тихоновской церкви, все это заставило прогрессивное духовенство иметь нравственное мужество сказать патриарху в лицо слово правды.

Патриарх эту правду понял и принял—и ушел.

Но уход патриарха Тихона не захотела принять тихоновская церковь.

Дело началось с Петрограда.

Митрополит Вениамин не принял указа сформированного, на

основании резолюции Патриарха Тихона, Высшего Церковного Управления. Более того, он издал документ (написанный епископом Иннокентием ладожским), в котором предостерегает петроградских священников, решившихся пойти сказать то, что они сказали патриарху, угрожая им всеми мерами своего архипастырского прещения, вплоть до отлучения от церкви.

Этот документ читается митрополитом за богослужением в Николо-Морском Соборе, а также распространяется по всем церквам. Народ, введенный в заблуждение ответственным иерархом, волнуется. Возбуждение достигает до последних пределов. Протоиерея М. И. Гремячевского оскорбляют на улице действием, а я в начале июня подвергаюсь нападению нафанатизированной духовенством женщины. Я получил рану булыжником в череп и пролежал несколько недель в постели.

В других местах движение также протекает бурно. Оно приковывает все общее внимание, но и возбуждает ненависть толпы. Зарегистрированы еще случаи насилия над обновленцами в ряде городов.

В чем же дело, спросит читатель, почему такая ненависть?

Дело заключается в определенной политической физиономии освободительного движения.

Тихоновщина вся сплошь строилась на ненависти к большевикам, она насквозь пронизана контр-революцией, более того— это просто контр-революция, прикрывшаяся церковными ризами и рясами.

Новое движение в церкви началось с открытого разрыва и осуждения контр-революции. И это не только потому, что монархия есть организованное угнетение масс, а церковь не должна и не может санкционировать подобные вещи.

Церковь должна отказаться от контр-революционной политики во имя отрицания всякой политики. Почему возмущает контр-революция в церкви?

Потому что это оскорбляет религиозное чувство. Церковь есть учреждение религиозное, а не политическое. Поэтому долой контр-революцию из храмов. В храме место одному Христу.

Освободительное движение в церкви не хотело создать „красную“ церковь.

Коммунисты—атеисты, для каковых, очевидно, церкви никакой не требуется.

„Революционная“ церковь никому не нужна. Церковь есть церковь — вот девиз „Новой“ церкви. Но эта церковь, с высоты евангельского идеала, производя оценку жизни,—расценивает и принципы октябрьской революции. И в них она видит правду Христову. Новое движение принимает правду социальной Октябрьской революции.

К пятилетию существования Советской власти Церковь перестроилась, по крайней мере в своем центре. Центр церковной контр-революции — тихоновский патриархат—ушел. Его ушла сама жизнь.

Вместо патриархата существует Высшее Церковное Управление Православной Российской Церкви, во главе с митрополитом московским Антонином. Это управление является безусловно лойяльным в отношении государства. Более того, оно, во имя того, что церковь есть церковь, а не политический клуб, объявило решительную борьбу с контр-революцией в епархиях и приходах.

Вопреки патриарху Тихону, В.Ц.У. считает декрет об отделении церкви от государства не гонением на церковь, а благом, так как он предоставляет церкви полноту возможности выявления всех ее чисто-религиозных заданий. Прочих же, не чисто-религиозных, задач, утверждает В.Ц.У., у церкви быть не может.

Различаясь между собой по деталям своего мировоззрения, члены В.Ц.У. одушевлены желанием создать легальное положение церкви в государстве. Ибо, вопреки воплям тихоновцев, Советская власть не гонит церковь, согласно своей конституции.

Если кого-либо смущает тот факт, что государство допускало и допускает репрессии к некоторым церковникам, то надо помнить, что их преследуют не за религию, не за религиозную деятельность, а именно за то, что они подменили религиозную деятельность свою деятельностью религиозно-политической, деятельностью церковно-контр-революционною. На это государство, конечно, имеет полное, неотъемлемое право.

Если кого-либо смущают нападки на религию в прессе и т. д., то надлежит помнить, что, по декрету, в советской

России допускается как религиозная, так и антирелигиозная пропаганда.

Отречение церкви от контр-революции даст ей возможность вполне легально существовать в советской России, которая не запрещает веровать кому и во что ему угодно.

Но, к сожалению, и поныне некоторые части верующего народа, руководимые реакционными епископами и священниками, не хотят служить одному Христу и насквозь пропитаны тихоновщиной, сущность которой достаточно очевидна из этой книги.

Для окончательной ликвидации этой тихоновщины В.Ц.У. весной 1923 г. созывает второй поместный Всероссийский Собор, который, наконец, уничтожит всю эту реакционную накипь, ничего общего с религией не имеющую, и установит нормальные взаимоотношения между церковью и государством.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

